

Диалектическая
сущность
НОВОГО
МЫШЛЕНИЯ

мысль

Всесоюзный Дом политического просвещения
при ЦК КПСС

Диалектическая сущность НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

ПОСОБИЕ
ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ СЕМИНАРОВ

Москва «Мысль» 1990

ББК 15.5
Д 44

РЕДАКЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор
д-р филос. наук Е. Ф. Солопов

Д $\frac{0301040100-055}{004(01)-90}$ КБ-9-14-1989

ISBN 5-244-00462-X

© Издательство «Мысль», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга посвящена осмыслению диалектической сущности нового мышления, отражающего специфику современной общественной жизни, глубоко отличающей ее от того, чем общество характеризовалось не только в начале, но и в середине XX века.

Общая характеристика нового мышления как принципиально нового явления конца XX столетия дается в первой главе. В последующих главах понимание нового мышления конкретизируется в аспекте ряда актуальных проблем современного социально-политического, духовно-нравственного и научно-художественного развития общества.

Человеческое мышление, как все в мире, подвержено историческому изменению, развитию. Каждая эпоха характеризуется своим мышлением, отличающимся от мышления других эпох прежде всего содержанием, а также той логикой, которая определяется фундаментальными положениями, коренными принципами данного содержания, обуславливающими специфический подход к явлениям природы, общества и самого мышления, сознания людей. Например, многие века господствовало мышление созерцательное, преувеличивающее независимость и неизменность предметов. На протяжении XIX и XX вв. это метафизическое мышление постепенно, но неуклонно вытесняется диалектическим представлением о внутренне противоречивых и превращающихся друг в друга процессах-системах, обладающих лишь относительной самостоятельностью и устойчивостью. Резко различаются идеалистическое и материалистическое мышление, каждое из которых тоже претерпевает процесс исторического изменения, смены форм, отражая крупные открытия науки и важные социальные события. Но что означает изменение формы, например, материализма при сохранении его исходной точки зрения? Оно означает отражение в содержании и взаимосвязях всех категорий данной формы

философии полученного нового знания о природе или обществе, углубление за счет нового открытия понимания как исходного принципа материализма, так и многих более частных его положений. В соответствии с этим можно сказать, что новое мышление нашего времени отражает прежде всего приоритет общечеловеческих интересов, выдвижение на первый план идеи гуманизации человеческого общества, сотрудничества стран, народов, социальных групп, исторических общностей, преодоления их конфронтации.

В советской печати последнего времени наблюдается резкое возрастание внимания к проблемам нового мышления¹. При этом все более очевидной становится связь нового мышления не только с внешней политикой, международными отношениями, но и с внутренней перестройкой нашего общества*. С учетом этой второй стороны новое мышление точнее всего может быть названо новым мышлением эпохи советской перестройки. Этому аспекту нового мышления как раз и уделено больше всего внимания в данной книге.

Авторы анализируют значение труда как фактора и условия формирования нового мышления, раскрывают педагогические аспекты труда, его развивающие функции. Самостоятельное значение имеет освещение мыслей классиков марксизма о необходимости широкого, а не только политэкономического рассмотрения труда. Много внимания в книге уделено проблемам перестройки в социальной сфере, приближения теории и практики социализма к интересам, нуждам и потребностям каждой возрастной группы населения, каждого человека на всех этапах его индивидуального развития — от детства до пенсионного возраста. Детально исследуется такое опасное и, к сожалению, весьма жизнеспособное социальное явление, как бюрократизм, вскрываются его истоки, признаки, показывается ограниченность старого мышления в трактовке бюрократизма. Усилия автора направлены на выработку научной программы

* Огромное значение для осмысления специфики нового мышления имеют материалы XIX Всесоюзной партийной конференции, Съездов народных депутатов СССР и сессий Верховного Совета СССР, которые открыли новый период развития общественной системы социализма.

борьбы с бюрократизмом, предложений по консолидации революционных сил перестройки против корпоративизма.

Значительное внимание в книге уделено философским предпосылкам и основам нового мышления, раскрытию его связи с диалектической логикой, анализу категорий противоречия, целостности и перехода. Выделяются новые виды противоречий, их причины, движущие силы и способы разрешения, рассматриваются эффективные методы управления конфликтами. Общефилософское описание проблем диалектики дополнено изучением своеобразных форм выражения противоречия между базисом и надстройкой социалистического общества, анализом революционных сдвигов, переломных ситуаций в его развитии.

С позиций нового мышления в книге освещается и соотношение социалистического плюрализма с философским монизмом и марксистско-ленинской партийностью философии, науки и искусства, оцениваются новые явления в культуре. На примере математики, одной из самых абстрактных и формальных наук, прослеживается действие характерной для нашего времени закономерности — гуманитаризации науки. Оказывается, что даже в математике начинают все более значительную роль играть субъективные компоненты творчества. Показывается включенность математической науки в общекультурный контекст общественной жизни, что свидетельствует об отсутствии непреодолимой грани между научной и художественной деятельностью. В одной из глав рассматриваются альтернативные движения современности, подтверждающие вывод о многообразии прогрессивных общественных сил и необходимости всемирной консолидации их действий. Завершает книгу глава о новом мышлении как общетеоретической основе внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства.

Книгу написали:

Главу I	— д-р филос. наук Е. Ф. Солопов
Главу II	— д-р филос. наук З. М. Оруджев
Главу III	— д-р филос. наук А. Н. Аверьянов
Главу IV	— канд. филос. наук Г. К. Овчинников

- Главу V — канд. филос. наук В. А. Попков
Главу VI — канд. филос. наук Л. В. Орлова
Главу VII — д-р филос. наук М. Н. Перфильев
Главу VIII — д-р филос. наук Э. Ф. Володин,
— канд. филос. наук В. А. Попков
Главу IX — чл.-кор. АН СССР Ф. Ф. Кузнецов
Главу X — д-р филос. наук М. И. Панов
Главу XI — канд. ист. наук Л. Н. Панкова
Главу XII — канд. ист. наук Ю. П. Бабнч

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ — МЫШЛЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ

В документах КПСС последних лет, начиная с апреля 1985 г., перед членами партии, всеми советскими людьми поставлена задача овладевать новым мышлением, в характеристике которого в первую очередь подчеркивается его диалектичность и новый подход к международной внешней политике. С учетом же того, что в марксистско-ленинском мировоззрении диалектика неразрывно связана с материализмом, следует сказать, что новое мышление есть не что иное, как диалектико-материалистическое мышление на современном этапе его развития, включающее в себя в обобщенном виде все достижения науки и общественной практики XX в. Последовательный реализм, объективное отражение действительности — отличительные черты нового мышления, решительно преодолевающего привычку закрывать глаза на недостатки, ошибки и упущения в жизни общества и системе управления им. *Новое мышление есть правильное понимание новых реальностей, достигаемое с помощью материалистической диалектики*¹.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О НОВОМ МЫШЛЕНИИ

Чем обусловлена необходимость нового мышления как принципиально нового явления в жизни нашей страны и всего мира конца XX столетия? Прежде всего возникновением угрозы самому существованию человечества, порожденной научно-технической революцией, создавшей технические возможности, используя которые агрессивные общественные силы могут ввергнуть человечество в ядерную войну, а недалеководные хозяйственники — в глобальную экологическую катастрофу.

Современный мир становится все более динамичным и противоречивым, многообразным и вместе с тем целостным, взаимосвязанным. На XXVII съезде КПСС выделены следующие группы противоречий современного человечества: противоречия между государствами двух социальных систем, двух формаций; внутренние противоречия самого капиталистического мира; сложный и подвижный комплекс противоречий между империализмом и развивающимися странами и народами; экологические противоречия глобального масштаба, затрагивающие самые основы существования цивилизации. «Никогда прежде наш земной дом не подвергался таким политическим и физическим перегрузкам»², ликвидировать и предугадать которые стало сегодня настоящей необходимостью.

В век научно-технической революции определяющим фактором эволюции нашей планеты становится совокупная деятельность человечества, ответственного за дальнейшую судьбу не только самого себя, но и всей Земли. Много, интересно и убедительно пишет об этом академик Н. Н. Моисеев, который обоснованно подчеркивает резкое ускорение процессов, протекающих в обществе и биосфере. «Если раньше заметные изменения в состоянии общества и окружающей среды требовали столетий, то сейчас они совершаются буквально на глазах одного поколения»³. Поэтому, обращаясь к итогам развития советского общества за истекшие более чем 70 лет, надо перестать утешать себя тем, что в масштабах истории человечества это незначительный срок. С учетом интенсивности общественного развития, характерной для второй половины XX века, от советской истории общества следовало бы ожидать намного больших достижений, чем мы реально имеем.

С учетом интенсивности современного мирового развития следует оценивать и ход перестройки советского общества с апреля 1985 г. Если исходить из объективных потребностей общества и его возможностей, то идет перестройка слишком медленно. Начиналась она под лозунгом ускорения социально-экономического развития страны, в последующие годы об ускорении как бы забыли. Появились и оправдания этого: дескать, эйфория уступила место большей трезвости в оценках событий. Продолжая

эту мысль в беседе с журналистом, Ф. Искандер замечает: «Этот лозунг мне, кстати говоря, с самого начала не нравился. Ускорение — общий призыв еще с 20-х годов. Все дело в том, что никого вообще нельзя подхлестывать... Я предпочитаю слова «обновление», «возрождение». Вместе с тем писатель считает, что «сейчас настал такой момент, когда надо во что бы то ни стало найти средства в самое ближайшее время накормить народ. По крайней мере на какой-то уровень вывести, пойти на любую временную кабалу, занять деньги... Потому что нельзя 70 лет обещать и ничего не давать»⁴.

В определении темпов перестройки в равной мере недопустимы ни искусственное забегание вперед, ни топтание на месте. Конечно, общество не может дальше терпеть экстенсивное наращивание производства ради производства, накручивание вала ненужных населению изделий, перевыполнение производственных планов ради премий и т. п. Но разве можно отказываться от ускорения такого экономического развития, которое направлено на удовлетворение самых насущных потребностей общества и каждого отдельного человека? Разве можно хоть как-то оправдать прямо-таки поразительные в сравнении с технологическими возможностями конца XX в. срывы в производстве самых необходимых товаров народного потребления? Разве терпим такой ход перестройки, когда по-прежнему проваливаются планы развития в сфере культуры, когда, например, из намеченных к вводу в 1988 г. 14 театров ни один так и не вступил в строй?⁵ Сколько можно игнорировать общественное мнение по вопросам экологии, строительства канала «Волга — Чограй» и т. п., продолжая как ни в чем не бывало вкладывать огромные средства в самоедскую экономику? Подобных фактов слишком много, чтобы их не замечать. Конкретно и подробно обсуждались процессы, тормозящие ход перестройки, на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, Съезде народных депутатов и сессиях Верховного Совета СССР. Особенно беспокоит отставание перестроечных процессов внутри партии⁶. В литературе, в том числе и остродискуссионной, правильно подчеркивается, что «фактор времени сегодня — важнейший политический аргумент»⁷.

Не только с теоретической, но и с непосредствен-

но практической точки зрения очень важно понять, что мир, в котором мы живем, «стал совсем другим, чем он был в начале и даже в середине нынешнего века, что человечество стоит на пороге ноосферы — эпохи, которая нуждается в новой нравственности и новой морали»⁸. Темпы ускорения, масштабы перегрузок и глубина коренных, качественных изменений природы, общества и их взаимодействия настолько велики, что для их отражения в общественном сознании и учета в практической деятельности потребовалось качественно новое мышление. Ускорение научно-технического прогресса и его во многих случаях не только созидательное, но и разрушительное воздействие на природу уже невозможно воспринимать как нечто обычное, укладывающееся в старые мерки. Осознание этого становится все более необходимым не только для ученых, политических и общественных деятелей, но и для самого широкого круга людей.

Человечество поистине вступило в качественно новую полосу своего развития. Оно имеет дело с ядерной и космической техникой, биотехнологией и биоинженерией, информатикой и компьютеризацией*.

С небывалой остротой во всем мире встали проблемы нравственности, взаимоотношения поколений, образа жизни, достойного гуманной сущности человека, сохранения и приумножения доброты и духовной красоты как основы нравственно-эстетического поведения людей, эффективной защиты их от агрессивного наступления низкопробного развлекательства, алкоголизма, наркомании и т. п. Сложными и важными являются вопросы использования современных средств массовой информации, имеющих большие возможности подчинять нравственные, эстетические, социально-политические идеалы людей усредненным и не всегда качественным стандартам.

Формирование и широкое распространение нового мышления, преодоление стереотипов и догм, унаследованных от прошлого, особенно необходимо для перехода от конфронтации к мирному соревнованию

* С появлением новых направлений науки, техники и технологии связывают переход от (еще сохранившейся) машинной цивилизации к принципиально новой — компьютерной и биоинженерной цивилизации⁹, переход от письменной культуры к экранной¹⁰.

противоположных социальных систем, которое только и может обеспечить сохранение, выживание человечества в наш ядерный век. *Центральное звено нового мышления — утверждение приоритета общечеловеческих ценностей, гармонизация классовых, национальных и иных групповых интересов.* КПСС вместе с компартиями других стран творчески развивает идеи основоположников марксизма-ленинизма о взаимосвязи общечеловеческих ценностей с социально-классовыми, освобождается от укоренившегося в сталинское время прямого и грубого противопоставления классового общечеловеческому, революционного насилия — мирным формам постепенного социального прогресса.

Как в условиях раннего государственно-монополистического капитализма, так и сейчас, в условиях позднего государственно-монополистического капитализма, не исключается возможность социалистической революции в отдельных странах в определенных ситуациях. «Однако в целом складывается иная тенденция. Научно-техническая революция осуществляет глубокий переворот в самом фундаменте общественного производства, интернационализирует его, ведет к существенным изменениям в социальной структуре общества, структуре наемного труда. Расширяются возможности постепенного и не столь резкого перехода к социализму в результате интенсивного вызревания его предпосылок в недрах капиталистического строя»¹¹. Значение классового подхода к анализу современности ни в малейшей степени не уменьшается, но в конце XX в. этот подход может быть эффективным лишь с учетом общечеловеческих, национальных и глобальных факторов. Глобализация классовой борьбы и втягивание в ее орбиту все новых сфер жизни осуществляются вместе с развитием различных форм солидарности и взаимодействия различных социальных групп, в самой классовой борьбе намечается переход от приоритета насилия к приоритету выживания, приоритету общечеловеческого¹².

Новое мышление необходимо и для действительно революционного и всестороннего преобразования нашего общества. Конечно, необходимость в перестройке обострена допущенными в прошлом ошибками (вплоть до ошибок преступного характера) и раз-

личными деформациями социалистического строительства в нашей стране (и в ряде других стран). Но даже если бы не было этих ошибок и строительство социализма максимально соответствовало объективным законам развития общества, все равно во всем способе производства, в базисе и надстройке раньше или позже с неумолимой неизбежностью должны были бы произойти коренные, качественные изменения, направленные на обеспечение дальнейшего наиболее оптимального их развития.

Количественные изменения, накапливаясь в период эволюционного развития, неизбежно влекут за собой коренные, качественные преобразования социальных (и всех других) систем. Поэтому этапы общественного развития, аналогичные нашей перестройке, закономерны и естественны. Необходимость перестройки советского общества назрела давно, мы слишком поздно приступили к ней. Очень важно вовремя обнаружить противоречия, требующие немедленного разрешения. Иначе процессы выходят из-под контроля, становятся неуправляемыми. Именно об этом говорят факты националистического экстремизма, забастовок в нашей стране. Вина за них лежит, несомненно, на органах управления в центре и на местах, не принимавших своевременных мер, не учитывавших в течение долгого времени идущие снизу требования перемен.

«Социалистическое общество неправильно и вредно представлять застывшим и неизменным, а его совершенствование — лишь как способ подогнать, подстроить сложную действительность под раз и навсегда сформулированные идеи, понятия, формулы. Представления о социализме постоянно развиваются и обогащаются с учетом исторического опыта, объективных условий»¹³. В соответствии с этим разрабатываемая концепция социализма, развивающая путем анализа и обобщения новых реальностей марксистско-ленинскую теорию, является сердцевинной нового мышления, важнейшей частью его общего содержания. Современная концепция социализма учитывает, что общественный прогресс включает в себя как момент отрицания, отбрасывания, слома старого, так и момент наследования, сохранения, преемственности. Эта закономерность имеет важное значение для определения путей и средств перестройки

нашего общества. Тем более что реальный общественный прогресс осуществляется по одному из многих возможных вариантов. Осознание этого позволяет избежать попыток навязать какое-то одно решение как единственно возможное.

При выработке современной концепции социализма советские экономисты ставят вопрос о выделении и самостоятельном анализе целой системы общеэкономических отношений, характеризующих непрерывность человеческой цивилизации, закономерный ход ее поступательного развития. В этой связи в первую очередь обращается внимание на товарно-денежные отношения как на «одно из самых гениальных изобретений человечества, шлифовавшееся и оттачивавшееся веками, со времен феодализма и даже рабовладения. До сих пор жизнь не создала реальной альтернативы этим отношениям. Прежнее представление, имеющее глубокие корни, будто новое общество может отказаться от рынка, от товарно-денежных отношений, было утопическим с самого начала»¹⁴. В соответствии с этим академик О. Т. Богомолов считает главной отличительной чертой новой экономической модели социализма восстановление в правах планомерно регулируемого социалистического рынка со всеми присущими ему институтами и механизмами и обязательное распространение этих прав на оптовую торговлю средствами производства, поскольку без последнего рынок не сможет выполнить своих функций¹⁵.

Важнейший признак современной концепции социализма — возрождение гуманистического и демократического его понимания как общества, целью и идеалом которого является создание такой ассоциации людей, «в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁶.

Таким образом, новое мышление отличается от старого, во-первых, действительным приращением знания, углублением диалектико-материалистического миропонимания в процессе осмысления природных и общественных явлений, в том числе и так называемых белых пятен в нашей истории. Во-вторых, новое мышление характеризуется возвратом к подлинно творческому марксизму-ленинизму, отказом от консерватизма, догматизма и других разнообразных и многочисленных искажений марксистско-ленинского

подхода, фактически подменяющих его разновидностями эклектики, софистики, а в конечном счете идеализма, метафизики (антидиалектики), вульгарного материализма, надуманного социологизаторства, неоправданного биологизаторства и т. п. В первом случае мы имеем дело с новым мышлением в абсолютном смысле слова, во втором — в относительном смысле, так как здесь лишь восстанавливается то, что уже имелось ранее. Но это отнюдь не означает какой-либо второстепенности данного аспекта, так как он имеет прямое отношение к очень важной проблеме выбора методологии формирования нового мышления. И вот, переходя к этому вопросу, мы как раз и обнаруживаем, что наследие классиков марксизма-ленинизма имеет для нас значение прежде всего именно как плодотворная и надежная методология.

Марксизм существует почти полтора века. Как всякое научное учение, он не стоит на месте. Отражая объективные изменения в мире — изменяется и сам, обогащаясь новыми открытиями — отказывается от устаревших положений. Методологическое значение не только основ марксизма, но и богатейшего опыта его исторического развития непреходяще. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина до сих пор остаются непревзойденным образцом применения диалектико-материалистического метода. Именно поэтому для формирования нового мышления необходимо тщательное использование методологического наследия наших великих предшественников.

В советской печати уже обращалось внимание на несостоятельность появившихся в западной прессе в связи с XIX Всесоюзной партийной конференцией утверждений об ослаблении или даже полной утрате в СССР интереса к марксизму-ленинизму и как к основополагающей доктрине советского строя, и как к основе советской внешней политики¹⁷. На самом же деле на этой конференции неоднократно отмечались и современность марксистско-ленинского учения, и необходимость его использования для дальнейшего продвижения в вопросах теории, обогащения политики и практики. Наиболее конкретно в материалах конференции отражено ленинское наследие. Возврат к ленинским принципам, поворот к человеку, к духовному обогащению народа — именно

так определено главное направление политики в области науки, образования и культуры в период перестройки. Новое мышление следует ленинским принципам, требующим от теории постоянного совершенствования, развития в соответствии с ходом живой жизни. В области духовно-нравственной борьба с бюрократизмом прямо связывается с возрождением ленинских традиций и критериев духовной жизни, с творческим развитием идеологии марксизма-ленинизма.

В переломные, революционные периоды общественного развития, одним из которых является наша перестройка, крайне необходимо быстро и точно «схватить» специфику момента, учесть в единстве все решающие, важнейшие факты из жизни общества. И именно материалистическая диалектика, выражающая обобщенное содержание всего марксистско-ленинского мировоззрения, позволяя максимально всесторонне и правильно подходить к решению самых различных вопросов. Понятно поэтому, что в новой редакции Программы КПСС задача развития диалектико-материалистической методологии указана как одна из важнейших в области образования, науки и культуры.

Конечно, в теоретическом отношении диалектико-материалистическое мышление не является новым для марксистов-ленинцев. Но особенности, степень освоения и практическое использование его в каждый конкретный исторический период характеризуются определенным своеобразием. Так, в прошедшие десятилетия много сделано для разработки философских вопросов естественных наук, укрепления союза материалистической диалектики с общественными, гуманитарными науками. Без творческого оплодотворения идеями, революционным духом марксистско-ленинской диалектики весь комплекс социальных, гуманитарных наук не сможет избавиться от схоластического теоретизирования, оторванного от анализа реальных противоречий социалистического общества, всего современного человечества. Поэтому подлинно диалектико-материалистическое осмысление общественных процессов означает овладение общественоведами действительно новым мышлением. Взвешенный, реалистический и вместе с тем новаторский смелый подход с позиций материалистической диа-

лектики к решению задач становится жизненно необходимым для самого широкого круга специалистов-практиков, осуществляющих управление различными звеньями нашего общества, хорошо организованное сотрудничество с учеными и практиками даст мощный импульс дальнейшему развитию теории самой материалистической диалектики.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Принципы диалектико-материалистического мировоззрения, изложенные К. Марксом в «Тезисах о Фейербахе», в ряде важнейших аспектов имеют непосредственное отношение к современному новому мышлению. Тезисы по существу пронизаны одной идеей — необходимостью перехода от созерцательного к такому миропониманию, которое базируется на активной, творческой практике людей, преобразующей как внешнюю природу, так и самих людей во всей совокупности их общественных, материальных и духовных связей и отношений.

Живое, или непосредственное, созерцание констатирует лишь внешнее единство сосуществования одной противоположности наряду с другой — взаимосвязи явлений и их отдельности друг от друга, движения (изменения) и покоя, объекта и субъекта, общества и природы, чувства и разума, теории и практики. Поэтому в рамках созерцательного отношения к миру господствующим методом познания не могли служить ни диалектика с ее учением о взаимопроникновении противоположностей, начало которой положил Гераклит, ни метафизика, полностью отрицающая истинное движение, изменение, разнообразие и многообразие бытия (учение элеатов). Необходим был компромиссный синтез названных учений, который и был осуществлен в атомистике Левкиппа и Демокрита, которая послужила основой атомистики более поздних веков. Господствовавший в течение длительного времени механистический, в значительной мере метафизический метод мышления имел великое историческое оправдание: надо было исследовать предметы, прежде чем приступать к исследованию процессов¹⁸.

В середине XIX в. объективное содержание научного познания вплотную подвело ученых к диалектико-материалистическому мировоззрению и методу мышления. Ф. Энгельс полагал, что к диалектическому пониманию природы ученые придут благодаря накапливающимся фактам естествознания¹⁹. Но по различным социальным и гносеологическим причинам процесс этот в мировом масштабе осуществляется очень медленно и непоследовательно. Ход истории подтвердил предостережение Ф. Энгельса о том, что игнорирование учеными философии приводит лишь к худшей философии — идеализму и метафизике. Незнание материалистической диалектики в известной мере обусловило кризис естествознания на рубеже XIX и XX вв., дальнейшие познавательные, мировоззренческие трудности развития науки XX столетия. Представления, опирающиеся в конечном счете на данные непосредственного созерцания действительности, настолько прочно и глубоко укоренились не только в бытовом, но и в научном, в том числе философском, мышлении, что их нельзя считать полностью преодоленными вплоть до настоящего времени.

Не без трудностей развивался союз диалектико-материалистической философии с естественными и гуманитарными науками и в нашей стране. Некоторые философы, а также представители других областей знания, выступая якобы от имени диалектического материализма, но фактически придерживаясь метафизических, недиалектических, вульгарно-материалистических представлений о мире и процессе познания, боролись в свое время с рядом прогрессивных направлений современной науки. Отход от материалистической диалектики в трактовке социальных и философских вопросов науки был неразрывно связан с нарушением принципов социализма в жизни нашего общества. Поэтому преодоление указанных мировоззренческих ошибок осуществляется с возрождением ленинского подхода к развитию теории и практики социализма.

В десятом тезисе о Фейербахе Маркс подчеркивал: «Точка зрения старого материализма есть *«гражданское»* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество»²⁰. Под «гражданским» об-

ществом здесь имеется в виду буржуазное общество, а под обобществившимся человечеством — коммунистическое общество²¹. Главное же для нас здесь в том, что новый — диалектический материализм К. Маркс прямо и непосредственно рассматривал как выражение точки зрения всего обобществившегося человечества. И это ни в коей мере не противоречит тому, что одновременно К. Маркс называл свою философию «духовным оружием пролетариата». Это объясняется особой природой рабочего класса, который, хотя и составляет в буржуазном обществе лишь часть, выражает в конечном счете перспективные интересы всего человечества как единого целого.

Если в прошлом веке к осознанию необходимости материалистической диалектики как метода мышления, выражающего точку зрения всего человечества, могли прийти только самые выдающиеся умы, то к концу XX столетия овладение этим мышлением как методологией не только познания, но и общественной практики становится поистине жизненно необходимой задачей, связанной с интересами выживания человечества, сохранения окружающей его природы.

Идея теснейшей взаимосвязи человечества и природы становится все более конкретной и практически значимой. Причем и в аспекте взаимоотношения с природой человечество все больше рассматривается в целом. Это отчетливо отражается в понятии ноосферы. «Ноосфера — это организм, целью которого является обеспечение процветания человечества как целого, — пишет Н. Н. Моисеев. — Цель эта, однако, недостижима вне биосферы. Только процветающая биосфера может служить местом процветания человечества, которое необходимо должно приспособлять себя, свои общественные потребности и социальную организацию к требованиям, сохраняющим и развивающим биосферу»²².

Современная наука, став непосредственной производительной силой общества, на самой себе начинает испытывать общую закономерность современной эпохи — практическую необходимость перехода всего человечества к разумной и гуманной организации общества. Гонка вооружений задала науке такое направление развития, которое привело к созданию технических средств, способных уничтожить челове-

чество и жизнь на Земле. Но это не вина, а беда науки. Однако и в таких условиях наука может не только предупреждать об опасностях, но и указывать пути, позволяющие избежать катастрофы²³. И если естественные и технические науки раскрывают перспективы технологического решения глобальных проблем, то марксистско-ленинская общественная наука открывает путь социального прогресса человечества — в конечном счете путь к коммунизму, который вместе с тем оказывается и путем к ноосфере, к разумно управляемой целостной системе «земная планета — человечество». Учение В. И. Вернадского о ноосфере есть не что иное, как отражение идеи коммунизма в понятиях естественных наук²⁴.

Рассмотрение человеческого общества в целом, именно как всего человечества, как единой системы, органически включенной в систему природной взаимосвязи, особенно необходимо для разработки теории материалистической диалектики как диалектической логики. Непосредственным предметом последней выступает все содержание диалектико-материалистической философии, представляющее в обобщенном виде содержание всего современного научного мировоззрения. Поэтому в конечном счете предметом диалектической логики является все взаимодействие человеческого общества с природой, тождественной в данном отношении всему сущему, всему миру в бесконечном многообразии его проявлений. Взаимодействие общества с природой в диалектической логике предстает на предельном уровне обобщения — как взаимоотношение целого (природы в смысле всей материи) с одной его особой частью.

Беря своим непосредственным предметом все содержание диалектико-материалистической философии, диалектическая логика должна (приходится говорить «должна», так как обсуждаемая проблема еще не решена) раскрыть внутреннюю форму самодвижения этого содержания от общедиалектических категорий, характеризующих бытие природы, до категорий, отражающих специфику человеческого общества и его сознания. Это изображение содержания диалектико-материалистической философии со стороны раскрытия его логической структуры и будет таким изложением данного содержания, которое представит его именно в функции метода.

В диалектической логике отличие человеческого общества от природных, дообщественных форм существования материи понимается не как внешнее отличие независимых друг от друга предметов, безразличное для характеристики всей материи, всеобщей субстанции, а как выражение ее собственного отличия от самой себя, возникающего в процессе развития, перехода всеобщей субстанции от форм ее проявления в природе к формам ее же собственного проявления в обществе, в общественном бытии и сознании людей. То есть материалистическая диалектика рассматривает человеческое общество не в его обособленности от других материальных систем и не в отрыве от предшествующего его возникновению существования материи, а во взаимосвязи со всей материей.

Главное в теоретической разработке диалектики состоит в том, чтобы раскрыть логику и историю философского познания ее законов и категорий именно как развивающихся и отражающих (весьма своеобразно и опосредованно) объективный процесс развития. Поэтому раскрытие логики перехода от законов, отражающих диалектический способ существования материи на уровне ее природных проявлений, к законам исторического материализма, характеризующим взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания, надо считать важнейшим делом диалектики, не внешним приложением, распространением ее общих положений, взятых в неизменном виде, а их развитием в новые, более конкретные и сложные законы. В противном же случае, если не брать диалектику в ее развитии от абстрактных характеристик бытия до отражения на всеобщем уровне своеобразия общественно-исторического процесса, законы материалистической диалектики практически не отличить от законов идеалистической диалектики Гегеля*. Идеалистическая диалектика Гегеля совпа-

* Возможно, именно это послужило основанием для мнения: «И диалектический материализм не может оставаться не только в его гегелевско-классической форме, но даже в форме, доработанной и критически переосмысленной»²⁵. Но прежде всего следует учесть, что диалектический материализм фактически еще не достиг «гегелевско-классической» формы. До сих пор еще не создан диалектико-материалистический вариант гегелевской «Науки логики». У нас нет еще собственно философской теории материалисти-

дает со всей системой его объективного идеализма. Материалистическую диалектику также следует считать собственно теоретическим выражением диалектического материализма во всем объеме его содержания, охватывающего как природу, так и общество, т. е. включающего в себя и фундаментальные положения исторического материализма.

С учетом сказанного следует считать очевидным, что нельзя излагать общие положения диалектического материализма, раскрывать объективный способ существования материи и ее соотношение с сознанием, не опираясь при этом на логику и историю познания законов диалектики, в том числе и законов, отражающих специфику общественных процессов (что, к сожалению, часто встречается в нашей учебной, да и не только учебной, литературе).

То, что в современной литературе обычно понимается под диалектическим материализмом, есть диалектический материализм не во всем объеме его собственного содержания, а лишь его онтологическая часть, отражающая тождество природы, общества и мышления, и часть теории сознания и познания, излагаемой практически без историко-материалистического обоснования. С этим и связано то, что обычно диалектический материализм рассматривают как одну часть, а исторический материализм — как другую, внешнюю по отношению к первой часть марксистско-ленинской философии.

В отличие от представления о диалектическом материализме как абстрактно-общей онтологии, лишь внешне сосуществующей наряду с другими философскими науками, диалектическая логика, отражая развитие категорий, характеризующих наиболее общие законы природы, в категории, раскрывающие специфическое содержание наиболее общих законов общества, должна показать как единство, органическую взаимосвязь, так и относительную самостоя-

ческой диалектики, а имеется фактически простой механический набор различных ее положений и утверждений. Поэтому актуальнее и обоснованнее говорить сейчас не об отказе от «гегелевско-классической» формы диалектического материализма, а об ее приобретении. Точнее, задача состоит прежде всего в разработке материалистической диалектики по методу Марксова «Капитала», в котором одновременно творчески использован и вместе с тем принципиально переработан метод «Науки логики» Гегеля.

тельность составных частей марксистско-ленинской философии. Диалектическая логика должна представить ее не простой суммой различных наук, а целостной их системой.

К диалектической логике прямое отношение имеет ленинская характеристика материалистической диалектики, выраженная в словах, что это «душа жива» марксизма²⁶. Материалистическую диалектику, если иметь в виду ее объективное содержание, а не различные субъективно-произвольные толкования, невозможно оторвать от социально-политического, классового учения марксизма-ленинизма. Поэтому нападки на последнее обязательно оказываются связанными и с нападками на материалистическую диалектику. Встречаются они сейчас и в советской печати. Так, социолог С. Кордонский безапелляционно рекомендует: «Необходим пересмотр списка специальностей, по которым происходит присуждение ученых степеней. Должен исчезнуть... «научный коммунизм» как предмет обучения и исследования... И конечно, надо исключить из списка субсидируемых государством такие темы и направления, как изучение категорий материалистической диалектики, изучение истории местных парторганизаций или классовой структуры советского общества. Один этот росчерк пера даст средства, необходимые для обучения молодых исследователей в зарубежных университетах и исследовательских центрах...»²⁷ Автор, похоже, полностью отвергает научность названных разделов марксизма-ленинизма. Очевидно, что и в зарубежных университетах он предлагает изучать нечто совсем иное и с иных по отношению к самому марксизму позиций. Надо прямо сказать, что это не новая, а главное, не та дорога, которая «ведет к храму».

Как видим, обсуждение философских предпосылок и проблем нового мышления само по себе привело нас к вопросам политики и идеологии. Философские аспекты нового мышления органично связаны с его политическим содержанием, которое настолько специфично и ярко выражено, что именно благодаря ему новое мышление и было первоначально осознано действительно как принципиально новое. Благодаря этому же оно обычно так и именуется — новое политическое мышление. Рассмотрим кратко ис-

торические предпосылки и этого аспекта нового мышления.

Напомним, что еще в 1795 г. великий немецкий мыслитель Иммануил Кант в трактате «К вечному миру» писал: «...истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества. Следовательно, подобная война, а стало быть, и применение средств, ведущих к ней, должны быть безусловно запрещены»²⁸. Таким образом, еще не зная возможностей будущих средств массового уничтожения, И. Кант чисто теоретически делал вывод о том, что появление таких средств поставит вопрос о запрещении войн как способа разрешения межгосударственных противоречий, как способа достижения хоть сколько-нибудь оправданных интересов человеческого общества или какой-либо его части.

За 30 лет до реальных разрушительных результатов первой мировой войны Ф. Энгельс так писал о них: «...для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы... голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой... Все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств... крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса»^{29*}.

В июне 1918 г., оценивая трагические последствия первой мировой войны, В. И. Ленин делает четкий вывод о том, что такая война не только становится «полным разрывом с приобретениями новейшей цивилизации и культуры», но неминуемо поведет к «подрыву самих условий существования человеческого общества»³¹.

* Анализ этого предсказания дан в статье В. И. Ленина «Пророческие слова», опубликованной 2 июля 1918 г.³⁰

Говоря об исторических предпосылках нового политического мышления, необходимо отметить роль В. И. Вернадского, который одним из первых выступил с нравственным осуждением войны, подкрепленным точными выводами естествознания. Еще в 1919 г. В. И. Вернадский писал о радиоактивных процессах: «Перед нами открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических процессов... Теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники силы, которые рисовались человеческому воображению... Невольно с трепетом и ожиданием обращаем мы наши взоры к новой силе, раскрывающейся перед человеческим сознанием. Что сулит она нам в своем грядущем развитии?»³²

Важную роль в подготовке и становлении нового политического мышления сыграло Пагуошское движение, организованное в 1955 г. по инициативе А. Эйштейна, Б. Рассела и Жолио-Кюри. В Манифесте этого движения подчеркнуто, что с созданием оружия массового поражения опасность грозит всем без исключения и что осознание этого необходимо для принятия совместных усилий, чтобы сохранить мир для всех. Манифест призывает: «Мы должны научиться мыслить по-новому, мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринимать для достижения военной победы тем лагерям, к которым мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует, мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников»³³.

На Всесоюзной конференции «Через перестройку — к новому облику социализма» (Москва, январь 1989 г.) подчеркивалось, что человечество шло к новому мышлению долгой дорогой. К. М. Цаголов напомнил в этой связи о роли коммунистов, о формировании широкого фронта различных партий и социальных слоев, объединенных ответственностью перед историей, о заслуге Римского клуба в осознании экологической угрозы планете Земля и человечеству.

Таким образом, современное, новое мышление имеет длительную предысторию, связанную прежде всего с фундаментальным содержанием марксистско-ленинского философского и социально-политического учения, которое с самого своего возникновения обращало внимание на противоречивую взаимосвязь классового и общечеловеческого, подчеркивало принципиальное единство перспективных интересов рабочего класса и человечества в целом. К. Маркс предсказывал, что придет время, когда простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, станут высшими законами в отношениях между народами³⁴. Ф. Энгельсу принадлежат слова: «По принципу свосму коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признает лишь ее историческое значение для настоящего, но отрицает ее необходимость в будущем, он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость, как наиболее важный рычаг *начинающегося* рабочего движения: но коммунизм идет дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества»³⁵.

Эту же мысль развивал В. И. Ленин. Он считал, что, «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата»³⁶. В целом ряде работ советских авторов убедительно показано, что положение о приоритете общечеловеческих интересов над классовыми заложено в основе марксизма, что новому политическому мышлению противоречат не классовые принципы марксизма, а сектантские и догматические искажения этих принципов³⁷.

Существуют и другие точки зрения. Так, А. Мельвил выступает против того, чтобы сводить новое политическое мышление лишь к развитию фундаментальных положений марксизма-ленинизма в ракетно-ядерный век: «Это важнейший, но не единственный источник нового политического мышления... Мы не сможем понять генезис нового мышления, если будем убеждать себя и других, что в своего рода эмбриональном виде оно содержалось уже в первоос-

новах марксизма. Такая позиция затушевывает вопрос о революционном характере переворота в мышлении, о котором мы говорим сегодня»³⁸. Думается, что между указанными подходами нет противоречия. Конечно, мышление конца XX в. — принципиально новое явление, отражающее глубочайшее, качественное изменение в жизни человеческого общества и его взаимодействии с природой, так как не только в XIX, но и в первой половине XX в. не существовало прямой угрозы самому существованию человечества ни со стороны ядерной войны, ни со стороны глобального экологического кризиса. А ведь именно эти угрозы, как мы уже говорили в начале главы, прежде всего и побудили осознать необходимость принципиально новой международной политики и производственно-хозяйственной деятельности людей. Это и есть непосредственный и в этом смысле главный источник нового мышления.

Но даже самое революционное событие не может выйти из рамок преемственных связей с прошлым, оно имсет в нем предпосылки, теоретические и практические источники. Именно таким теоретическим источником нового мышления и являются фундаментальные положения марксизма-ленинизма. Качественно новые явления второй половины XX в. наиболее адекватно и полно удастся осмыслить, практически и теоретически освоить не вопреки марксизму-ленинизму, не отвергая его, а благодаря ему, развивая, обогащая, уточняя его. С учетом сказанного надо согласиться с тем, что *«новое мышление — это развитие фундаментальных положений марксистско-ленинской теории в ракетно-ядерный век, в эпоху научно-технической революции»*³⁹. Следует подчеркнуть только, что в процессе отмеченного развития в марксистско-ленинском учении действительно произошли качественные изменения, но эти изменения произошли не за счет отказа от его основ. Надо в полной мере осознать практическую и теоретическую значимость вывода, который уже сделан советскими обществоведами: «В динамичном мире конца XX века сам марксизм переживает стадию качественного обновления, сравнимого разве что с началом века, с периодом возникновения ленинизма»⁴⁰. О необходимости выделения качественно нового этапа развития марксизма, сопоставимого с ленинским, ученые го-

ворили и на Всесоюзной конференции «Через перестройку — к новому облику социализма».

Процесс формирования нового мышления не завершен. Им реально владеют очень немногие и у нас в стране, и в мире. Особенно опасно обольщаться тем, что новым политическим мышлением уже руководствуются в полной мере многие главы государств и правительств. Пока лишь наметилась тенденция к этому, которую и надо всемерно укреплять. В этом состоит важная задача прогрессивных общественных сил. И в нашем обществе необходимо утвердить новое мышление в массовом сознании, отдавая себе отчет в том, что такая сложная и трудная задача не может быть решена без радикального изменения роли и места в жизни нашего общества научного, культурного и идеологического фронта, сферы духовного производства в целом⁴¹.

3. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ

Важным признаком нового мышления является социалистический плюрализм, который постепенно утверждается в нашей общественной жизни. Социалистический плюрализм в соответствии с этим словосочетанием не может быть плюрализмом абсолютным. Это многообразие мнений, организаций и действий в рамках признания, сохранения и развития социалистических ценностей, идеалов социализма.

Социалистический плюрализм не означает также отрицания философского монизма, утверждающего единство мира⁴². В марксизме-ленинизме единство мира понимается как единство бесконечно многообразной в своих проявлениях, постоянно изменяющейся и постоянно сохраняющейся материи, законам развития которой подчиняется в конечном счете и человеческое мышление, в том числе и его склонность к безудержной в иных случаях фантазии, к стремлению выйти за пределы их действия. Но материальная практика каждый раз снова и снова убеждает в том, что это неосуществимо, что и заставляет прийти к выводу о невозможности абсолютного плюрализма, о недопустимости ничем не ограниченного произвола в мыслях, чувствах и дей-

ствиях и каждого отдельного человека, и любой социальной группы (вплоть до класса, нации, народа), и всего человечества в целом.

Что характернее для нового мышления нашего времени — плюрализм или монизм? Скорее монизм. Ведь, признавая многообразие и даже противоречивость мира, новое мышление подчеркивает прежде всего его целостность, единство, необходимость подчинения многообразных более или менее частных интересов и целей немногим общечеловеческим ценностям и интересам, в конечном счете двум из них — выживанию человечества и сохранению природы как первого условия самой жизни⁴³. Идея социалистического плюрализма направлена не против идеи единства мира, не против монистической философии и научно-теоретического знания вообще, первым признаком которого является обнаружение и последовательное утверждение закономерного порядка и объективного единства в изучаемом многообразии явлений, а против произвола в оценке событий, против искусственно навязываемых схем взаимосвязи и взаимообусловленности явлений, против монополии отдельного лица или группы лиц на само право познавать и оценивать явления природы и общества, ссылаясь при этом на их объективную сущность и практическую значимость для людей.

Социалистический плюрализм — это плюрализм не целей и идеалов, а альтернативных вариантов решения вопросов о способах их достижения в рамках научного поиска, характеризующегося определенными требованиями, принципами, критериями. В условиях социалистического плюрализма заостряется вопрос о соотношении партийности и научности. Партийность идеологии, искусства, культуры в целом, науки, особенно общественных наук, с расширением и углублением демократизации общества, развитием гласности вовсе не отменяется. Необходимость в партийном, социально ответственном отношении к слову и делу в условиях свободы намного возрастает. Но вместе с этим усиливается и необходимость в научном обосновании избранной гражданской, идеологической позиции.

О партийности в науке, искусстве сейчас мало пишут и говорят. «Понятие партийности в общественной науке как важнейшего принципа диалекти-

ко-материалистического познания хода общественно-го развития почти исчезло»⁴⁴. Это объяснимо. Принцип партийности — острое оружие. Им можно пользоваться и на пользу, и во вред.

Долгие годы господствовала искусственная идеологизация общественного сознания, широко использовалось произвольное навешивание политизированных ярлыков на деятелей литературы, искусства, ученых и их труды. Определяющей чертой идеологизированной культуры является «обслуживание заданных установок, а не исследование реальной действительности. Конкретный характер этих установок (принципы «единственно научной философии», ведомственный интерес, националистические амбиции и т. п.) не так уж важен для характеристики феномена идеологизирования науки. Важно, что первична установка и вторичен подгоняемый под нее (и при этом неизбежно фальсифицируемый) конкретный материал»⁴⁵.

Чрезмерная политизация, упрощение объективно сложной и неоднозначной взаимосвязи духовной жизни с политикой и идеологией допускаются вплоть до последнего времени. При открытии мемориальной доски Владимиру Высоцкому один из выступавших заявил: «Кто не понимает Высоцкого — тот либо черносотенец, либо дебил». Приведя эти слова, Ст. Куняев справедливо отмечает: «Как видите, по отношению к Высоцкому уже предлагается определять и политическое лицо человека, и его психическую полноценность»⁴⁶. Многие авторы фиксируют тот факт, что в литературе, искусстве идет не литературная, не эстетическая, а самая настоящая политическая борьба, что в отборе произведений живописи для выставки по-прежнему преобладают резоны политические⁴⁷. Поэтому полезным и актуальным является следующее напоминание: «Блок говорил в предисловии к «Возмездию» о «нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики». Про нераздельность мы все хорошо помним, а вот о «неслиянности» забыли начисто»⁴⁸.

Как видим, легче всего вульгаризировать принцип партийности, наломать с его помощью дров, а потом прийти к выводу, что лучше обходиться без него. Кажется, что так будет безопаснее. Однако если партийность является объективной закономерностью,

то надежнее всего хорошо знать действие этой закономерности и поступать в соответствии с ее объективной природой.

В марксистской литературе под партийностью идеологии, мировоззрения, философии, науки, литературы и искусства понимается идейная направленность, выражающая классовый подход к действительности, интересы определенных классов, социальных групп и проявляющаяся как в самом содержании научного и художественного творчества, так и в характере его социального и мировоззренческого истолкования, а также в личных позициях ученого, философа, писателя, художника⁴⁹. Следует различать политический, непосредственно классовый аспект партийности и мировоззренческо-теоретический ее аспект, связанный с борьбой теоретических партий, направлений в науке, философии, искусстве. В философии, например, и философском истолковании сопредельных областей науки со времен античности противоборствуют, так или иначе взаимодействуют такие партии, как материализм и идеализм, диалектика и метафизика. В последнее время выделяется гуманистический, этический аспект принципа партийности науки и культуры⁵⁰. Принцип партийности формировался в процессе развития классовой борьбы и служил отражением этого процесса. С изменением соотношения классового и общечеловеческого, с возникновением приоритета последнего над первым видоизменяется и принцип партийности. В настоящее время принцип партийности связывается прежде всего с четкостью, определенностью общественной позиции ученого, отдающего свои силы и знания поиску объективной истины, или художника, воссоздающего в своих произведениях правду жизни.

Для последовательного и вместе с тем надежно-го, научно обоснованного проведения принципа партийности необходима обстановка подлинной демократии, гласности, гуманного, доброжелательного отношения членов общества друг к другу, уважения к мнению других. В литературе обращается внимание на парадоксальный факт: мы прилагаем сегодня много усилий для уничтожения «образа врага» в международных отношениях, но в нашей внутренней жизни мы продолжаем упражняться в создании об-

раза «внутреннего врага». Зачастую критика командного мышления и действия ведется теми же административными методами, сопровождаясь нагнетанием атмосферы озлобления, возрождением стереотипов «врага» (теперь уже не народа, а перестройки). Все это создает замкнутый круг группового обособления⁵¹. Остается актуальным напоминание, что сталинские репрессии начинались с ярлыков⁵². Мы настолько отвыкли от разнообразия мнений, что по-прежнему продолжаем воспринимать инакомыслие как нечто негативное.

Терпимость к мнениям других, культура дискуссий — необходимое условие развития социалистического плюрализма. Однако призывы к соблюдению культуры дискуссий, которые последние год-два часто звучат на страницах печати, практически оказываются тщетными. В политической борьбе острота разногласий и выражений, вероятно, неизбежна. К корректности споров, конечно, в любом случае надо стремиться. Но главное состоит в том, чтобы нелепые дискуссии были направлены на открытие истины и чтобы общество обеспечивало возможность всем заинтересованным в истине свободно обсуждать пути, ведущие к ней. К сожалению, начатые дискуссии часто обрываются в самом их начале, а обществу навязывается какая-либо одна из представленных точек зрения, причем далеко не самая обоснованная. ■

С учетом сказанного о соотношении социалистического плюрализма с философским монизмом и социально-классовой партийностью отметим два типичных заблуждения: 1) превращение социалистического плюрализма в неограниченный плюрализм, выход за рамки марксизма-ленинизма; 2) фактический отказ от плюрализма, сведение его тем или иным субъектом (отдельным человеком, социальной группой, национальной общностью) только к собственной точке зрения и объявление иных мнений враждебными не только данному субъекту, но и всему обществу, всей нашей перестройке.

На апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС приводились конкретные факты, когда под видом социалистического плюрализма искажаются, извращаются социалистические ценности, все, что связано с социализмом. Появляются самозабвенные плюралис-

ты, ратующие «за политическую икебану из ста цветов, в которой красная гвоздика затерялась бы до полной невидимости»⁵³. На недопустимость забвения того факта, что классовое, в том числе идеологическое, противоборство еще не исчезло из современного мира, обращают внимание и наши зарубежные коллеги⁵⁴.

В литературе выдвинуты два утверждения: «Плюрализм хорош, но в меру»⁵⁵ и ««Больше плюрализма» означает «больше социализма»»⁵⁶. Представляется, что первое утверждение ближе к истине. Хорош только относительный плюрализм, т. е. плюрализм в рамках монизма. Плюрализм, столкновение разнообразных мнений имеют смысл и ценность не сами по себе, а именно как способ продвижения к объективной истине, которая в каждой конкретной ситуации, в каждый конкретный момент всегда одна (по крайней мере в своей основе). Утверждение ««Больше плюрализма» означает «больше социализма»» также высказывается вместе с признанием необходимости и неизбежности ограничения плюрализма ««рамками» стремления к объективной истине да высшими нравственными и правовыми критериями, до которых доработалась наиболее цивилизованная, наиболее развитая часть современного человечества»⁵⁷.

Если учесть, что плюрализм мнений неизбежно связан с плюрализмом организаций и действий, то сомнительность анализируемого утверждения становится более очевидной. Ведь общество может эффективно развиваться, лишь будучи целостной системой, многообразные структурные элементы которой скоординированы, сосредоточены на выполнении ее жизненно необходимых функций. Раздробленные, слабо организованные общества так же ограничены в возможностях, как и чересчур жестко организованные. И неужели, чем больше будет в нашем обществе антисоциалистических, антинаучных и т. п. взглядов, мнений (тем более организаций и действий), тем больше будет у нас и социализма? Особенно очевидна необходимость ограничения плюрализма применительно к нравственности. Нравственность или есть, или ее нет. Полностью прав В. Г. Распутин, сказавший на Съезде народных депутатов СССР, что «плюрализм нравственности поопаснее всяких

бомб. Общество или поддерживает нравственность, или не поддерживает ее. Третьего пути не бывает»⁵⁸.

В теоретическом отношении термин «социалистический плюрализм» не является удачным. Как говорилось выше, это такой плюрализм, который должен оставаться в рамках монистического понимания как всего мира, так и общей сущности социализма. «Социалистический плюрализм» есть частный случай «монистического плюрализма». Неудачность последнего термина так же очевидна, как и терминов «круглый квадрат», «деревянное железо» и т. п. Вель плюрализм означает не просто многообразие явлений, но прежде всего отсутствие какого-либо внутреннего их единства. Для плюрализма каждое явление есть самостоятельный мир, никак не связанный с другими такими же явлениями-мирами. В указанном первородном и собственном смысле плюрализм есть отрицание единства мира, и вместе с этим отрицание монизма как сущностного, неотъемлемого свойства теоретического мышления. Плюрализм по сути своей сугубо эмпиричен, и как таковой он не может не быть антиподом монизма и теоретического мышления. Диалектико-материалистическое же мировоззрение может включить в себя плюрализм, но лишь предварительно освободив его от абсолютного значения, подчинив его учению об объективном единстве всего сущего. Но фактически такой плюрализм уже перестает быть таковым и становится особым моментом монизма.

Практическое же употребление термина «социалистический плюрализм» понятно и, несомненно, полезно на данном этапе развития нашего общества. Он означает в первую очередь право свободно обсуждать проблемы развития общества и партии. Этот термин получил широкое распространение, вероятно, как реакция на долгое самоуправство одного-единственного человека, оформлявшего свои решения показным единогласием всех советских людей. Когда же появилась некоторая возможность демократии и гласности, у каждого человека возникло желание так же единогласно решать все проблемы и не очень считаться с мнением других людей. Отсюда — стремление к монополии своей точки зрения, нетерпимость к инакомыслию. Именно поэтому для

многих авторов характерна «безапелляционная интонация, похожая на тон вождя»⁵⁹. Таким образом, не успев родиться, социалистический плюрализм стал стихийно, незаметно вырождаться в неограниченный плюрализм, который, как и всякая крайность, по существу совпадает со своей противоположностью — стремлением каждой точки зрения исключить все другие.

Как видим, практика подтверждает теоретическое предупреждение о необходимости видеть всю ограниченность термина «социалистический плюрализм». Неконтролируемое его употребление неизбежно приводит к забвению монистической сущности научного социализма, к переходу на позиции абсолютного плюрализма. Вероятно, термин «социалистический плюрализм», естественным путем широко распространившийся в последнее время, так же естественно и отомрет в скором будущем, так как марксистско-ленинская теория в условиях ее свободного функционирования и развития и без этого термина может обеспечить сознательный учет практически бесконечного многообразия проявлений общей сущности социализма.

Так или иначе, но на сегодня мы должны в полной мере считаться с необходимостью различать общее понятие «плюрализм» и более специфическое — «социалистический плюрализм». Не все и не всякое многообразие мнений может быть включено в социалистический плюрализм. В теоретическом плане критерием социалистичности плюрализма в обобщенном виде можно считать соответствие охватываемого им разнообразия взглядов, идей творческому, развивающемуся марксизму-ленинизму. Социалистический плюрализм предполагает не только многообразие мнений, но и их направленность на развитие, совершенствование, упрочение социалистического общества, а не на его разрушение. И теоретически, и практически много не дано. В противном случае понятие «социалистический плюрализм» просто теряет смысл.

Если четко не различать социалистический плюрализм и плюрализм вообще, то неизбежна путаница. Так, Г. Водолазов как будто не отказывается от выделения социалистического плюрализма, но трактует его настолько широко, что фактически включа-

ет в него представителей не только марксизма, но и любых других «традиций»⁶⁰. Конечно, упоминаемые им «поклонники Л. Толстого, последователи М. Ганди, Дж. Неру или такие деятели, как Дж. Гэлбрейт, В. Брандт и т. д. и т. п.»⁶¹, не должны оказаться за пределами нашей гласности и нашего плюрализма, но какие основания и какая необходимость втискивать в рамки социалистического плюрализма практически все духовное наследие человечества?

Гласность в нашем обществе шире социалистического плюрализма, в принципе все духовные (научные, художественные и т. д.) достижения человечества должны входить в кругозор советских людей. Иначе каким образом мы сможем выполнить завет В. И. Ленина: коммунистом можно стать, лишь усвоив все достижения человеческой культуры? Надо учитывать и то, что если в коммунистической партии не может быть плюрализма мировоззрений, то в советском обществе в целом не только могут, но и реально существуют различные типы мировоззрения — например, как научно-материалистическое, так и религиозное, как социалистическое, так и буржуазное (в той или иной форме проявления) и т. п. Что же, все это без разбора мы будем включать в социалистический плюрализм? Можно сказать и так: надо различать социалистический плюрализм и более широкий плюрализм социалистического общества. Надо учесть и то, что не все в человеческой культуре поддается социально-классовой оценке, не все может быть охарактеризовано в категориях, служащих для различения общественно-экономических формаций. Все общечеловеческое должно быть включено в культуру социалистического общества. Мы не можем обойтись, скажем, без Сервантеса, Бальзака, Пушкина, Гоголя, Моцарта, Глинки и многих других, но просто бессмысленно говорить, что их наследие входит в социалистический плюрализм. Это так же нелепо, как говорить об особой пролетарской культуре и т. п. Бессмысленность возникает здесь из необоснованного применения классового подхода за явными пределами сферы его действия.

Важно также различать вопросы о сущности социалистического плюрализма и о том, как познается эта сущность, каким образом и как определяется, что относится, а что не относится к социалистичес-

кому плюрализму. В общем виде ответ на последний вопрос такой же, как и на вопрос о способах достижения, обоснования и доказательства всякой истины. В конечном счете все зиждется на практике общественно-исторического развития как главном критерии истины. И здесь уместно опереться на мнение Г. Водолазова: «...я за то, чтобы изучать новые социальные реальности — и у нас, и во всех других странах мира — *по существу*, не торопясь наклеивать на них обобщающую итоговую этикетку. Давайте опишем — глубоко и правдиво — реальную картину общественных отношений в странах современного мира. А итоговые этикетки потом изобретем. Тсрмин, дсфиниция не должны предварять конкретный анализ, они должны быть его *результатом*»⁶². Другого пути к истине нет, во всех других случаях возможны только произвольные мнения.

Остановимся на отдельном, но важном для нашей темы моменте. В советской печати разгорелась ожесточенная полемика по поводу публикации в журнале «Октябрь» повести В. Гроссмана «Все течет». Знатокам она давно известна по зарубежному изданию. Поэтому спор начался еще до ее появления на страницах журнала⁶³. В свою очередь журнал счел необходимым сопроводить повесть развернутым комментарием профессора Г. Водолазова, который выразил несогласие с тем, что истоки сталинизма связываются в повести непосредственно с В. И. Лениным, но в целом одобрил ее журнальную публикацию как вполне вписывающуюся в социалистический плюрализм. Полемика развернулась вокруг высказываний В. Гроссмана в адрес русского народа: одни считают их очередным проявлением русофобии⁶⁴, другие — возмущены такой оценкой⁶⁵.

Не вдаваясь в детали, отметим следующее. Конечно, повесть «Все течет» — художественное произведение, поэтому относиться к ней следует по-иному, чем к научной монографии. Но, как отмечает активный ее сторонник И. Виноградов, это особое произведение, которое щедро заполнено почти чистой публицистикой социально-философского характера⁶⁶. Широко использована в повести категория свободы, в трактовке которой В. Гроссман прямо полемизирует с Ф. Энгельсом, считая, что свобода не есть осознанная необходимость. «Свобода прямо противопо-

ложна необходимости, свобода есть преодоленная необходимость»⁶⁷. Последнее в определенном смысле можно принять, но как «преодолевается необходимость»? Очевидно, что путем создания социальных и технических возможностей практического действия в соответствии с познанной необходимостью, т. е. основа классического понимания свободы сохраняется.

Эффективно «покорять» природу с ее необходимыми законами удается только тогда, когда люди подчиняются этим законам и действуют не вопреки им, а в соответствии с ними. Экологические просчеты убедили в этом, кажется, и самых рьяных преобразователей природы.

В целом же в повести понятие свободы используется в абстрактном, неуловимом смысле. Ясно только одно — «развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России оплодотворялось ростом рабства». Даже всю эволюцию жизни В. Гроссман отождествляет с эволюцией свободы, а вот в русском развитии усматривает лишь развитие несвободы⁶⁸. Что ж, получается, что само существование и развитие русских вообще выпадает из общего развития природы и общества, является каким-то неестественным и даже противоестественным? Ни о каком критерии научной истинности, художественной правды и тем более критерии высших нравственных норм невозможно говорить применительно к бесконечным утверждениям В. Гроссмана о рабской душе русского человека, об отсутствии человеческого достоинства в русском характере, о том, что революционерами являются лишь те, кто «покушается на основу основ старой России — ее рабскую душу». Все эти характеристики русского народа являются откровенно оскорбительными. Не видеть этого могут только те, кто не хочет видеть. Попытки делать вид, что антирусских настроений не существует⁶⁹, выглядят сейчас явно неубедительными, так как даже наша центральная советская печать, весьма стеснительная в данном отношении, в последнее время достаточно широко говорит об этом⁷⁰. В одном из выступлений на сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС прямо сказано: «Ряд изданий в центре и на местах буквально соревнуются в очернении русского народа»⁷¹.

В документах указанного Пленума ЦК КПСС подчеркнуто, что в наш правовой арсенал должна войти обязанность возмещать моральный и материальный ущерб за оскорбление национальных чувств и ущемление национальной гордости. В печати справедливо отмечается, что в национальном вопросе нет мелочей, что недопустимо даже вскользь брошенное слово, оскорбляющее национальное достоинство любого человека⁷². Тем более недопустимо оскорбление национального достоинства целого народа. Приведенные рассуждения об особенностях русского народа и его исторического прошлого несостоятельны. В целом Россия развивалась в русле мирового исторического процесса, прогресс везде был противоречивым и осуществлялся за счет эксплуатации трудящихся масс. Если же говорить об особенностях, то тогда надо напомнить, что в отличие от Запада русские никогда не знали рабства в его классическом виде.

Отличительной особенностью России было также сохранение вплоть до начала XX в. сельской общины, прогрессивного значения которой русские марксисты, к сожалению, так и не поняли, хотя К. Маркс писал Вере Засулич в 1881 г., что «эта община является точкой опоры социального возрождения России»⁷³.

Русский народ имеет свои демократические традиции: «Вечевая система, характерная не только для политической жизни Новгорода, земское представительство при решении фундаментальных проблем, поразительный демократизм сельской общины закономерно привели к созданию *самим народом* высшей формы демократии — к Советам»⁷⁴. В. И. Ленин при всей его критичности к российским порядкам тоже отмечал, что «русский народ на волостных сходах привык продумывать и брать всерьез»⁷⁵. В духе нового мышления в период резкого роста национального самосознания всех наций, народностей и национальных групп недопустимо односторонне, только черной краской изображать историю какого-либо народа. Русская национальная судьба трудна, драматична, но вместе с тем и величественна. Поэтому великороссам, как говорил В. И. Ленин, отнюдь не чуждо чувство национальной гордости и достоинства, любви к своей прекрасной родине⁷⁶.

И как вообще можно говорить о какой-то рабской душе целого народа, обвинять какую-либо нацию в целом в шовинизме или национализме? Ведь это то же самое, что утверждать, будто существуют контрреволюционные народы. Ясно, что такие категории, как «рабская душа» или «рабский характер», не могут применяться к народу в целом, они применимы для характеристики духовно-нравственных качеств отдельных людей, максимум каких-то групп людей. Отнюдь не у всякого раба действительно рабская душа, в то же время многие представители так называемых высших классов общества оказываются самыми настоящими носителями рабского сознания. Народ — всегда сложное образование. Так и дореволюционная Россия «была многогранна и многообразна. Существовала Россия чиновников: Акакнй Акакневич, Каренин, городничий; была Россия воинской доблести и славы: Бородино, оборона Севастополя, Шипка и Плевна на Балканах; была Россия бунтующая: Пугачев, Болотников, Разин, 1905 год; была Россия землепроходцев: Дежнёв, Беринг, Пржевальский, Семенов-Тянь-Шанский, Арсеньев; Россия науки: Яблочков, Попов, Менделеев, Сеченов, Мечников, Тимирязев; Россия искусства: сотни имен. Была Россия студенческая и офицерская, морская и таежная, пляшущая и пьющая, пашущая и бродяжья. Но была еще Россия молящаяся»⁷⁷.

Нсмало названо здесь достойных людей, а сколько еще следовало бы с благодарностью вспомнить! Вот по таким представителям и надо судить о народе, а не подгонять все многообразие его жизненных проявлений под надуманную и оскорбительную схему.

Думается, обоснованна мысль, что «о свойствах нации следует судить по лучшим ее согражданам, а не по изгоям, равнодушным и падшим»⁷⁸, ибо «в народ ведь отбираются не по сословию, а по душе и по заслугам перед Отечеством»⁷⁹. Кстати, автор последнего замечания (Ю. Архипов), как и В. Гроссман, размышляет о свободе, но приходит к другому выводу: «На самом деле в России количество свободы никогда не было меньше, чем на Западе. Не было внешних политических свобод, не было парламентской борьбы и т. п., но была огромная бытовая и творческая свобода»⁸⁰.

Необходимо четко различать политическую историю стран и национальный характер их народов. Прямой связи тут не существует. Об этом хорошо писал еще И. Эренбург. «Достаточно вспомнить, как в добродушной Италии чернорубашечники убивали детей, как в городе четырех революций картезианцы маршировали под окрик фельдфебелей, как пылали книги в стране Гутенберга, чтобы отвести всякие попытки сделать национальный характер ответственным за злодеяния того или иного режима».

В мире нет контрреволюционных народов, народов-шовинистов, народов-националистов. Но есть (бывают) расистски, шовинистически и националистически настроенные люди, группы, союзы, разного рода объединения, вплоть до политических партий, которые играли в прошлом и могут снова сыграть зловещую роль, оболванивая людей и натравливая народы друг на друга, силой вовлекая их в конфликты, вплоть до военных.

Недооценивать возможности манипулирования общественным сознанием нельзя. Надо быть не только нравственно глухим, равнодушным, но и политически близоруким человеком, чтобы не видеть, не понимать практической опасности целенаправленной пропаганды антирусских настроений. Антирусизм всегда был связан с антисоветизмом и антикоммунизмом, остающимися действующими направлениями идеологической борьбы в современном мире. Всем понятна (объективно обусловленная) огромная роль русского народа в создании и сохранении РСФСР, Советского Союза, в консолидации советских народов. Подорвать авторитет русского народа, добрые отношения к нему других народов — чего же больше для недоброжелателей Советского Союза? На руку им оказываются и распространяемые у нас и за рубежом измышления о рабском характере русской души.

Литература, искусство в целом, средства массовой информации оказывают мощное идеологическое, политическое, нравственное и эстетическое воздействие на самые широкие народные массы. Никто из деятелей культуры даже при желании не может уйти от субъективной пристрастности, партийности, определенной гражданской позиции в изображении и оценке общественных процессов. Задача может со-

стоять лишь в том, чтобы стремиться к максимальному соединению своей индивидуальной и той или иной групповой (классово-политической, национальной, эстетической и т. п.) пристрастности с объективной истиной, правдой жизни народа в целом, направлять свои усилия на утверждение в жизни честных, правдивых отношений. Наша общая задача — в том, чтобы максимально содействовать возвышению и обогащению материальной и духовной жизни народа, а не принижению и оскудению ее.

НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Еще в 50-х годах в манифесте Рассела-Эйнштейна впервые прозвучал призыв к новому мышлению. Призыв был обращен к государствам, обладающим ядерным оружием. Западные философы также делали заявления о необходимости нового, «планетарного мышления» (К. Акселос и другие). Но во всех этих случаях новое мышление связывалось с последствиями научно-технической революции, с отношением человека к технике и ее воздействием на жизнь человечества.

Учитывая то, что начиная с XXVII съезда КПСС речь идет о новом мышлении в связи не только с одной проблемой (выживанием человечества в ядерной войне), а со всеми важнейшими проблемами нашего времени, и то, что новое мышление сегодня провозглашается не только в одной форме (политическое мышление), а как новое мышление вообще (и экономическое, и экологическое, и мышление в области управления общественными процессами, в том числе перестроечными), нельзя не задуматься и над его *логическими основами*. Само собой разумеется, что если новое мышление связано с изменениями логического характера, то эти изменения относятся не к формальной логике, а к диалектической.

Диалектическая логика за последние 15—20 лет вполне заслуженно признается в качестве серьезной научной дисциплины даже западными критиками марксизма. Так, один из американских профессоров философии университета штата Огайо Джеймс Скэнлан, специализирующийся на исследовании русской и советской философии, в книге «Марксизм в СССР. Критический обзор современной советской мысли» (1985 г.) пишет: «Диалектическая логика, разрабатываемая сегодня в СССР... не может быть

просто отвергнута как не имеющая предметной области на манер, как это принято среди западных критиков (имеются в виду работы Блейкли, Ричарда де Джорджа. — З.О.). Ее предмет может рассматриваться как совершенно законный (имеющий право на существование — *legitimate*. — З.О.) и действительно важный, поскольку мы не ждем от нее совпадения с традиционной аристотелевской или современной математической логикой»¹.

Автора цитированной книги нельзя заподозрить в симпатиях ни к марксизму, ни к диалектической логике. Более того, он критик марксизма и соответственно диалектической логики, поскольку с конца XIX в. диалектическую логику со всех сторон стали дружно именовать логикой марксистской философии. И это действительно так: создатели марксистско-ленинской философии сознательно сформулировали свое позитивное отношение к логике теоретического мышления и развивали ее в своих трудах. Та форма диалектической логики, которую ей придали некоторые философы в СССР, вызывала к ней негативное отношение не только западных ученых, но и некоторых философов нашей страны.

Но как к самой диалектике, так и к диалектической логике как логике теоретического мышления приходят и придут мыслители всего мира, ибо это — веление нашего времени. Мы не будем перечислять выдающихся ученых современности (в числе которых можно назвать даже Н. Бора), которые высказывали позитивное отношение к диалектике. Назовем хотя бы такого крупного исследователя человеческого мышления, как Ж. Пиаже, ставившего вопрос о создании новой логики — логики целостностей. Пиаже, экспериментально исследовав мыслительный процесс, а также опираясь на многочисленные труды ведущих психологов XX в., пришел к выводу, что «уже нет никакого основания рассматривать ни классическую логику, ни даже современную логику (которые остановились на прерывном и атомистическом способах описания мышления) как не подлежащие изменению и окончательные, а тем более делать из них эталон, зеркалом которого было бы мышление. Напротив, если мы хотим, чтобы логика служила схемой, адекватной состояниям равновесия сознания, то следует построить особую логику целостностей и

проанализировать операции, не сводя их к изолированным элементам, недостаточным с точки зрения психологических требований»².

Незнание и непонимание диалектической логики, конечно, сказывается до сих пор на отношении к ней не только на Западе. Но даже на Западе время ее всеобщего признания не столь далеко. И в этом большую роль сыграет новое мышление, которое соответствует основным требованиям диалектической логики.

1. МЫШЛЕНИЕ ПО ЛОГИКЕ ЦЕЛОСТНОСТЕЙ И ПОНЯТИЕ ПЕРЕХОДА

Как уже было отмечено, диалектическая логика — это логика *целостностей*. Теоретическое мышление, сложившись еще в XVIII в., в противоположность эмпирическому пыталось «овладеть» целостной сущностью предмета познания. Само собой разумеется, что речь идет не о любой целостности. Французские материалисты не уловили внутреннюю целостность как предмет теоретического мышления. Целостность понятий как внутреннее единство противоположных определений была освоена в системе механики И. Ньютона, а логически осмыслена лишь в кантовских антиномиях. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» отметил этот момент, конспектируя гегелевскую «Науку логики»³.

Особенность теоретического мышления, познания, раскрывающего сущность предмета в ее целостности, как единство противоположных определений, В. И. Ленин сформулировал следующим образом: «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении *an und für sich* (в себе и для себя. — *Ред.*)»⁴.

Раскрытие противоречивой внутренней структуры предмета — первая и отличительная особенность теоретического мышления, познания, и диалектическая логика началась с философско-логического осмысления, обобщения этой особенности. Теоретическое мышление схватывает внутреннюю сущность предмета в ее целостности благодаря принципу диалектического противоречия, главное требование которого заключается в сохранении в поле зрения научного по-

знания обеих «крайностей», т. е. противоположных сторон («крайних точек»), предмета.

Новое политическое мышление, провозглашенное КПСС, учитывает в качестве отправного пункта, исходной точки принцип целостности, противоречивости и взаимосвязанности предмета — современного мира. Это обусловлено интернационализацией мирохозяйственных связей, всеохватывающим характером научно-технической революции, принципиально новой ролью средств информации и коммуникации, состоянием ресурсов планеты, общей экологической опасностью, кричащими социальными проблемами. Но главное — возникновением проблемы выживания человеческого рода, ибо появление и угроза применения ядерного оружия поставили под вопрос само его существование.

Новое мышление является новым, высшим этапом способа мышления современной эпохи. Новые принципы теоретического мышления, которые стали складываться после победы Великого Октября, были сформулированы В. И. Лениным. Одним из них был принцип целостного подхода как исходный пункт, принцип приоритета целого перед частью, односторонностью⁵.

Именно эту мысль В. И. Ленина развивает М. С. Горбачев, когда говорит о том, что ленинская идея приоритета интересов общественного развития обрела новый смысл и значение⁶. Новый смысл и значение этого принципа в том, что сегодня он ведет к *диалогу* противостоящих сторон. Состояние современного целостного мира делает необходимыми диалог и взаимное сотрудничество противоположных сторон, находившихся в прошлом в отношении конфронтации и развивающихся в значительной мере независимо друг от друга. Сохранение прежнего состояния в новых условиях становится губительным для самого целого.

Принципиально важным новым моментом современности является характер процессов, которые повсеместно выдвигаются на передний план и которые становятся центральными именно в нашу эпоху. Речь идет о переходных процессах, переходных состояниях. После Великой Октябрьской социалистической революции мир вступил в новую полосу развития и оказался целиком в состоянии перехода, вовлекая в него

постепенно все страны. Никогда в прошлом весь мир целиком не участвовал в едином процессе (даже буржуазные революции на Западе в XIX в. не затрагивали Восток). С Октябрьской революции началось изменение во всемирном масштабе. Она оказалась связанной с *глобальной целостностью*, которая всесторонне проявилась во второй половине XX в. «...Введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории»⁷, — писал В. И. Ленин.

Жизнь внесла поправки в представления о закономерностях и темпах перехода к социализму, в понимание его роли в мировом масштабе. Ныне совершенно определенно обнаружилось, что принципы революции и основанные на них критерии социалистичности «требуют конкретизации с учетом опыта мирового социализма и процессов развития капиталистических стран. Прежде всего с них должен быть снят налет конфронтационности, абсолютного, метафизического противопоставления современных социальных систем. Сама жизнь, ее диалектика, вставшие перед человечеством глобальные проблемы и опасности требуют перехода от конфронтации к сотрудничеству народов и государств независимо от их общественного строя»⁸. Как отмечается в проекте платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, в русле общего прогресса цивилизации возродятся и будут приобретать все большее влияние идеи социализма.

Переходная эпоха поставила множество проблем, требовавших разработки и применения категории перехода. С этой категорией связаны величайшие открытия ленинизма как научно-революционного способа мышления нашей эпохи: ленинская теория непрерывной революции, революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства; идея возможности перехода к социализму отдельных стран в условиях неравномерного развития капитализма и тем самым сосуществования двух мировых систем; учение о многообразии форм диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к социализму; о социалистическом кооперировании хозяйства и др.

И сегодня основное содержание эпохи, несколько видоизменяясь, продолжает порождать новые проблемы переходного характера. «Оценивая наиболее су-

существенные черты нынешнего переходного состояния общества в его глобальном измерении, — пишет Г. Шахназаров, — можно предложить для обсуждения следующие проблемы. Во-первых, процесс социализации принимает всеобщий характер, хотя и продвигается крайне неравномерно, в зависимости от его движущей силы (революции или эволюции), уровня экономического развития и культуры, исторических традиций, соотношения классовых сил, многих других факторов...

Во-вторых, на смену эпохе, когда вопрос о прогрессивном и справедливом социальном устройстве ставился применительно к отдельным обществам (в лучшем случае — в европейском масштабе), пришла эпоха, когда этот вопрос должен ставиться и решаться в планетарном масштабе. Судя по многим признакам, мы находимся в самом начальном этапе становления новой цивилизации, когда процессы интернационализации и социализации переплетаются друг с другом»⁹. Об особенностях переходных состояний в связи с новой целостностью мы еще будем говорить. Здесь же заметим, что в XX в. целостность и переход — главные объекты духовной жизни общества в его самом общем логическом аспекте.

И хотя проблему перехода от одной противоположности к другой поставил Гегель, а Маркс и Энгельс раскрыли способ опосредования в процессе диалектических переходов, однако понятие перехода обретает *статус логической категории* именно в XX в., когда проблема перехода начинает охватывать все стороны общественной жизни. Отныне без категории перехода невозможно теоретическое понимание социальных процессов. В выявлении этого — заслуга ленинизма как научно-революционного способа мышления современной эпохи.

В. И. Ленин специально анализировал понятие перехода с разных сторон. В работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» он писал, что между капитализмом и коммунизмом лежит такое переходное состояние общества, в котором имеются *элементы* как капитализма, так и социализма, т. е. противоречивое соединение «кусочков» того и другого, но ни то и ни другое в целом. «Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития,

необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И однако все рассуждения о переходе к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелкобуржуазной демократии... отличаются полным забвением этой самоочевидной истины»¹⁰. В другой работе В. И. Ленин ставит вопрос так: «...что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма?»¹¹

В. И. Ленин подверг анализу понятие перехода также и в самой общей, философско-логической форме. «Обычное представление, — писал он, — схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а *это самое важное*»¹².

Теоретическое мышление XX в. отличается именно тем, что оно концентрирует внимание на переходных состояниях, исследуя структуру не просто предметов, а опосредствований, т. е. *микроструктуру* предметов, процессов, явлений. Оно не довольствуется описанием основных элементов и их соотношений в структуре предметов, а раскрывает структуру самих этих отношений, связей основных элементов, включая в изображение связи момент непрерывности, опосредствования. Еще в 30-х годах А. Июффе подчеркнул эту особенность для физики: «Типичная черта диалектического описания явлений — это замена двух крайностей: «да» и «нет» — целой непрерывной цепью промежуточных ступеней. Понятие о степенях свободы, которое в начале этого периода рассматривалось чисто арифметически — степень свободы либо присутствует, либо ее совсем нет, как известно, заменено сейчас непрерывным включением данной степени свободы от полного ее отсутствия вплоть до полного ее присутствия.

Нас интересовали металлы и изоляторы. Сейчас мы изучаем как раз, концентрируем свое внимание на полупроводниках, которые дают непрерывный мост между этими двумя крайностями. Изучение полупроводников только и позволяет понять два крайних случая — проводника и изолятора, которыми занималась физика прежних десятилетий. Так же заполнилась богатым разнообразным содержанием пропасть между кристаллом и жидкостью, аморфными тела-

ми»¹³. К сожалению, эта «типичная черта диалектического описания явлений» весьма нечасто становится предметом научного интереса философов по сей день. Это соответствие философского понимания диалектических переходов и «типичной черты» научного мышления, видимо, имеет под собой определенную основу. Гастон Башляр удивляется тому, «что диалектические тенденции появляются почти одновременно и в философии, и в науке. Очевидно, такова судьба человеческого разума»¹⁴. Но скорее всего «судьба человеческого разума» в свою очередь определяется общественно-исторической эпохой, практикой людей.

Мы уже видели, как характеризует ограниченность классической формальной логики и современной математической логики Ж. Пиаже. Как бы это удивительно ни было, данная характеристика формальной логики совпадает с характеристикой В. И. Ленина, которую он дает «старой логике». «В старой логике, — писал он, — перехода нет, развития (понятий и мышления), нет *«внутренней, необходимой связи»*... всех частей и «Übergang'a» (перехода. — *Ред.*) одних в другие»¹⁵.

Здесь нет возможности продемонстрировать отсутствие перехода в формальной логике (формальный, а не реальный переход в формальной логике хорошо известен), в диалектической логике реальный переход воспроизводится с помощью принципа опосредствования, который заключается в анализе и включении в познаваемую связь качественно отличных друг от друга промежуточных звеньев, расположенных в строго определенной последовательности¹⁶. В структуре любых внутренних связей действительности нет пустот, провалов, они всегда заполнены промежуточными звеньями, как об этом применительно к современной физике говорил А. Иоффе. Этот принцип опосредствования присущ именно диалектической логике. «Все vermittelt=опосредствовано, связано в едином, связано переходами»¹⁷, — писал В. И. Ленин, конспектируя Гегеля, которому принадлежит постановка вопроса о связи противоположностей как переходе («...изложение *связи и переходов* [связь и есть переходы], вот задача Гегеля»)¹⁸.

В XX в. две философско-логические категории все больше и больше доминируют в мышлении людей — категория глобальной целостности и категория диа-

лектического перехода. Так, характерным объектом ленинской критики после победы Великой Октябрьской революции стали противопоставление противоположностей без понимания их внутреннего, опосредованного единства, шараханье из одной крайности в другую и т. д. И первой его значительной теоретической работой в этом отношении становится написанная в 1920 г. (ко второму конгрессу Коминтерна) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В дальнейшем не только в вопросах стратегии и тактики, но и в хозяйственных, экономических, государственно-политических, культурных вопросах В. И. Ленин, сталкиваясь с перегибами, с односторонностью, ведет против них настойчивую борьбу. Не случайно борьба с троцкизмом занимает все большее место в ленинской политике и практической деятельности.

Однако мышление, одностороннее, метафизически оперирующее логической категорией перехода, после смерти В. И. Ленина на государственном уровне взяло верх. Это проявилось с наибольшей силой в коллективизации сельского хозяйства в конце 20-х — начале 30-х годов, когда имели место перескакивания через промежуточные этапы, беспрецедентное форсирование исторического процесса, который, по словам В. И. Ленина, должен был занять «целую историческую эпоху». Даже политическая революция, как это хорошо показано в статье Ю. А. Красина, не может сразу, непосредственно привести к социалистическому типу власти. «Логически правильно, — писал он, — что главным критерием перехода к социалистическим преобразованиям является завоевание власти рабочим классом. Нет власти социалистического типа — значит, нет и социалистических преобразований; есть такая власть — значит, есть и социалистические преобразования. Однако логика революции — это диалектическая логика. В ней должна учитываться диалектика становления диктатуры пролетариата через переходные типы власти. Нет никакой возможности с абсолютной точностью обозначить по времени рубеж утверждения всей полноты власти рабочего класса в социалистических революциях, которые осуществились в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Уже на первых этапах этих революций, когда во многих странах не было еще и речи о диктатуре пролетариата, когда намечались лишь первые этапы ее

становления, наряду с демократическими преобразованиями уже осуществлялись существенные элементы социалистических преобразований»¹⁹. Следует сказать, что эта структура процесса перехода от старого типа власти к новому через промежуточные ступени для стран Центральной и Юго-Восточной Европы была выявлена еще седьмым конгрессом Коминтерна (1935 г.).

Понимание перехода как процесса, который проходит через промежуточные состояния, когда сосуществуют «кусочки» старого и нового, не было распространено в мышлении XIX в. Поэтому принцип сосуществования не случайно разрабатывается в XX в. как всеобщий принцип практической и духовной жизни (и как принцип политического мышления, и как принцип экологического мышления, и как принцип экономического мышления и т. д.). Принцип сосуществования, наконец, доведен сегодня до формулы «одно государство — два строя»²⁰. Ленинское понимание перехода от капитализма к социализму включало идею сосуществования и борьбы элементов капитализма и социализма в течение определенного исторического отрезка времени внутри России. Сегодня такое понимание перехода все больше становится господствующим в мышлении людей, претерпевая вместе с тем дальнейшие изменения.

2. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ — ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ МЫШЛЕНИЯ XX в.

Складывающееся новое мышление в мире является продолжением сформировавшегося после Октябрьской революции и принявшего в ленинизме свою научно-революционную форму способа мышления. Новое мышление — высшая ступень способа мышления XX в. с категорией диалектического перехода в центре. Преемственность ленинского подхода к диалектическому методу сегодня была подчеркнута в докладе на праздновании 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции 2 ноября 1987 г.: «Историческую задачу социализма Ленин видел в том, чтобы работой долгого ряда лет подготовить переход к коммунизму. Вождь революции высоко ценил умение Маркса и Энгельса «с чрезвычайной тщательностью... анализировать именно переходные формы,

чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является». Словом, наши учителя многократно предупреждали, что путь строительства нового общества — это длинный ряд переходов»²¹. Социализм — первое и единственное в истории общество, которое рассматривает себя как переход, а не как окончательное состояние, которое остается только усовершенствовать.

Типично переходным является процесс современной перестройки, глубокого обновления всех сторон жизни советского общества. Для экономической сферы жизни цель радикальной реформы формулируется как «переход от чрезмерно централизованной, командной системы управления к демократической, основанной преимущественно на экономических методах, на оптимальном сочетании централизма и самоуправления»²². Кстати, перестройка нашей внутренней экономической жизни сегодня совпала с начинающимся процессом перестройки всей мировой экономики. Тенденцию трансформации одностороннего труда, оторванного от целого, в целостный, осмысленный, в рамках самоуправляющихся коллективов, связанный с прогрессом современной технологии, на мой взгляд, хорошо уловил, например, западный социолог, специалист по теории управления О. Тоффлер, заявив, что «ключ к будущему труда заключается в понимании того, что рутинная, повторяющаяся, частичная работа не является более эффективной. Она уже отжила в технологически развитых странах. Поэтому такой труд будет изживать себя независимо от того, что различные компании, союзы и правительства принимают по этому поводу. Нам не следует плакать и стенать в связи с этим»²³. Конечно, сегодня речь пока может идти только о тенденции. Западное общество в большей своей части основано на экономике, включающей в свою структуру лишь узкоспециализированный, частичный труд. Но ясно то, что вся мировая экономика в развитой своей части стоит накануне принципиальных структурных преобразований, затрагивающих основы капиталистического общества. Предстоят радикальные изменения в мировом масштабе организационных, структурных, социальных и даже культурных аспектов производства. «...Переход

должен стать ключевым словом в нашем экономическом словаре в ближайшем будущем»²⁴, — пишет О. Тоффлер.

В нашей стране предстоит переход к новому этапу демократизации — правовому государству, когда права граждан обеспечиваются даже в случае столкновения их интересов с интересами государственных органов. Можно было бы перечислить много (все основные) сфер общественной жизни, где начался переход к качественно новому уровню, но в данном случае это отвлечет нас от основной темы. Заметим лишь, что XX век — век переходов, и мышление нашего века имеет переходы в качестве центрального объекта. Отсюда — центральная роль логической категории перехода в современном мышлении во всех его проявлениях, идет ли речь о политическом мышлении, экономическом, научном, технологическом или о других формах его проявления. Более того, сегодняшнее мышление как на теоретическом, так и на научно-практическом уровне все больше рассматривает в качестве устойчивого аспекта явлений не достигнутые стадии или ступени развития, а именно переходы от одной стадии к другой. Даже в теории геронтологии появляются взгляды, основанные на такой логической основе. «В противоположность теориям стадий, согласно которым жизнь состоит из ряда возрастных кризисов и их преодоления, — пишет Кэрол Таврис, — теории перехода исходят из того, что у всех людей есть определенные психологические потребности, которые не могут быть удовлетворены раз и навсегда, а должны удовлетворяться постоянно»²⁵. Идея постоянных перемен для ведущих компаний в технологической сфере уже давно является руководящим методологическим принципом управления. «Обновляющиеся компании понимают необходимость последовательности, порядка, норм и — да, да — привычки, — пишет известный на Западе и у нас исследователь Р. Уотермен. — Но они также понимают, что постоянны только перемены. Это восхитительно парадоксальное состояние, когда люди видят необходимость устойчивых норм и одной из них являются перемены»²⁶.

Итак, в новом мышлении категория перехода играет центральную роль. Но содержание ее претерпевает существенные изменения, обусловленные измене-

ниями в содержании исходной категории целостности. В мышлении первой половины XX в. целое в конечном счете не зависело от части, за исключением определяющей части (соответственно того или иного класса, например пролетариата для марксистов). Во второй половине XX в. ситуация начинает меняться. Целое, противоречивое и взаимосвязанное сегодня таково, что оказывается уязвимым для любого сколько-нибудь существенного звена. Такое понимание целого — специфическое достояние второй половины XX в. в смысле его всеобщей распространенности (биологи, специалисты по экологии, атомной технике, мировой экономике, политики, военные, врачи и т. д.). Это понимание вошло уже в обыденное, массовое сознание, прессу.

Новое содержание категории целостности обусловило изменение содержания категории перехода в том плане, что принцип сосуществования противоположностей обогатился принципом взаимного *содействия* противоположностей*. Сосуществование в условиях конфронтации в военном плане (по принципу «кто — кого») приведет рано или поздно к гибели и той и другой стороны, т. е. целого. Ни одна сторона, часть не может остаться, сохраниться за счет другой. Такая ситуация характерна не только для международных отношений, но и для экологической ситуации, для живых систем и соответственно для научного мышления, отражающего все эти объекты.

Диалектическая логика с ее учением об опосредствовании противоположностей качественно различными промежуточными звеньями в наибольшей степени соответствует новому мышлению, отражает его внутреннюю структуру.

И сегодня, как и в 30-х годах, имеют место попытки форсировать исторический процесс перестройки, перемахнуть через процессы, этапы, опосредствующие переход от исходных условий, отправного пункта к готовому результату. Руководство КПСС сегодня предупреждает, что «нельзя перескакивать через этапы и пытаться все сделать одним махом»²⁶. Будем надеять-

* Принцип взаимного содействия противоположностей в философской литературе впервые был выдвинут А. Н. Аверьяновым²⁷.

ся, что ошибки прошлых десятилетий, обусловленные, так сказать, «отклоняющимся мышлением», будут избегнуты нами.

3. НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, ЛОГИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Встает весьма важный и принципиальный вопрос о соотношении диалектической логики, нового мышления и идеологии. Может ли новое мышление взять верх во всем мире, или идеологические различия классов являются непреодолимым препятствием для его распространения?

Для всякого непредубежденного и мыслящего человека ответ ясен: логика диалектического мышления не связана исключительно с одной, и только одной, идеологией. Иначе слово «логика» должно бы употребляться в фигуральном, переносном смысле. Понятия «диалектика развития», «диалектика мышления» возникли в лоне буржуазной идеологии в конце XVIII — первой трети XIX в. Их связь с марксистской идеологией обнаружилась лишь в середине XIX в. Следовательно, диалектически может мыслить и марксист, и буржуазный идеолог. Идеология же связана с социально-политическими выводами, вытекающими из общих доктрин, учений, теорий.

Однако эта независимость идеологии и логики друг от друга относительна. В случае с мелкобуржуазным социализмом мы эту связь видели. Прудон, Троцкий, Сталин, Мао Цзэдун и многие левачьи мыслители в рабочем движении пытались перепрыгнуть через необходимые промежуточные звенья при переходе от капитализма к социализму, игнорировали необходимую внутреннюю связь (ее структуру) противоположностей друг с другом. «Большие скачки», оторванные от малых и противопоставленные им, стремление устранить «дурную сторону» противоречивого целого и сохранить «хорошую» — характерная черта мелкобуржуазного мышления. Поэтому если выяснять, какой социализм был построен в СССР или какой социализм был построен в Китае, то можно говорить и о «государственном социализме», и о «казарменном социализме», и о «раннем социализме», и о «командном», и т. д., но все это не будет внутренней социальной характеристикой

общества. Чьим идеалам соответствует такое общество? Идеалам каких социальных сил? Ведь рабочие не чувствовали себя хозяевами средств производства (промышленных предприятий), а крестьяне не чувствовали, что колхозы и земля принадлежат им. Капиталистическое общество соответствует идеалам капиталиста, феодальное — феодала, а рабовладельческое — рабовладельца. Соответствовало ли наше общество до 1985 г. идеалам рабочего и крестьянина? Сейчас многие согласятся с отрицательным ответом на этот вопрос. Но тогда чьим идеалам оно до сих пор соответствовало? Поверхностный ответ мы имеем в прессе: идеалам бюрократа! Но бюрократ хорошо себя чувствовал в условиях и прусской монархии, и немецкого фашизма, и сегодня еще во многих отнюдь не социалистических странах! Там, где осуществляется государственное давление на общество, бюрократ не только доволен, он процветает. Однако нам нужно понять социальную сущность того общества, которое мы имеем, или той деформации (хотя деформировать было нечего), которую допустили при строительстве социализма.

Сталин и Мао Цзедун, опираясь на мелкобуржуазные социальные силы, построили социализм с резко выраженными мелкобуржуазными чертами — уравниловкой, непримиримостью к индивидуальным интересам и особенностям личности, чрезмерной централизацией, «большими скачками», шараханьями из одной крайности в другую, прудонистской боязнью частной собственности в любой ее форме, подавлением политического свободомыслия.

Буржуазная идеология сегодня также основана на мышлении, имеющем в качестве доминирующей логической категории категорию перехода. Идеологи капитализма говорят о *переходе* к будущему «технократическому» обществу, «постиндустриальному» обществу, «полностью открытому» обществу, обществу, основанному на экономике «третьей волны», и даже к социалистическому. Но какова структура этого перехода? Если мелкобуржуазное мышление предпочитает «большие скачки», оторванные от малых, перепрыгивающие через промежуточные ступени, то буржуазное мышление и даже правореформистское, социал-демократическое, применяет логическую категорию перехода как непрерывного *количественного* процесса,

изменения (рост техники, расширение демократии*, рост научного знания, сознания и т. д.).

Если говорить о рабочем движении, то можно отметить, что в первой половине и даже в шестидесятих годах XX в. левацкая мелкобуржуазная идеология привлекала значительные массы трудящихся и интеллигенции (особенно молодой). Однако во второй половине XX в., точнее, с конца 60-х годов, популярность левацких течений в идеологической сфере начинает падать. Да и в среде коммунистических партий все меньше становится левацких элементов. Внешне это даже может выглядеть как конвергенция, сближение социалистической и буржуазной идеологий. Но такое восприятие идеологических процессов в мире было бы поверхностным. Различия в содержании центральной категории современного мышления по-прежнему сохраняются. Если и происходит некоторое сближение в мышлении, то только в том отношении, что буржуазный идеолог на Западе, оперируя категорией количественного перехода, понимает его только как технологическую перестройку экономики и компьютеризацию всей общественной жизни.

И тем не менее. Отсутствие непосредственной связи между способом мышления и идеологией позволяет приходить ко взаимопониманию между классами, государствами, представляющими противоположные общественно-политические системы, по многим вопросам современности, и круг таких вопросов все больше и больше расширяется. Вопросы, по которым две противоположные мировые системы не могут достичь полного взаимопонимания из-за идеологических установок, ограничиваются исключительно сферой оценки общественно-политического и социально-экономического устройства и исторических судеб соответствующих стран.

Идеология выбирает логику (формальную или диалектическую) и влияет на нее, делая ее более или менее последовательной. Логика же оказывает на идеологию не менее и даже, возможно, более сильное, если не решающее, влияние. Во всяком случае возникновение диалектической логики предшествовало

* И у нас в застойное время развитие социалистической демократии также понималось только как ее расширение.

марксизму, и без понимания логики Гегеля трудно понять первый том «Капитала» К. Маркса. Новое мышление, очевидно, связано не только с формальной, но и в явной форме с логикой диалектической.

Можно предположить, что новое мышление, которое будет освоено не только у нас, но и на Западе, сыграет большую роль в торжестве подлинно марксистской идеологии. В этой связи можно познакомиться с характерной для сегодняшней ситуации позицией уже упоминавшегося американского советолога Д. Скэнлана. «За последние пятнадцать лет, однако, со стороны некоторых советских философов, — пишет он, — были сделаны более серьезные попытки развить и кодифицировать диалектическую логику как науку, отличную от общей диалектики, теории познания и формальной логики, — попытки, которые, несмотря на их недостатки, подняли ее предмет до заслуживающего уважения уровня философского изложения. Мы можем видеть это развитие в книге С. В. Церетели «Диалектическая логика» (1971 г.), опубликованной в Тбилиси тиражом всего в тысячу экземпляров, но оно может быть рассмотрено более продуктивно в недавно и широко распространенных сочинениях З. М. Оруджева»²⁹. После такого начала рассмотрения диалектической логики «как науки» профессор Скэнлан завершает свой «анализ» следующим примечательным рассуждением: «Диалектическая логика, разрабатываемая сегодня в СССР такими умеренными неодеборницами, как Оруджев, не может быть просто отвергнута как не имеющая своего предмета в манере, обычной среди западных критиков. Ее предмет может рассматриваться как имеющий полное право на существование и действительно важный, поскольку мы не ждем от нее совпадения с традиционной аристотелевской или современной математической логикой»³⁰. Смешав, однако, предмет диалектической логики с предметом логики науки, или философии науки, он бросает наконец свое основное обвинение: «Но что огорчительно — это не то, что диалектической логике недостает предмета, а то, что, имея дело с ее важным предметом, эти советские философы обнаруживают так много уязвимых мест, включая очевидное стремление приспособить логику к потребностям «вечно истинной» марксистской идеологии»³¹.

Об «уязвимых» местах мы поговорим обстоятельно в других работах, что же касается «приспособления» диалектической логики «к потребностям «вечно истинной» марксистской идеологии», то на этом следует специально остановиться.

Идеология марксизма не имеет независимого от диалектической логики существования. Она основана на этой логике и вне этой логики была бы иной. Поэтому нет необходимости в том, чтобы диалектическую логику приспособливать к идеологии марксизма. Это возможно только в тех случаях, когда сама идеология изменена из посторонних соображений, как это произошло во времена культа личности или застоя: в нее был привнесен ряд принципов мелкобуржуазного социализма. Не случайно в те времена диалектическая логика была либо заброшена (во времена культа личности), либо недооценивалась (во времена застоя). Марксизм в его последовательно научной форме, свободный от элементов мелкобуржуазной идеологии или обыденных представлений об общественной жизни, предполагает диалектическую логику и неотделим от нее.

Что касается «вечно истинной» марксистской идеологии, то ошибка Скэнлана в том, что он не знает, точнее, не понимает учения марксизма об относительности научных истин. Марксизм как идеология так же не вечен, как и любая самая прогрессивная идеология в истории. Но его основное содержание, как это всегда было в истории, войдет в содержание будущих воззрений людей в качестве подчиненного момента. Еще в 1966 г. П. В. Колпин совершенно справедливо критиковал стремление оказать марксизму-ленинизму медвежью услугу посредством возведения его содержания в ранг абсолютной, или вечной, истины. Подлинная «абсолютность знания возможна только как процесс, приводящий к достижению объективного содержания в мышлении»³². Всякий достигнутый результат познания относителен и абсолютное содержит лишь как момент.

Итак, диалектическая логика связана не только с марксистской идеологией, мировоззрением, но и с буржуазной. Диалектическая логика как специальная философская дисциплина обладает относительной независимостью, самостоятельностью по отношению к различным идеологическим и политическим

установкам. Главное заключается в том, насколько последовательно она применяется в том или ином случае. Важно, чтобы в каждом таком случае имелось в виду принципиальное отличие мышления, соблюдающего требования диалектической логики как целостной теоретической системы, от неизбежно ограниченного, одностороннего мышления, руководствующегося метафизическим, недиалектическим методом, даже если в последнем используются отдельные элементы диалектики, вырванные из ее целостной системы.

Новое мышление, которое будет постепенно распространяться во всем мире под влиянием новых реалий, возможно, приведет к избавлению от метафизического метода и соответственно торжеству диалектической логики в мышлении людей современной эпохи.

КАТЕГОРИЯ «ПРОТИВОРЕЧИЕ» В СИСТЕМЕ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Новое мышление органично включило «противоречие» в систему своих понятий и категорий. Но, включив, переосмыслило традиционно сложившиеся о нем представления. Анализ современной общественной жизни, процессов, протекающих в живой и неорганической природе, позволяет сделать вывод о многообразии видов взаимодействия. Мир существует как противоречивое, но взаимозависимое целое, в котором бездна взаимодействий различного качества: борьбы, содействия, нейтралитета, конкуренции, партнерства, союзничества, соперничества и пр. Само противоречие предстало в многообразии своих проявлений, обнаружив прогрессивные и регрессивные свойства. Взаимодействие противоположностей обрело истинно диалектическую сущность в сложном переплетении борьбы, содействия и нейтральности. Мир предстал более красочным, более мозаичным и вместе с тем гармоничным и обнадеживающим, т. е. многовариантным. Это позволяет избежать крайностей в разрешении противоречий, оставляет возможность выбора конструктивных, компромиссных путей выхода из конфликтных ситуаций.

Так что же такое противоречие на современном уровне его понимания? Каковы его объективная природа и возможности управления его развитием? Раскрытию этих и других актуальных вопросов сути противоречия и посвящена настоящая глава.

1. СТРУКТУРА ПРОТИВОРЕЧИЯ

Противоречие является одним из видов взаимодействия, в процессе которого взаимодействующие системы, находясь в единстве, противодействуют друг другу. При этом сторонами противоречия могут быть

как системы в целом, так и их отдельные свойства, грани, функции, подсистемы, элементы. Сторонами противоречия выступают структура и функция системы, индивидуальная и ассоциативная функции элементов и т. д. В любом случае каждая сторона противоречия есть нечто сложное по своей природе, обладающее множеством свойств и находящееся в различных отношениях с окружающим миром, не сводящихся исключительно к противоречию, к борьбе. Они могут быть как противоречивыми друг другу, так и тождественными, и различными. Стороны противоречия — основные элементы его структуры. Символически структуру простейшего противоречия можно отразить следующим образом:

Здесь знак S означает систему, \longleftrightarrow — символ противоборства и — единства. В дальнейшем мы

не будем использовать символ единства, подразумевая, что оно возникает и исчезает вместе с возникновением и разрешением каждого конкретного противоречия.

Однако эта простейшая структура лишь приблизительно отражает реальную сущность противоречия. Дело в том, что противоречие всегда есть следствие какой-то причины. И эта причина есть также составная часть структуры реального противоречия, ибо, пока существует причина противоречия, существует и само противоречие. Таким образом, структура противоречия приобретает следующий вид:

где P — причина противоречия.

Как правило, причиной противоречия выступают факторы самосохранения и развития системы. В научной литературе весьма слабо исследована эта составная часть структуры противоречия. Обычно внимание сосредоточивается на процессе взаимодействия противоборствующих сторон, его динамике, качественном изменении. Такой подход к исследованию

противоречия не дает возможности правильно и более полно познать и понять явление противоборства систем.

«Чтобы понять взаимодействие, — писал Г. В. Плеханов, рассматривая взаимодействие обществ, — надо выяснить себе свойства взаимодействующих сил, а эти свойства не могут найти себе последнее объяснение в факте взаимодействия, как бы ни изменялись они благодаря ему. В нашем случае качества взаимодействующих сил, свойства влияющих один на другой общественных организмов объясняются в последнем счете уже известной нам причиной: *экономической структурой этих организмов, которая определяется состоянием их производительных сил*»¹.

Выяснение причин существующих и возникающих сегодня общественных противоречий стало актуальной задачей и составной частью нового мышления. Ибо знание причин противоречий позволяет устранять, снимать их и тем самым способствовать ослаблению напряженности общественных отношений, переводу их в русло сотрудничества и взаимопомощи. Наглядным примером служит прогресс в советско-американских отношениях, в основе которого лежит процесс устранения причин конфронтации, поиск объединяющих начал. На вскрытие причин предкризисного состояния нашего общества и на поиск путей их устранения направлена внутривнутриполитическая деятельность КПСС и Советского правительства. Особенно трудноразрешимые противоречия развиваются в аграрном секторе нашего народного хозяйства. Как отмечалось на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, несмотря на громадные капиталовложения в сельское хозяйство и постоянное внимание к его нуждам со стороны партии и Советского правительства, «отдачи, на которую рассчитывали, прироста, которого ожидали от принимаемых мер, мы не получили». Поэтому, говорил далее в своем докладе на Пленуме М. С. Горбачев, «мы должны добраться до сути, выяснить корни нынешней острейшей ситуации в нашей деревне, в продовольственном снабжении страны и найти пути ее разрешения»².

Поворот от констатации наличия противоречия, от политики все большего вложения средств в укрепление одной из его сторон к поиску причин возникновения и разрастания противоречия — перспективный

путь общественного оздоровления. Как писал Аристотель, «наставники более мудры не благодаря умению действовать, а потому, что они обладают отвлеченным знанием и знают причины»³. Но и причины не исчерпывают структуры противоречия.

Любое взаимодействие, в том числе и противоречие, является саморегулирующейся, саморазвивающейся системой, т. е. гомеостатом. Как правило, механизм саморегуляции нарушается преобладающим воздействием одного из элементов структуры взаимодействия. Поэтому образцами классического воплощения гомеостаза (саморегулируемого процесса) могут быть только некоторые разновидности взаимодействия. Саморегуляция есть непрерывная реакция взаимодействующих систем на изменяющуюся среду, позволяющая им сохранять свое устойчивое положение. В этом состоянии может находиться как простая, так и очень сложная система, например человек, общество. В простейшем гомеостате регулирующей силой или силами выступают естественные процессы мироздания: тяготение, инерция, ритм, обмен и пр. В сложных системах по мере восхождения по ступеням развития все отчетливее выделяется специальная часть структуры, которая выполняет функцию управления внутренними и внешними взаимодействиями системы. Соответственно просматривается и управленческая сеть. Каждый узел этой сети управляет одним противоречием или их группой. Таким образом, структура противоречия с включением в нее регулирующего фактора принимает следующий вид:

где R — регулирующая сила, регулирующий фактор.

Наличие регулирующего, управляющего фактора не исключает самоуправления, ибо управляющая сила принадлежит самоуправляемой системе, является элементом ее структуры. Это особенно важно учитывать сегодня, в период перестройки, когда происходит существенное изменение в различных структурах общества: политической, экономической, хо-

зяйственной, культурной и т. д. К сожалению, существует мнение, что управление в период демократизации есть нечто недемократическое, является наследием государственно-административной системы и должно быть заменено самоуправлением. Такое представление об управлении совершенно ошибочно и, реализуемое на практике, служит одним из тормозов перестройки. Ослабление управления в сфере народного хозяйства, например, привело к разбалансированию товарно-денежных отношений, к обострению противоречий в системе снабжения населения продуктами первой необходимости. Любая самоуправляющаяся система управляема и имманентно (т. е. внутри себя), и извне, так как находится в ассоциации систем, является элементом, частью другой системы. Кроме того, управление не означает только насилие, нажим, субъективный произвол, командование и т. д. Управление — это прежде всего обеспечение сбалансированного развития системы, а такое можно осуществить, только опираясь на естественные законы развития природы и общества.

Природа раскрывает нам великое многообразие способов саморегуляции, самоуправления, некоторые из них мы рассмотрим в следующих параграфах. Вместе с тем следует отметить, что в природе и обществе встречаются гомеостатические системы, где управляющая сеть носит скорее номинальный, чем императивный, характер, а противоречие функционирует в режиме взаимостимуляции взаимодействующих сторон.

Анализируя далее структуру противоречия, обнаруживаем сложность составляющих ее частей. Возьмем, например, стороны противоречия. Представляя собой системы, каждая из них имеет свою структуру, имманентные взаимодействия. Выделим прежде всего противоречия между структурой и функциями системы, между элементами системы, между подсистемами, между элементом и группой элементов, между управляемыми и управляющими частями, элементами.

Важнейшим из них является противоречие между структурой и функциями системы. Оно обеспечивает ее развитие, а все другие системные противоречия являются производными, вторичными от этого главного и основного противоречия.

Структура есть динамическое или фиксированное пространственное расположение определенным способом взаимодействующих элементов, частей и подсистем системы.

Под функцией системы понимается способ ее существования, способ взаимодействия с окружающей средой. Изменение окружающей среды неизбежно вызывает либо изменение функции системы с последующим изменением ее структуры, либо изменение внутренней структуры с последующим изменением функции в соответствии с изменившейся средой. Характер внутрискруктурных противоречий обусловлен в первую очередь функцией системы, т. е. способом ее взаимодействия с окружающей средой. Вместе с тем внутрискруктурные противоречия, меняющие структуру системы, оказывают воздействие на ее функцию и способ ее взаимодействия со средой. При этом надо учитывать, какие внутренние противоречия доминируют на том или ином этапе развития системы и на какие внешние противоречия они оказывают влияние.

Кроме внутренних взаимодействий, которыми обладают стороны противоречия, их важнейшими качественными характеристиками являются: внутренняя организация каждой из них, их устойчивость, надежность, способность к совершенствованию, прогрессивным изменениям, приспособляемость, вещественные, энергетические, информационные и прочие резервы. Подход к стороне противоречия как к сложной системе, имеющей свои особые «цели» и «интересы», свою программу развития, учет внутреннего многообразия, качественного и количественного богатства составляющих ее элементов и т. д. открывают возможность многовариантного поиска снятия напряженности противоречия. Именно этот неоднозначный подход к разрешению межгосударственных противоречий способствует оздоровлению международной обстановки сегодня.

Особое значение в структуре некоторых групп противоречий имеют посредующие звенья. Именно посредующие звенья, например в структуре противоречий в обществе, оказывают решающее влияние на ход их развития, остроту и характер разрешения.

Неотъемлемым элементом структуры противоречия является также малоисследованная, но важная зона

нейтральности между противодействующими сторонами. Эта зона имеет подвижный, меняющийся способ существования и зависит от качества противоборствующих сторон. Вместе с тем она обладает и относительной самостоятельностью, которая может перейти в абсолютную при «погашении» противоположностей. Скажем, при размагничивании стальной брусок становится «нейтральным», т. е. немагнитным, нейтральная область между полюсами как бы поглощает, растворяет в себе противоположные полюсы магнита.

Раскрывая далее структуру противоречия, нельзя не обратить внимание и на воздействие внешних факторов на его ход и результат. В конечном счете все жизненно важные противоречия внутри системы являются следствием развития противоречий системы с факторами ее существования, самосохранения.

К внешним факторам воздействия на развитие противоречия относятся:

— система или часть системы, в которую входят стороны конкретного противоречия. Как уже говорилось, противоречие между системами не является единственным видом их взаимодействия. Стороны противоречия (системы) взаимодействуют не только между собой, но и с другими системами ассоциации, в которую они входят, и в целом с ассоциацией по принципу взаимодействия части и целого. Естественно, что и ассоциация, и составляющие ее элементы не могут не воздействовать на находящиеся в противоречии системы и тем самым либо обострять, либо тормозить ход его развития. Скажем, на характер противоречия между Израилем и арабскими государствами громадное влияние оказывают другие государства мира, в том числе СССР и США. Инициативы СССР по нормализации отношений с Израилем, а США — с Организацией освобождения Палестины способствуют росту тенденции к ослаблению ближневосточного кризиса и являются результатом нового политического мышления;

— благоприятные и неблагоприятные условия для развития взаимодействующих сторон. Сюда входят пространственные, временные, энергетические, информационные и прочие факторы, неодинаково воздействующие на взаимодействующие стороны. Например, острота конкуренции между капиталистическими предприятиями в значительной степени зависит от финан-

сового положения страны, платежеспособности населения, наличия сырья, рынков сбыта и т. д. При этом одна из конкурирующих сторон может находиться в более благоприятных условиях, допустим иметь более устойчивый и выгодный рынок сбыта, и т. д.;

— случайные привходящие обстоятельства. К ним принадлежат факторы, не относящиеся ни к среде, в которой происходит взаимодействие систем, ни к метасистеме, в которую они входят как элементы. Например, взрыв сверхновой звезды оказывает существенное влияние на все процессы, протекающие в системах той звездной ассоциации, к которой принадлежит взорвавшаяся звезда.

Конечно, перечисленным не исчерпывается многообразие факторов, воздействующих на развитие противоречия. В конкретной обстановке выявляются и конкретные, специфические факторы, одни из которых могут оказывать существенное, определяющее влияние на характер противоречия, другие — несущественное, побочное, в зависимости от качества и количества находящихся во взаимодействии систем. Структура взаимодействия, структура противоречия находятся в прямой зависимости от факторов, воздействующих на их развитие.

Все противоречия в зависимости от качества взаимодействия систем и характера самого взаимодействия подразделяются на несколько основных видов. Исследовать виды противоречий — важная теоретическая задача, имеющая большое методологическое, практическое значение. Многие иллюзии и заблуждения рассеиваются, а недоумения исчезают, многое в реальной жизни природы и общества становится ясным после четкого выделения на объективных, естественных основаниях качественно отличных групп, видов противоречий.

2. ВИДЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Определение вида противоречия имеет существенное значение для уяснения причин его возникновения, движущих сил и путей разрешения. В нашей философской литературе сложился устойчивый стереотип определения противоречий по их внешним характери-

стикам: внешние и внутренние, главные и неглавные, основные и неосновные и т. д.⁴

Есть, правда, попытка выйти из этого замкнутого круга и определять противоречия по принадлежности их тому или иному виду движения — механическому, физическому, химическому, биологическому, общественному и т. д. Однако такая типизация не дает возможности исследовать движение противоречия, его развитие, изменение, пульсацию, переход в другие формы, фазы, интенсивность и т. д. Мы можем рассчитывать на благоприятный результат только в том случае, если будем искать качественные характеристики противоречия внутри самого противоречия, а не вне его. В этих поисках нам предстоит отойти от традиционного представления о противоречии как только о «борьбе противоположностей». (Как бы ни понималась противоположность философами, она прежде всего, как утверждал Аристотель, есть «законченное различие»⁵.) Если же настаивать на понимании противоположности как только стороны противоречия, то мы не сдвинемся ни на шаг в познании его сущности. Нашего знания никак не прибавляется от того, что мы все качественное многообразие сторон различных противоречий называем противоположностями. Это все равно, как если бы врачи все болезни, вызывающие на теле человека сыпь, называли корью и лечили людей с любой сыпью способами лечения кори. Как уже говорилось, стороны противоречия — это системы. Будучи системами, они могут быть и тождественными, и различными, и противоположными. Качество взаимодействующих систем и определяет вид противоречия. Если борются тождественные системы, то и противоречие есть противоречие тождества. Если в противоречивом взаимодействии находятся различные системы, то это противоречие мы определим как противоречие различия. Борьбу же «законченных различий» назовем противоречием противоположностей.

Рассмотрим подробнее каждый вид противоречия.

Противоречие тождества. В природе нет абсолютного, полного, исчерпывающего тождества, т. е. нет системы, абсолютно тождественной другой системе. Всегда найдется у одной системы такое качество, такой признак, которого нет у другой. Но в то же время всегда у двух систем, даже беспрельдно далеких,

скажем у туманности Андромеды и у человека, всегда найдется общее тождественное качество. У человека и туманности Андромеды таким тождественным качеством будет вещественность. Чем больше общих качеств, свойств у систем, тем более тождественными они будут. Системы вступают во взаимодействие определенного вида не сразу всеми своими свойствами, гранями, функциями и пр., а только какой-то одной своей стороной. Если две системы обладают одинаковым набором свойств S , то будем считать эти системы тождественными по отношению к свойствам S . Они могут отличаться другими свойствами, но свойства S у них одинаковые. Скажем, звезды в звездной ассоциации, молекулы чистого газа, протоны в атомном ядре, государства одной общественно-экономической формации, люди одной профессии и т. д. В том случае, когда тождественные по определенным признакам системы имеют один и тот же источник существования, один и тот же способ взаимодействия с ним, то при определенных условиях (например, изменение временных и пространственных параметров, количества и качества источника существования, появление препятствий во взаимодействии с ним, вмешательство третьей системы и пр.) между ними может возникнуть противоречие.

Игнорирование противоречия между тождествами, растворение его в «борьбе противоположностей», как и отрицание содействия между действительными противоположностями, заводило теоретиков-метафизиков, а вместе с ними и политиков в тупик, когда процессы развития человеческих обществ порождали коллизии там, где по существующей теории должна быть гармония, и наоборот. Вспомним хотя бы конфликт с Китайской Народной Республикой. Он тогда, в конце 60-х годов, многих поверг в шоковое состояние. Ведь «теоретически» его не должно и не могло быть никогда, так как КНР и СССР не противоположности, они — тождества, они — две социалистические державы. И все же конфликт, да еще вооруженный. А потом мы узнали, что противоречия существуют и между другими социалистическими странами. И пришлось по-новому читать классиков, искать у них ответы на вопросы, которые ставит современная жизнь. И, не находя прямых ответов, самим постигать реальную диалектику бытия, которая не укла-

дывается ни в какую схему и даже в самую гениальную философскую систему, ибо представляет собой проявление бесконечного многообразия мира.

Противоречие различия возникает между системами, отличающимися друг от друга набором определенных свойств. Такие системы в природе и обществе преобладают. Они имеют признаки и противоречий тождества, и противоречий противоположностей. В процессе развития противоречия различные системы могут изменяться, переходить и в тождества, и в противоположности, и становиться нейтральными.

Сегодня жизнь заставляет нас более пристально взглянуть во взаимодействия различий, в их роль в развитии мира в целом и общества в частности. И очевидно, настала пора признать равное значение в мировом процессе взаимодействия различий, тождеств и противоположностей. Не только на борьбе противоположностей зиждется мироздание, и не только эта борьба — источник его движения. Противоречия и другие виды взаимодействия (содействие, нейтралитет) между различными системами существенно влияют на конечные результаты этапов, ступеней развития. Обострение противоречий может привести, особенно в общественных системах, к тяжелым кризисным состояниям, затрагивающим сущность не только самих взаимодействующих систем, но и метасистемы, в которую они входят составными частями или элементами. Такое кризисное состояние мы видим сегодня и во взаимоотношениях отдельных государств, не являющихся ни социальными противоположностями, ни тождествами, однако упорно конфликтующих друг с другом. Например, недавно закончившаяся бессмысленная война между Ираком и Ираном.

Пагубные последствия противоречий различия наблюдаем и внутри нашего государства. Свидетельством тому является рост напряженности в межнациональных отношениях в отдельных регионах страны. Межнациональные противоречия, будучи противоречиями различия, могут перерасти как в противоречия противоположностей, так и в сотрудничество. Особенно общественно опасным является переход противоречий различия в противоречия противоположностей. В этом случае их разрешение намного усложняется и требует больших социальных усилий.

Наконец, несколько слов о *противоречии противоположностей*. Это наиболее изученный вид противоречия. Вместе с тем и здесь имеется множество «белых пятен». Скажем, высокий уровень абстракции в исследовании противоположностей не позволял выявить их специфические черты, особенности, качественные отличия, что затрудняло использование теоретических разработок как методологической основы решения практических задач и конкретных научных исследований.

Практика, непосредственная человеческая деятельность, как уже не раз бывало в истории, заставляет спуститься с заоблачных высот «чистой мысли» к конкретным земным заботам, и тогда ясная в своей оторванности от практики теоретическая проблема наполняется таким содержанием, раскрытие которого обогащает и науку, и практику. Такое движение научной мысли не возвышает и не умаляет ни науку высокого обобщения, ни науку конкретного факта. Научное познание, как и все в мире, развивается волнами. Бывает, гребни волн совпадают, и тогда человечество наблюдает ренессанс, возрождение, научно-техническую революцию. Сегодня мы являемся свидетелями и участниками мощной и глубокой научно-технической и нравственной революции. К сожалению, в нашей стране гребни научных волн еще разделяет впадина бюрократизма. Вместе с тем противоречие между противоположностями стало объектом внимания политиков, экономистов, социологов, историков. Жизнь заставила, не дожидаясь теоретических разработок, на практике искать пути сближения противоположностей, снятия между ними остроты борьбы, замены ее сотрудничеством. От антагонизма противоположностей к их неантагонистическому противоречию и от него к противоречию и сотрудничеству различий — таков магистральный путь развития межгосударственных отношений, определяемый сутью нового мышления.

Каждый вид противоречия, характеризуемый качествами взаимодействующих сторон, имеет свои подвиды. Скажем, противоречие между взаимодополняющими системами, между опосредованными и между непосредственно взаимодействующими системами, между активными и пассивными, старыми и новыми системами и т. д. Количество подвидов противоречия

велико, и их характер, стадии развития, интенсивность, конечный результат у каждого подвида имеют свою четко выраженную определенность. Противоречие может быть острым, скрытым, слабым, равновесным, асимметричным, зависимым от внешних факторов, непосредственным и опосредованным и пр.

Мир противоречий настолько многообразен и мало изучен, что вхождение в него и его исследование обещает много открытий, которые обогатят разум и усилят могущество человека.

3. ПРИЧИНЫ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Любая система, возникнув, сохраняет себя. Здесь нет возможности подробно раскрывать механизм самосохранения системы каждого уровня развития материи. Это задача частных наук. Для философии важно выделить общее, тождественное, повторяющееся в массе явлений, имеющих различную природу и способ возникновения. Самосохранение является общим свойством систем неживой и живой природы, общества и мышления.

Самосохранение порождает множество взаимодействий системы с окружающей средой, в том числе и противоречие. При этом главнейшим условием самосохранения системы является наличие достаточно емкого источника ее существования. Источник существования может быть внутренним, внешним или смешанным. Он может быть пассивным (скажем, масса системы) и активным, меняющимся, самовоспроизводящимся и т. д. Система, обладающая только пассивным источником самосохранения, в условиях земной поверхности обречена на разрушение.

Системы, имеющие преимущественно внешний, хотя и активный источник самосохранения, способны к развитию, но лишены возможности заменить этот источник и тем самым целиком и полностью зависят от его объема и качества, например системы кристаллов. Системы, имеющие внешний и внутренний источники самосохранения, являются саморазвивающимися системами. Вышние из них способны иметь множество источников существования и активно взаимодействовать с окружающей средой.

Борьба за самосохранение, за источник существования (вещество, пространство, энергию, информацию и пр.) явно или скрыто, непосредственно или опосредованно лежит в основе любого противоречия. И движение мысли подчинено этому закону, ибо достижение и постижение истины идут в борьбе мнений, каждое из которых, в том числе и ложное, требует усилий как для утверждения, так и для опровержения. А. Богданов в книге «Всеобщая организационная наука» ввел такие понятия, как «активности» и «сопротивления»⁶, раскритикованные в 20—50-х годах как механистические, пустые. На самом деле любая система, любой объект обладает сопротивлением внешнему воздействию. Даже куча песка «реагирует», сопротивляется внешнему воздействию, стремящемуся ее разрушить. Конечно, это сопротивление чисто механическое, инерционное. Но оно существует, и это главное. Еще Гегель писал, что сопротивление является тем, посредством чего материя сохраняет свое для-себя-бытие, что «сопротивление именно и означает материю. То, что оказывает сопротивление, материально, и, наоборот, оно постольку материально, поскольку оно оказывает сопротивление; противодействие есть движение обоих тел...»⁷. Чем выше уровень организации материи, тем разнообразнее, сложнее становится реакция ее конкретных форм на внешнее воздействие.

В процессе естественного отбора системы приобретают специальные средства защиты. Так, минералы, кристаллы, металлы и т. д. покрываются защитной пленкой, формируется устойчивая структура и пр., а живые системы дают нам удивительное по неповторимости многообразие средств защиты от воздействия среды. Всё это, естественно, происходит не по чьей-то осознанной воле, а в силу длительного отбора и сохранения систем, наиболее устойчивых к тем или иным условиям существования.

Но если есть системы, обладающие средствами защиты, значит, есть и системы, обладающие средствами агрессии. В физике и химии довольно широко употребляются понятия «агрессивная среда», «агрессивный элемент», с агрессией в прямом смысле этого слова мы сталкиваемся и среди живых систем.

Каждая живая система имеет одну или несколько несовместимых с ней по основным факторам существования систем живой или неживой природы. Иначе

говоря, каждая система имеет в наличии своего «смертельного врага». Это означает, что любой микроб или вирус, любой простейший организм может быть либо ослаблен и ограничен в развитии, либо вообще уничтожен другим организмом, другой системой. В противном случае на Земле процветал и господствовал бы лишь один вид живых существ. Это значит, что нет неизлечимых болезней, что любая инфицированная болезнь может быть ликвидирована, если найти систему — антагониста возбудителю болезни. Поэтому правы те, кто утверждает, что уничтожение растительного и животного мира, осуществляемое в глобальном масштабе на нашей планете, лишает человека возможности в конце концов найти средство против ныне неизлечимых недугов.

Многолетние исследования взаимодействия систем позволяют сделать вывод и о том, что каждая система имеет одну или несколько систем, укрепляющих ее существование, помогающих ей, оберегающих ее и т. д. Природа сама дает нам в руки механизм естественного и разумного управления ее процессами, не требующий вмешательства, приводящего ко всеобщему разрушению.

Самосохранение проявляется не только в формировании свойств защиты и агрессии, но и в репликации — стремлении к размножению систем одного качества. Ученые пока не могут дать этому всеобщему свойству систем достаточно убедительного объяснения. Создается впечатление, что идет какое-то давление неизвестного источника энергии, которое толкает системы к размножению, ко все большему пространственному многообразию. При этом каждая ассоциация систем имеет тенденцию к безграничному размножению. Много есть любопытного и загадочного в этом явлении.

Но одно просматривается ясно: несоответствие между ограниченностью источника существования систем и их безграничной потенцией к количественному росту рождает между системами противоречия. Причины противоречия вместе с тем не исчерпываются несоответствием между ограниченностью источников самосохранения систем и безграничностью количественного роста. В природе существует множество локальных и случайных причин противоречия. Они могут быть классифицированы как внутрисистемные

и как внешние, как постоянные и как переменные и т. д. Выявление и знание каждой конкретной причины возникновения противоречия и истоков ее существования позволяет управлять развитием противоречия, воздействовать на процессы, протекающие в природе и обществе⁸.

Выявление причин противоречия — это важная, но все же лишь одна сторона, раскрывающая их природу. Другая сторона — обнаружение движущих сил противоречия.

Есть движущие силы развития в целом и движущие силы противоречия как вида взаимодействия. Движущими силами развития могут быть борьба, единство, содействие, группа систем и т. д. Движущими силами противоречия являются один или несколько элементов его структуры. Однако главными, определяющими движущими силами противоречия выступают противоборствующие стороны противоречия. При этом активность сторон (одной или нескольких) может быть как имманентной, так и возникать под действием внешних причин.

Выше уже отмечалось, что в природе встречаются активные и пассивные системы. Эти их качества обусловлены совокупностью характеристик образующих их элементов, структур, энергий, масс и пр. Активные системы выступают реальной движущей силой противоречия. Именно они побуждают другую, взаимодействующую с активной систему сопротивляться, изменяться, освобождать пространство и пр. Противоречие живет и развивается за счет активной системы. Это было отмечено еще Гегелем и Энгельсом.

В природе и обществе активностью обладают системы, имеющие повышенный внутренний потенциал энергии. Это, как правило, системы в стадиях возникновения, становления и зрелости или же системы, оказывающиеся в опасных для своего существования условиях.

Из истории мы, например, знаем, что активной движущей силой общественного процесса являются новые классы, приходящие на смену классам, исчерпавшим свои исторические возможности. Движущей силой выступают партии, союзы, организации людей, объединенных вдохновляющей идеей, способной увлечь большие массы народа. Движущей силой может быть и личность, обладающая незаурядными ин-

теллектуальными и волевыми качествами. Если есть движущие силы, то есть и силы сопротивляющиеся, тормозящие движение. Их носителями являются инерциальные системы — системы, неспособные к изменению в изменившихся условиях, а в обществе — те системы, чьи интересы не соответствуют интересам прогрессивной части общества.

Сегодня в процессе перестройки обнажились, высветились многие противоречия нашего общества. Встала задача определить как движущие, так и тормозящие силы в развитии противоречий. Оказалось, что это далеко не просто. То, что теоретически представляется довольно ясным, на практике оказывается весьма трудноосуществимым. Это происходит не потому, что не верна теория, а в силу известной абстрактности, всеобщности теоретических выводов и конкретного многообразия практики.

Например, какую сторону определять как движущую и какую — как тормозящую силу в таком широко известном противоречии, как противоречие между производительными силами и производственными отношениями? По классической теории — при капитализме производственные отношения являются тормозом развития производительных сил, а при социализме они соответствуют друг другу. На практике оказалось, что производительные силы капитализма весьма успешно развиваются, а у нас производственные отношения тормозят развитие производительных сил. Так что же, теория ошибочна? Нет, теория в основе своей правильна, т. е. активной стороной указанного противоречия являются производительные силы.

Революционно развивающиеся производительные силы активно и непрерывно меняют производственные отношения капитализма, приспособлявая их к своим нуждам.

В нашей стране перестройка наряду с другими задачами призвана создать гибкую, подвижную, быстро реагирующую на изменение производительных сил систему производственных отношений.

Движущей силой в противоречии «производительные силы — производственные отношения» независимо от политической системы являются производительные силы и, следовательно, люди, с ними связанные: ученые, инженеры, специалисты сельского хозяйства, высококвалифицированные рабочие и крестьяне, если

речь идет о материальном производстве, и специалисты общественных наук, художественная интеллигенция, подлинный мастер культуры в сфере духовного производства.

Кто же представляет тормозящую силу? Значительная часть старой структуры общества, его управленческие узлы. Это не означает, что представители управления — ретрограды, консерваторы, от природы плохие люди. С одной стороны, в силу их включенности в консервативную, не способную к внутреннему самозменению структуру они выступают тормозом, так как они лично заинтересованы в сохранности структуры и потому вольно или невольно отстаивают ее непркосновенность, а следовательно, и неизменность своего существования. (Медленность и экономическая малоэффективность перестройки в первую очередь объясняется тем, что приходится перестраиваться структуре производственных отношений. А это трудный, болезненный и длительный процесс. По существу прежняя структура должна полностью ликвидироваться и утверждаться другая — подвижная, динамичная, способная к синхронному с производительными силами изменению.)

С другой стороны, сфера управления, куда входят различного рода аппараты, занимает в обществе привилегированное положение среди других сфер. Это особое место сферы управления позволяет ей как бы естественно использовать свое преимущество в распределении общественных благ. Поэтому понятно сопротивление индивидов, входящих в сферу управления, процессу ее перестройки.

В ходе предвыборной кампании (1989 г.) многие программы кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР содержали пункты, где предлагалось за счет снижения жизненного уровня отдельных категорий трудящихся уравнивать социально-экономическое положение народа. Вроде бы справедливое требование. Однако это по существу мелкобуржуазный, ошибочный подход. Мы ведь уже не раз пытались играть в общественно опасную игру под названием «уравниловка», суть которой — низведение высшего к низшему, и знаем ее печальные результаты. На опасность пропаганды уравниловки обратил внимание М. С. Горбачев в выступлении на встрече с руководителями средств массовой информации 29 марта 1989 г.

«В условиях дефицита, — говорил он, — который у нас есть, вновь стали проявляться уравнилельные тенденции. А ведь мы только начинаем наступать на уравниловку, нанеся обществу немалый ущерб. И прессе нельзя путать социальную справедливость и уравниловку. Это — разные вещи. Укрепляя социальную защищенность, справедливость, в то же время нельзя поддерживать настроения уравниловки. Это губельно, это удар по всей экономической реформе, по всему обществу, по его нравственности»⁹.

Дело не в том, чтобы снизить уровень жизни какой-то части нашего общества, а в том, чтобы поднять уровень жизни всех, подтянуть низшее к высшему. В этом — главная задача перестройки. Другое дело, что надо устранить оставшееся нам в наследство от прошлого привилегированное положение отдельных сфер жизнедеятельности общества, например сферы управления. Она должна стать в одном ряду с другими сферами человеческой деятельности. Общество должно соединить пирамидально-иерархический принцип своей организации с принципом пропорционального взаимодополнения всех своих структур и функций. В обществе не должно быть «гегемонов». Все классы, социальные группы, нации и народности, сферы деятельности, любые социальные институты должны быть равны юридически, политически, экономически. Главным критерием общественного приоритета должен стать производительный, добросовестный труд; привилегии по труду — вот принцип социализма. Разумеется, социальная защищенность должна распространяться и на такие группы, как инвалиды, пенсионеры, матери-одиночки, многодетные семьи, дети, лишенные родителей. Но переход к такому общественному устройству должен проходить путем повышения жизненного уровня народа, подтягивания отстающих к вырвавшимся вперед, выравнивания по максимуму, а не по минимуму. Это в значительной мере будет способствовать снятию остроты противоречий в обществе и позволит резко активизировать все его потенциальные созидательные силы.

Что касается других противоречий общества — индивида и коллектива, коллектива и коллектива, общества и среды и т. д., то выявление движущей силы требует каждый раз анализа конкретной ситуации. Следует лишь отметить, что противоречия вообще

и в обществе в частности могут возникать и развиваться под воздействием внешних причин и движущих сил. Скажем, национальные конфликты могут разжигаться сознательными действиями заинтересованных в них людей.

Определив основные причины и движущие силы противоречий, логично перейти к рассмотрению возможностей и способов разрешения противоречий.

4. РАЗРЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Это сегодня — одна из важнейших теоретических и практических проблем. Решение ее — требование времени, необходимое условие научного управления общественными процессами, ключ к точному и реальному прогнозированию, снятию большого числа трудностей взаимодействия с природой, конфликтных ситуаций в межличностных и межгосударственных отношениях.

Нельзя сказать, что эта проблема не ставится и не решается в теории и на практике. В естествознании давно найдены законы взаимодействия систем неорганической природы. Специалисты могут, скажем, теоретически рассчитать и практически управлять химическими и ядерными реакциями (а любая реакция есть противоречивое взаимодействие). Техники, конструкторы находят оптимальные решения устойчивости, надежности работы машин, механизмов, приборов, автоматических и электронных систем и пр., хотя любая конструкция есть сложное, порой противоречивое взаимодействие различных элементов.

Изучение законов взаимодействия живых систем, скажем популяций растений и животных, растений и насекомых, растений и животных, насекомых и насекомых и т. д., дает возможность управлять их развитием, не прибегая к регулированию природных процессов с помощью ядохимикатов.

Значительно сложнее обстоит дело в общественных отношениях. До настоящего времени общественные противоречия решаются методом проб и ошибок, что не только является реальным тормозом развития общественных систем всех уровней, но и создает угрозу существованию самого человечества и жизни на Земле в целом. Такова реальная ситуация сегодня.

Овладев могучими природными силами, человечество только приступает к поиску естественно-регулятивных принципов саморазвития. Новое мышление — важнейший фактор этого процесса. Мы видим сегодня, как разум все более берет верх в межгосударственных отношениях. Вместо конфронтации с непредсказуемыми последствиями вырабатывается система взаимовыгодных отношений, все большее значение в смягчении и прекращении коллизий приобретают переговоры, компромиссы, поиски политических, дипломатических, экономических путей решения возникающих проблем.

Идет осмысление взаимодействия общества и природы не как победителя и побежденного, а как двух взаимозависимых, взаимодополняющих частей единого целого — биосферы.

Эмпирическим путем вырабатываются способы управления и разрешения противоречий на уровне производства, трудовых коллективов, межличностных отношений и пр. Однако теоретических философских работ по этому вопросу по существу единицы. Здесь следует назвать работы З. М. Оруджева о роли промежуточных звеньев в разрешении противоречий, В. А. Кайдалова о концепции самодвижения¹⁰.

Интересные и, на наш взгляд, перспективные разработки на теоретическом уровне проблемы управления противоречием ведутся группой ученых, объединенных в постоянно действующий семинар «Гомеостатика живых и технических систем» в Иркутске¹¹. Идея Ю. М. Горского об управляющем «шефе», стоящем над конкурирующими подсистемами, имеет весьма конструктивный характер. Таким «шефом» является любого вида регулирующий фактор. В той или иной степени разработанности теоретические положения об управлении противоречиями встречаются в работах и по самоуправлению систем, и по управлению общественными процессами, и по проблемам экологии. В данном параграфе делается попытка, опираясь на имеющиеся исследования, описать некоторую, естественно неполную, схему возможных вариантов разрешения противоречий.

С учетом изложенного представляется теоретически правильным считать, что управление противоречием — это воздействие на элементы структуры противоречия, и прежде всего воздействие на взаимодей-

ствующие стороны. Далее важно определить цели этого воздействия, способы и средства, какими оно может быть осуществлено.

Рассмотрим некоторые реальные варианты разрешения противоречий, происходящих в природе и обществе.

Противоречия между *тождественными* системами разрешаются, когда:

- одна из систем меняет способ взаимодействия с общим источником существования;

- обе взаимодействующие системы или их функции, свойства и т. д. в процессе борьбы видоизменяются настолько, что борьба переходит в другие виды взаимодействия (содействие, сотрудничество, нейтралитет);

- взаимодействующие системы объединяются, и таким образом исчезает основание для противоречия;

- устраняются другие системы, способствовавшие противоречию;

- появляются новые источники существования, и тем самым снимается причина противоречия;

- устраняются внутренние причины противоречия в одной или обеих взаимодействующих системах;

- возобладают объединяющие взаимодействия между тождественными системами над противоречивыми. Как мы уже говорили, системы взаимодействуют между собой по множеству каналов связи и между тождественными системами, как правило, преобладают объединяющие взаимодействия, т. е. содействие, сотрудничество.

Противоречия между *различными* системами разрешаются, когда:

- одна из систем становится тождественной другой;

- одна или обе системы изменяют свое качественное состояние и, следовательно, источник существования;

- системы объединяются перед общей опасностью;

- изменяются условия существования систем, а следовательно, и характер их взаимодействия;

- противоречие между системами переходит в сотрудничество, взаимодополнение;

- устраняется внешний фактор противоречия;

— устраняется внутренний для одной или для обеих систем фактор противоречия.

Разрешение противоречий между *противоположными* системами происходит в случае:

— преобладания одной противоположности над другой. Такой вид «разрешения» противоречий характерен для становящейся системы. Борьба между противоположностями завершается победой одной из них, что и означает переход в новую стадию развития, возникновение новой стадии развития системы. Причем само противоборство противоположностей может носить характер прямой борьбы (скажем, пролетариата и буржуазии), постепенного изменения одной из противоположностей в другую через промежуточные звенья;

— изменения одной из противоположностей, превращения противоположностей в различие, не несущее в себе противоречия;

— изменения в процессе противоречивого взаимодействия обеих систем и преобразования противоречия в другой вид взаимодействия;

— взаимопогашения противоположностей и образования нейтральной системы;

— взаимопроникновения противоположностей;

— воздействия управляющей системы;

— воздействия метасистемы;

— воздействия «третьих» систем;

— объединения перед общей опасностью;

— опосредования противоположных систем и сглаживания, а затем и преобразования противоречия в сотрудничество;

— непрерывной гармонизации соотношения взаимодействующих сторон. Это уже упоминавшиеся гомеостатические системы. Они встречаются как в природе, так и в обществе. Достижение динамического, управляемого равновесия создает благоприятные возможности для интенсивного развития взаимодействующих противоположных систем;

— разрушения системы под воздействием случайных причин.

Как видно из вышеизложенного, все перечисленные возможные варианты разрешения противоречий в основном касаются биологических и общественных систем. Но, как говорили древние, «что вверху, то и внизу» (означающее единство законов развития си-

стем), различны только острота и форма проявления сущности. Очевидно, существует еще немало способов, форм разрешения противоречий. Все зависит от формы движения системы, степени ее развития и других существенных причин.

Сегодня же нас, конечно, прежде всего интересует проблема разрешения противоречий общественно-го развития. Особенность разрешения общественных противоречий состоит в том, что от людей, являющихся непосредственными участниками коллизии, требуется немалое мужество, высокая нравственность и искреннее стремление к обоюдному приемлемому варианту разрешения противоречия. Идология нового мышления открывает большие возможности для разумного, здравого подхода к снятию напряжения в отношениях между общественными системами и внутри самих систем. Переход от конфронтации к диалогу, от противоборства к поиску взаимопонимания и к совместным действиям в решении общечеловеческих проблем, основанные на доверии, взаимоуступчивость, взаимодополнение в сфере экономики, культуры, науки, в социальной сфере и т. д. — вот пути оздоровления всей общественной жизни.

Опыт разрешения общественных противоречий за последние годы показывает также, что эффективными методами управления конфликтом являются:

- включение в двусторонний конфликт третьей стороны, заинтересованной в его прекращении;

- последующий поиск с помощью третьей стороны факторов, сближающих интересы конфликтующих сторон, и ликвидация, устранение факторов, порождающих противоречие;

- прямые двусторонние контакты сверху донизу, расширение количества этих контактов, включение в систему поиска разрешения противоречия на взаимоприемлемых условиях больших масс людей.

О возрастающем значении в разрешении общественных противоречий третьей заинтересованной системы говорит и деятельность ООН по прекращению региональных конфликтов. При активном посредничестве ООН приостановлена бессмысленная война между Ираном и Ираком, выводятся войска ЮАР и Кубы из Анголы, выведены советские войска из Афганистана, нащупываются компромиссные решения проблемы Камбоджи.

Громадное значение имеют двусторонние отношения между государствами, и прежде всего между СССР и США, которые оказывают прямое воздействие на ход мировых противоречий в целом. Именно снижение уровня конфронтации, нахождение путей для развития сотрудничества между СССР и США способствовали изменению в лучшую сторону международной обстановки. Активная и гибкая политика на основе нового мышления, начатая и проводимая Советским Союзом, дает свои плоды, ибо она соответствует потребностям современного человечества, позволяет ему выйти из кризисного состояния.

Жизненно важным противоречием общественного развития является борьба нового со старым. В процессе перестройки задача управления развитием этого противоречия перешла из области теории в область конкретной практики. Но надо сказать, что далеко не всегда она решается в интересах общества. Возьмем для примера систему управления. В партийных документах начиная с апреля 1985 г. развивается и обосновывается мысль о том, что система управления народным хозяйством пришла в противоречие с потребностями и возможностями его внутреннего развития. По существу она стала тормозом развития народного хозяйства. Естественно и логически из этого вытекает решение — преобразовать старую систему и создать новую, соответствующую современным требованиям. Приняты соответствующие постановления по преобразованию старой системы управления. Все вроде бы правильно, но в результате мы имеем большие экономические, нравственные издержки. Это происходит потому, что старые управленческие связи ослаблены, нарушены, а реальный слом изжившей себя машины управления и образование новой происходят медленно.

Над министерствами висит дамоклов меч сокращения, предприятиям предоставлена самостоятельность, т. е. у управленческого аппарата и производственных коллективов углубились противоречия. Необходимо ускорение создания нового механизма самоуправления.

Теория и исторический опыт учат: чтобы избежать общественных катаклизмов, люди должны непрерывно обновлять свои общественные институты, устранять старые и своевременно утверждать новые. Ведь

революция, перестройка — это вынужденные акции, это хирургические операции на теле общества. Однако в наших силах сбалансировать общественное развитие, гармонизировать его, придать ему ускорение путем непрерывного обновления всех сфер жизни. Новое мышление как раз способствует концентрации усилий человечества в направлении созидания. Созидание и разрушение есть две стороны одного процесса — развития. Если начинает преобладать разрушение, то это — регресс, если созидание, то это — прогресс.

Добиться перевеса прогресса над регрессом, созидания над разрушением — это сложная теоретическая и практическая задача, требующая высокой подготовленности и здравого смысла. Управление развитием противоречия заключается в том, чтобы сбалансированно воздействовать на составные части его структуры, преобразуя ее в интересах человека и общества.

Диалектика жизни учит, что нельзя абсолютизировать ни одну теорию, ни один метод познания и практики, что всегда возникает такое стечение обстоятельств, когда требуется неординарное решение. Каждое конкретное противоречие требует своего конкретного решения, естественно с учетом законов общей теории развития. Может быть и такая ситуация, когда надо сознательно обострить противоречие, чтобы быстрее преобразовать, пусть и «хирургическим» путем, тормозящую развитие систему. И напротив, может возникнуть потребность тормозить, заглушать противоречие, давая возможность взреть другим видам взаимодействия — сотрудничеству, содействию, взаимопомощи.

Наука об управлении взаимодействием систем, в том числе и противоречий, только создается. Здесь не представляется возможным даже теоретически рассмотреть ее различные направления. Ясно одно — практика перестройки, опыт новых международных отношений, углубленное развитие диалектики готовят необходимый материал для ее формирования.

ГЛУБОКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУЩНОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ БАЗИСОМ И НАДСТРОЙКОЙ КАК ЭЛЕМЕНТ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Диалектическая сущность нового мышления немислима без познания реального движения противоречий социалистического общества, в первую очередь тех, разрешение которых является источником революционных преобразований. Отношение к противоречиям общества выступает показателем уровня развития методологической культуры деятелей науки и политики, искусства и техники, всех тех, кто причастен к творческому решению выдвигаемых жизнью задач. Это отношение — пробный камень революционного обновления общественного сознания, перестройки политических, правовых и всех других идеологических отношений, готовности мыслить и действовать по-иному.

Литература по диалектике, по проблемам противоречий насчитывает десятки, если не сотни названий. В первой половине 80-х годов была предпринята крупномасштабная попытка по созданию обобщающих трудов¹. Казалось бы, можно испытывать определенное удовлетворение достигнутым. Но сегодня — иной масштаб оценок наших прошлых достижений: оценивать то, что сделано, не мерками текущего дня, а с точки зрения практики социализма, его места и роли в поступательном движении человечества, необходимости решения новых задач общественного развития.

1. ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ СОЗНАНИЯ

Основные недостатки исследований социальных противоречий состоят в абстрактном теоретизировании. Ученые сосредоточивали внимание на, так ска-

зать, чистой, т. е. отвлеченной от реальной действительности, характеристике диалектического метода, на формально-логическом описании типов и видов противоречий, на принципах их определения, на тех преимуществах, которые заключает в себе социализм для их разрешения. Что касается реальных противоречий общества, то они выступали скорее в качестве иллюстративного материала.

Такой подход не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на теорию и практику политической жизни. Так, в 1965 г. состоялось Всесоюзное совещание по проблемам материалистической диалектики, на котором о социальных противоречиях говорилось немало². Какова практическая значимость этого обсуждения? Ведь философия оказывает влияние на политику по линии обогащения методологии политической теории. Ровно через год после совещания состоялся XXIII съезд КПСС. И если обратиться к его документам с точки зрения того, какую роль играет теория диалектического противоречия в политическом анализе действительности, в постановке и решении выдвигаемых задач, то вывод однозначен — очень слабую. А это был первый съезд после смены политического руководства страны, и возможность революционно-критического анализа пройденного пути была достаточно широкой. В документах последующих (XXIV—XXV) съездов этот анализ был еще слабее. Аналогичную в принципе оценку можно дать и дискуссии о противоречиях, развернувшуюся в начале 80-х годов³.

Между тем противоречия нарастали и, не находя своевременного разрешения, приобретали предкризисные формы. И лишь дальнейшее развитие теории диалектического противоречия и политической практики имело принципиальное значение в восстановлении понятия диалектического противоречия в его, так сказать, политических правах. Чтобы конкретнее представить значение этого факта, достаточно бросить беглый взгляд на документы партии 20-х годов. Они содержат многочисленные примеры анализа реальных противоречий и форм их разрешения в тесной связи с конкретными задачами социалистического строительства. Это — противоречия между различными хозяйственными укладами, между городом и селом, производством и потреблением и т. д. Важным аспектом ана-

лиза является то, что все противоречия рассматриваются с точки зрения приведения социалистической надстройки (главным образом надстройки политической) в соответствие с реальными тенденциями развития народного хозяйства. Причем это такое соответствие, когда надстройка (государство и т. д.) активно регулирует и направляет развитие социально-экономических отношений в интересах формирования и укрепления социалистических начал общественной жизни. Первостепенное внимание уделяется проблемам оптимального сочетания планового и рыночного регулирования экономики, соответствия содержания и форм работы партии, профсоюзов, комсомола реальным процессам в обществе.

Приведем лишь два примера. XII съезд партии (1923 г.), рассмотрев задачи и методы планового регулирования экономики, сформулировал важное положение всей хозяйственной политики социалистического государства того периода: «а) при попытке опередить путем планового вмешательства хозяйственное развитие, заменить регулирующую работу рынка административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры, совершенно неизбежны частные или общие хозяйственные кризисы того специфического типа, какие мы наблюдали в эпоху военного коммунизма («заторы», «пробки» и пр.); б) при отстаивании централизованного регулирования от явно назревших потребностей в нем мы будем иметь разрешение хозяйственных вопросов неэкономными методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств»⁴.

Или еще пример. Среди основных проблем в работе комсомола XIV съезд партии (1925 г.) отметил «наличие известного противоречия между существующими формами и содержанием работы, с одной стороны, и текущими потребностями, основанными на хозяйственном росте — с другой...»⁵. Как известно, страна в тот период переходила от восстановления народного хозяйства к его реконструкции, т. е. к созданию мощной материально-технической базы, соответствующей уровню развития передовых капиталистических стран. Новая ситуация требовала существенного обновления

содержания, форм и методов деятельности всех государственных и общественных организаций.

Эта заложенная В. И. Лениным традиция — не упускать противоречий из поля зрения — прослеживается едва ли не на всем протяжении 20-х годов. В последующие годы она исчезает. Полное, или абсолютное, соответствие производственных отношений уровню развития производительных сил в социалистическом обществе, так называемая теория бесконфликтности, имевшая хождение в литературе и искусстве в конце 40-х — начале 50-х годов, явились следствием известной вульгаризации основного закона диалектики в политической практике. В 50-х годах открылись возможности широкого изучения противоречий в политическом анализе действительности. Но протекал этот процесс непоследовательно, а вскоре был свернут.

С новой силой этот процесс развернулся с середины 80-х годов. Со страниц партийных документов послеперестройки (1985 г.) периода предстает масштабная картина противоречий социалистического общества на современном этапе, их причин и последствий, условий и форм их разрешения. Выработка обоснованных рекомендаций по разрешению противоречий, надежный экономический и социальный прогноз стали программной задачей, которую партия поставила перед обществоведами. Искусство политического руководства ставится в прямую связь с умением выявлять и эффективно разрешать противоречия, не затушевывать их, не накапливать, а превращать в источник прогресса и саморазвития⁶.

Идеи и установки, заложенные в документах XXVII съезда, в новой редакции Программы КПСС и развитые в материалах XIX Всесоюзной партийной конференции, пленумов ЦК КПСС, имеют принципиальное значение для дальнейшей разработки проблематики противоречий социализма. Особый интерес в этой связи представляют противоречия между базисом и надстройкой. Это одна из самых неразработанных проблем в нашей литературе. А без ее разработки новое политическое мышление лишается своего существенного элемента.

2. СВОЕОБРАЗИЕ И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ БАЗИСОМ И НАДСТРОЙКОЙ

Противоречия между базисом и надстройкой — относительно самостоятельная группа социальных противоречий. Основоположники марксизма-ленинизма придавали первостепенное значение их роли и месту в общественном развитии. Противоречия между базисом и надстройкой являются следствием противоречий в способе производства⁷, и разрешение первых выступает исходным пунктом разрешения последних. Как писал К. Маркс, «люди осознают этот конфликт (т. е. конфликт в способе производства.— Г. О.) и борются за его разрешение»⁸. В. И. Ленин прямо связывал непосредственные причины революции с необходимостью разрешения противоречий между базисом и политической надстройкой⁹.

Следует различать два основных вида противоречий между базисом и надстройкой. В одном случае стороны противоречия генетически принадлежат к различным общественно-экономическим формациям (буржуазные производственные отношения и социалистическое государство, например). В другом — они являются формационно однотипными, т. е. принадлежат к одной и той же формации. В первом случае отношение противоположностей носит, как правило, характер антагонизма. Разрешение противоречий означает переход общества от одной формации к другой. Во втором случае антагонизм отсутствует. Действие противоречий связано не с уничтожением данной общественно-экономической формации, а с ее развитием.

После социалистической революции обществу обычно присущи оба вида противоречий между базисом и надстройкой, как это было, например, в нашей стране в переходный период. Но по мере развития нового общественного строя первые противоречия постепенно ослабевают. Доминирующую роль начинают играть противоречия между формационно однотипными базисом и надстройкой, т. е. между социалистическими производственными отношениями и социалистической надстройкой. В дальнейшем речь пойдет только о последних.

В самом общем виде предпосылки противоречий между базисом и надстройкой заключаются в раздвое-

нии системы общественных отношений и неравномерности развития ее сторон. Материальные общественные отношения, развиваясь под воздействием производительных сил, вызывают к жизни соответствующие идеологические отношения как свою специфическую, прошедшую через сознание форму, которая обеспечивает их упорядоченность и устойчивость, их регуляцию и управление. Но как бы форма ни была зависима от содержания, она обладает известной самостоятельностью, что находит выражение в характере и темпах ее развития. В более же конкретном плане предпосылки противоречий между базисом и надстройкой заключены в различии интересов классов, социальных групп, в степени и форме их осознания.

Как отмечали основоположники марксизма, при социализме люди впервые начинают творить историю сознательно. Перед ними открывается возможность разумного управления обществом, движением своих материальных общественных отношений. Эта возможность тем выше, чем оптимальнее в каждый конкретный момент соответствие идеологических отношений (надстройки) уровню развития их материальной основы. Но сама эта возможность не действует автоматически. Ее реализация зависит от самих людей, от того, в частности, насколько своевременно они распознают противоречия между базисом и надстройкой, своевременно разрешают их.

Со стороны надстройки указанные противоречия выражаются в двух основных формах — отставания надстроечных явлений от уровня развития материальных общественных отношений и забегаания вперед относительно этого уровня. Об отставании надстройки в литературе пишется много. Однако, как правило, анализ отставания не доводится до познания противоречия.

Еще сложнее обстоит дело с забегаанием надстроечных явлений вперед относительно уровня развития своего базиса. Здесь совсем нет анализа. Лишь в самое последнее время стали появляться статьи, в которых рассматривается эта проблема¹⁰. Обычно же ограничивались констатацией конкретных явлений, списывая их на волю случая или произвол политических деятелей. Но если обратиться к истории социалистического строительства, то нельзя не заметить, что элементы забегаания надстроечных явлений вперед преследо-

вали нас на всех этапах развития социализма, начиная с первых лет революции. Причем при социализме тенденции к забеганию действуют шире, чем в прежних формациях. В целом это понятно. В социалистическом обществе массы становятся подлинным субъектом исторического процесса. Их энтузиазм нередко усиливает опасность постановки революционным авангардом нереальных в данных условиях задач.

Поучительные образцы распознания явлений забегания политики вперед, образцы искусства разрешения этих противоречий оставил Ленин. Мы, писал он, обосновывая необходимость нэпа, «слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота», мы предполагали, «что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение пошло зигзагами»¹¹.

Типичным примером забегания надстроечных явлений была политическая установка XXII съезда партии на развернутое строительство коммунизма в нашей стране. Она вошла в Программу партии в редакции 1961 г. Принципиальная оценка этой установке была дана на XXVII съезде¹².

Забегание вперед следует отличать от опережения надстройкой уровня развития своего базиса. Опережение — нормальная предпосылка общественного развития.

Классический пример — образование социалистического государства сразу после победы революции, когда социалистические производственные отношения пребывали еще в самом зачаточном состоянии. Забегание же вперед — явление отрицательное, ведет к растрате сил и средств, потере времени и темпов развития. Это и подчеркнуто в новой редакции Программы КПСС: «Любые попытки забегания вперед, введения коммунистических принципов без учета уровня материальной и духовной зрелости общества, как показывает опыт, обречены на неудачу, могут вызвать издержки как экономического, так и политического характера»¹³.

3. ПРИЧИНЫ ОТСТАВАНИЯ И ЗАБЕГАНИЯ НАДСТРОЙКИ ВПЕРЕД ОТНОСИТЕЛЬНО УРОВНЯ РАЗВИТИЯ СВОЕГО БАЗИСА

В первом приближении можно было бы сказать, что надстройка как форма выражения материальных общественных отношений изначально, по самой природе, включает в себе тенденцию к отставанию от развития своего материального содержания. Такой вывод не лишен основания, поскольку форма в отличие от содержания кристаллизует в себе элементы повторяемости, устойчивости, стабильности развития. Но этот вывод нельзя абсолютизировать. Обычно не замечают другой особенности формы, которая также происходит из этого же ее свойства. Напомним мысль Гегеля о том, что в развитом состоянии форма есть закон явления, т. е. внутренняя, устойчивая, повторяющаяся связь. Поэтому форма в случае ее осознания может быть определена как метод. Взяв на вооружение эту особенность формы, человек получает возможность не только существенно опережать, предвосхищать ход развития содержания, но и практически управлять этим развитием.

Гносеологические причины отставания надстройки в общем-то известны. Сова Минервы, по выражению Гегеля, вылетает в сумерки, т. е. когда события дня уже протекли. Отставание вызывается также догматизмом теории. В этой связи напомним положение Ф. Энгельса о том, что у диалектической философии, революционной по своему характеру, «есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше»¹⁴. В условиях, когда философия становится идеологией господствующего класса и приходится вести постоянную идеологическую борьбу со своим классовым противником, консервативная сторона имеет тенденцию разрастаться в ущерб революционной, а философия утрачивает роль «возмутителя спокойствия».

К этому следует добавить соображения социального характера. Часть идеологов общества, завоевав социальное положение с известными привилегиями, нередко утрачивает стимул к развитию теории, сосредоточивает свои усилия исключительно на пропаганде и

защите существующих порядков. Не секрет, что ведущие идеологические кадры в значительной своей части оказались в годы застоя заражены консерватизмом, конъюнктурщиной и проглядели или замолчали обострение противоречий. Идеология застоя, маскировка стагнации, отмечает А. Н. Яковлев, не нуждались в точном знании жизни¹⁵.

Причины забегаания вперед менее исследованы. Можно выделить явления объективно обусловленные и явления субъективные. По-видимому, писал В. И. Ленин, существует закон, требующий от революции «*продвинуться дальше, чем она может осилить*, для закрепления менее значительных преобразований...»¹⁶. Созвучные идеи у Маркса и Энгельса встречаются довольно часто. Некоторые философы называют этот закон законом перелива революционной волны¹⁷. Забегание выступает в данном случае как стихийное следствие раскрепощенной революционной энергии масс, которая тем сильнее, чем ненавистнее и продолжительнее был социальный гнет и ожесточеннее сопротивление контрреволюционных сил. Но есть причины субъективистского характера, когда, например, авангард, его руководящее ядро в силу тех или иных просчетов ставит завышенные, нереальные в данных условиях цели.

В гносеологическом аспекте причины забегаания вперед кроются прежде всего в проблеме соотношения идеала и действительности. Маркс, раскрывая сущность капиталистического производства, создал, как это он сам подчеркивал, идеальный тип капитализма, модель, освобожденную от случайностей и специфики развития капитализма в той или иной стране. Идеальный тип выражает сущностные черты объекта в более или менее обобщенном виде. Примерно так же формировался и идеал социалистического общества. При этом необходимо учитывать, что если капитализм уже существовал, то социализм выступал как будущее. Его существенные черты представляли собой своеобразное зеркальное отражение-отрицание существенных черт капитализма, т. е. характеризовали социализм в достаточно высокой степени развития. Поэтому попытка сразу и немедленно воплотить идеал в жизнь обречена на неудачу. Пути реализации идеала конкретизируются лишь в ходе поступательного движения общества. И по мере этой конкретизации про-

ясняются такие рубежи движения к социализму, которые раньше просто не были видны.

Необходимо иметь в виду еще одну черту социального познания. Суть ее — в логическом спрямлении исторического пути развития социальной системы. Речь идет о противоречиях между логическим и историческим, особенно при наложении выявленных закономерностей на будущее развитие этой системы. В теории предполагается, отмечал Маркс, что законы капиталистического способа производства развиваются в чистом виде. В действительности же всегда налицо лишь некоторое приближение, но приближение это тем больше, чем полнее устранены чуждые ему остатки прежних экономических укладов¹⁸. Это верно и применительно к социализму. Такое спрямление пути, отвлечение от разного рода отклонений и влияний в принципе необходимо, говоря словами Ленина, «для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу»¹⁹. Однако то, что необходимо для выработки стратегии деятельности, может вызвать и нередко вызывает упрощенное предположение при разработке тактической линии достижения конечной цели.

Надо, далее, подчеркнуть и такую особенность отражения, как включенность общественного человека в социальные процессы. Социальное познание неразрывно связано с общественными интересами. Забегание вперед уходит корнями в стремление человека быстрее достичь конечной цели, что нередко приводит к отрыву от реальности. Таким образом, к гносеологическим причинам забегания вперед присоединяются социальные, идеологические. У идеологов, политических деятелей это выражается в стремлении торопить мечту. В конечном счете к постановке завышенных целей приводит напор потребностей и интересов широких масс.

Как показывает практика социалистического строительства, отставание или забегание надстроечных отношений возникает по преимуществу в стыковые периоды, т. е. на стыке двух этапов развития общества, когда, например, назревает необходимость смены альтернативы развития. Эти периоды характеризуются тем, что, с одной стороны, исчерпываются возможности развития базисных отношений в рамках старого этапа, с другой — все шире заявляют о себе качест-

венно новые моменты, свидетельствующие о наступлении нового этапа. Перед обществом возникают новые задачи, для решения которых старые надстроечные механизмы оказываются неэффективными.

Особо следует подчеркнуть альтернативность исторического процесса, т. е. возможность выбора конкретного направления развития. Эта мысль широко развивается в нашей литературе под влиянием осмысления уроков истории социалистического строительства. Так, по мнению Г. Бордюгова и В. Козлова, общество проходит в своем развитии моменты, которые можно назвать критическими точками. Это моменты наибольшей концентрации всех противоречий, моменты, когда совершается исторический выбор, переход на какой-то новый тип движения²⁰.

Переход общества от одного этапа движения к другому выражается в изменении политического, идеологического режима, в структурных изменениях хозяйственного механизма, форм собственности и ее использования. В сознании людей он отражается обычно в понятиях «коренного поворота, перелома, перестройки, структурных реформ». В нашей стране переломные моменты были в начале 20-х годов, на рубеже 20—30-х, в 50-х и 60-х годах. Такой переломный момент страна переживает в настоящее время.

В свете сказанного целесообразно различать противоречия, вызванные внутриэтапным несоответствием надстройки базису, и противоречия, связанные с завершением одного этапа (альтернативные) развития и переходом к новому (стыковые). Разрешение внутриэтапных противоречий достигается эволюционным совершенствованием надстройки. Разрешение стыковых противоречий ведет к революционным сдвигам в системе общественных отношений, к существенной перестройке надстроечных структур. Рассмотрим движение этих последних противоречий подробнее.

4. СИТУАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СДВИГА

Стыковые противоречия способны порождать в обществе особую ситуацию (сродни революционной в учении о революции), переломную, или ситуацию революционного (альтернативного, качественного) сдвига. Она не сваливается как снег на голову, а вызревает объективно, исподволь. Ей присущи определен-

ные признаки. Применительно к классовым революциям эти признаки сформулированы В. И. Лениным в учении о революционной ситуации. Они состоят, напомним, в кризисе верхов и нежелании низов жить по-старому; в обострении выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов; в значительном повышении активности масс, привлекаемых всей обстановкой кризиса и самими верхами к самостоятельному историческому выступлению. Внутренние признаки революционной ситуации дополняются внешними (кризис внешней политики и т. д.).

Но, как известно, не всякая революционная ситуация ведет к революции. Революция возникает лишь тогда, когда к объективным признакам присоединяется субъективный — «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»»²¹.

Можно ли, отправляясь от этих признаков революционной ситуации, говорить об аналогичных до известной степени признаках ситуации революционного сдвига? На наш взгляд, можно и нужно. Дело в том, что принципы, положенные Лениным в основу выделения признаков классической революционной ситуации, заключают в себе наряду с конкретно-научным аспектом и более общий, методологический аспект. С точки зрения марксистской диалектики революция и революционный сдвиг, как, например, нынешняя перестройка, относятся к одному классу общественных изменений. Это скачок в общественном развитии, перерыв постепенности. Но раз это так, то им должны быть присущи общие черты и закономерности. Конечно, нельзя забывать и о различиях. Социалистическая революция — высшая, наиболее сложная форма революционного скачка. Она имеет дело с классовыми антагонизмами, с переходом политической власти из рук одного класса в руки другого, с переходом общества от одной, классово антагонистической, формации к другой — коммунистической. Перестройка всех сфер общественной жизни — тоже форма революционного скачка, но иного уровня, иного масштаба. Это — внутриформационный скачок.

За спецификой революции и революционного сдвига нельзя не видеть, подчеркнем, и сходства указан-

ных форм скачка. Такой подход как раз и открывает возможность применить выделенные признаки революционной ситуации к характеристике ситуации революционного сдвига в развитии социалистического общества. Для этого необходимо выявить методологическое значение указанных признаков. Как нам представляется, общее значение первого признака заключается в обострении противоречия между надстройкой, прежде всего надстройкой политической, и экономическими отношениями. Надстройка, точнее, ее конкретно-историческая форма превращается из стимула в оковы развития своего базиса. Обострение нужды и бедствий трудящихся классов сверх обычного обозначает не что иное, как обострение противоречия между растущими потребностями и производством средств к жизни, которое в силу устарелости производственных отношений не может угнаться за движением потребностей. Следующий признак — повышение активности масс — выражает практическое отношение трудящихся к обострившимся противоречиям, их стихийное стремление самим разрешить эти противоречия.

С учетом сказанного выделим признаки ситуации революционного (качественного) сдвига. Прежде всего это значительное снижение управляемости экономическими и социальными процессами, неспособность (или даже кризис старых форм и методов деятельности) политических и общественных институтов власти регулировать и направлять ход общественного развития. Материальные общественные отношения начинают вырываться из-под контроля этих институтов.

Далее, переломная ситуация характеризуется разительным несоответствием между реальными возможностями данного социально-экономического строя и теми практическими результатами, которые получают от него широкие массы. Происходит свертывание социальных программ, снижение жизненного уровня, нарушение отношений социальной справедливости. В обществе возникают и усиливаются негативные явления (приписки, взяточничество, пьянство и пр.). Устаревшие надстроечные формы и отношения, «заражающие весь народ своим гниением», по выражению В. И. Ленина, разлагаются²².

Третий признак может проявляться в зависимости от степени обострения противоречий и действий пар-

тийно-государственного аппарата по их разрешению в разных формах: а) нарастание разочарования, равнодушия к общественным делам, к политическим организациям, к их деятельности; б) рост недоумения, брожения умов, возмущения людей состоянием дел в обществе; в) повышение социальной активности, самоинициативной деятельности людей.

К внутренним объективным признакам переломной ситуации следует добавить и внешний. Он состоит в возникновении тупика во взаимоотношениях с другими странами. Происходит свертывание торговли, в неблагоприятную сторону меняются объем и структура экспорта и импорта. Ограничиваются культурные контакты.

Но этих объективных признаков бывает недостаточно для того, чтобы переломная ситуация разрешилась подлинным сдвигом, скачком в развитии общества. Он наступает тогда, когда к объективным условиям присоединяется субъективный фактор — способность здоровых сил в обществе (в политическом руководстве прежде всего) консолидироваться и возглавить движение по революционному разрешению назревших противоречий.

5. СИТУАЦИИ КАЧЕСТВЕННОГО СДВИГА В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (20-е годы)

Классическим образцом ситуации коренного перелома была обстановка в нашей стране в начале 20-х годов. Корни возникшего в эти годы экономического и политического кризиса уходят в антагонистические противоречия переходного периода — противоречия между свергнутыми, но оказывающими ожесточенное сопротивление эксплуататорскими классами и революционными массами. Необходимость разрешения этих противоречий вызвала к жизни политику «военного коммунизма».

Вместе с тем кризис 1921 г. был обусловлен и противоречиями иного рода — между революционной властью трудящихся и самими трудящимися или по крайней мере значительной их частью. В. И. Ленин в этот период первостепенное внимание уделяет анализу именно этих, второпорядковых, так сказать, противоречий. Он отмечает недовольство значительной

части крестьянства и рабочих политикой Советского государства²³. Причину кризиса он видит в том, что, во-первых, «мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед»; во-вторых, «не обеспечили себе достаточной базы», в-третьих, не сразу поняли, что «непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы»²⁴.

Первой жертвой кризисных явлений стала партия. Кризис поставил под вопрос ее руководящую роль в обществе. По оценке Ленина, партийный кризис продолжался почти (или даже более) полгода — с ноября (или сентября) 1920 по март 1921 г.²⁵ В открытую кризис проявился в дискуссии о профсоюзах. Сущность разногласий, если оставить в стороне вопросы теории, писал Ленин, была в расхождении «по вопросу о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи* с массой»²⁶. В организационном аспекте кризис заключался в том, что формы и методы работы партии, получившие широкое распространение в годы войны, — крайний организационный централизм и свертывание коллективных органов партийной организации, система боевых приказов, которые давались руководящими партийными учреждениями и которые беспрекословно выполнялись без обсуждения рядовыми членами партии, непрерывные мобилизации — превратились в условиях мирного времени в оковы развития партии. Централизация вела к бюрократизации, к отрыву от масс. Система боевых приказов часто принимала форму неоправданного нажима, необходимые привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода, а необходимое свертывание партийных органов оборачивалось ослаблением духовной жизни партии²⁷. Это был также кризис определенных представлений о социализме.

Выход был найден: в экономическом плане — заменить продразверстку продналогом, ввести свободный оборот излишков, в политическом плане — приспособить верхи партии к ее массе, партию — к массе пролетариата и крестьянства, и наоборот. Введение нэпа явилось отправной точкой в разрешении переломной ситуации. Трудности были большие. Тем не менее старый хозяйственный механизм (механизм «военного коммунизма») был сломан довольно быстро. Революционная перестройка не ограничилась сферой эконо-

мики. Хозяйственные успехи шли рука об руку с демократизацией общественной жизни. Страна получила новую Конституцию — первую Конституцию СССР, трудовой, гражданский, уголовный и другие кодексы законов. Во внешнеполитической области переход к нэпу ознаменовался крутым поворотом партии и государства от установки на непосредственную мировую революцию к мирному сосуществованию со странами капитализма, к развитию торговли с ними.

В целях преодоления и предупреждения кризиса в партии X съезд (1921 г.) принял резолюцию «О единстве партии». В том же году была проведена первая генеральная чистка. Из партии было исключено 159,3 тыс. человек, или 24,1% ее состава²⁸. Характерной особенностью разрешения ситуации революционного сдвига явилось то обстоятельство, что он не сопровождался персональной сменой высшего политического руководства страны. Ленин и его окружение сумели точно определить причины кризиса, оперативно выработать эффективные решения, убедить партию и массы в безальтернативности выработанного курса.

Успешное разрешение кризиса явилось мощным стимулом развития теоретической мысли, которая была в основном сосредоточена на разработке практических мер по разрешению противоречий. Но чуть спала острота ситуации и положение нормализовалось, теоретическая мысль обратилась к главному — к глубокой разработке концепции социализма, его строительства в условиях нашей страны. Краеугольные камни этой концепции заложил Ленин в своих последних работах. Можно лишь пожалеть, что в силу исторических обстоятельств концепция не получила, как бы мы сейчас сказали, системного изложения. В дальнейшем это нередко приводило к тому, что некоторые ее положения выпадали из поля зрения теоретиков и политиков или интерпретировались неадекватно.

Характерной переломной ситуацией была обстановка в нашей стране в конце 20-х годов. Отправной точкой ее возникновения стало, с одной стороны, успешное восстановление промышленности и сельского хозяйства, а с другой — нарастание противоречий, вызванных многоукладным характером экономики. Восстановление народного хозяйства произошло на старом производственно-технологическом базисе. Уровень промышленного производства в конце 20-х годов в

расчете на душу населения был в 5—10 раз ниже, чем в индустриально развитых странах. Наиболее кричаще отставание страны проявлялось в сельском хозяйстве. В 1928 г. свыше 70% всех зерновых было засеяно вручную. Около 45% зерновых убрано серпами и косами. Более 40% урожая обмолочено цепями и валками. Остро встали задачи реорганизации промышленности, сельского хозяйства, совершенствования хозяйственного механизма.

Главным камнем преткновения в хозяйственной политике было согласование планового и рыночного механизмов регулирования многоукладной экономики, иными словами, овладение рынком. Насколько сложна была эта проблема, показывают периодические кризисы. Уже осенью 1923 г. разразился так называемый кризис сбыта. Серьезный кризис возник в 1925/26 хозяйственном году в сфере хлебозаготовок. В более острой форме он повторился в 1928 г. Чтобы предотвратить угрозу общехозяйственного кризиса, обеспечить города хлебом, сохранить взятые темпы индустриализации, прибегли к мерам чрезвычайного характера (сродни методам продразверстки). Но и эти меры дали скромные результаты. Пришлось вводить карточки.

Трудности 1928 г. обострили проблемы выбора дальнейшего пути. Возник кризис в руководстве партии. Его особенность состояла в том, что на этот раз разногласия вспыхнули среди вчерашних единомышленников по борьбе с троцкизмом, «новой оппозицией». Оглядываясь сегодня, с высоты 90-х годов, на идейно-политические процессы, протекавшие в конце 20-х годов, следует отметить следующее. Бухарин, Рыков, Томский стояли на позициях нэпа, его качественного углубления в направлении расширения самостоятельности низовых хозяйственных ячеек, включая единоличный крестьянский двор. Они всемерно боролись против идей свержения нэпа в индустриализации, обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму и связанных с этими идеями чрезвычайных мер в политике.

Несмотря на разногласия, Центральному Комитету партии удавалось на протяжении всего 1928 г. находить компромиссные решения хозяйственных вопросов. Об этом, в частности, свидетельствуют решения июльского и ноябрьского Пленумов ЦК. Закладыва-

лись основы реалистического курса дальнейшего развития страны. Ярким воплощением этого курса стал первый пятилетний план. Его реализация началась с 1928/29 хозяйственного года. Он был составлен в двух вариантах — отправном (минимальном) и оптимальном. XVI партконференция (апрель 1929 г.) одобрила в качестве директивы оптимальный вариант. Как подтверждает современный анализ, избрать в тех условиях иной по своим целям и темпам путь было нельзя. Обстановка капиталистического окружения, вековая отсталость страны настоятельно диктовали необходимость в кратчайшие сроки буквально пробежать расстояние от кувалды и сохи к развитой индустрии²⁹. Все это требовало изменения хозяйственного механизма, повышения централизации и директивности планирования и управления экономикой, мобилизации и напряжения всего потенциала, всех ресурсов страны.

Борьба в руководстве продолжалась и после перехода страны к реализации первого пятилетнего плана. Как отмечал Бухарин, ЦК решает одно, а проводится в жизнь другое. Сталин и его окружение явно тяготели к идеям сверхскачка в индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Успехи первого хозяйственного года пятилетки еще более подогрели эти их настроения. Уже в решениях ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК партии был сделан вывод, что рост производства, ускорение темпов развития «дает нам возможность превратить на деле оптимальный вариант пятилетнего плана в вариант *минимальный*»³⁰, что задача «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны может быть выполнена в кратчайшие исторические сроки»³¹. Задания плана были увеличены в 1,5—2 раза. Волюнтаристское завышение плана, необоснованное ускорение темпов обернулось тяжчайшим по своим последствиям срывом и диспропорциями в народном хозяйстве.

Внутриполитическая борьба закончилась изгнанием Бухарина, Рыкова, Томского и других из всех руководящих органов. Их теоретические и политические идеи были отброшены как проявления происков классового врага. Одновременно с этими мерами была осуществлена вторая после 1921 г. генеральная чистка партии (май 1929 — май 1930 г.). Было исключено около 100 тыс. человек, или 7,8% прошедших чистку³².

Был также открыт широкий прием в партию, преимущественно рабочих от станка.

Качественный сдвиг ознаменовался в конечном счете построением современной по тем временам материально-технической базы. Страна на глазах одного поколения превращалась в индустриальную державу. В первой половине 30-х годов была полностью ликвидирована безработица, введен семичасовой рабочий день, отменена карточная система. В эти же годы наметилась тенденция передачи общественным организациям трудящихся некоторых функций государства. Так, профсоюзам были переданы страхование, контроль за соблюдением законодательства о труде и другие функции.

Вместе с тем в ситуации, сложившейся после перелома, стали все больше давать о себе знать негативные явления. Чрезмерная централизация привела к тому, что хозрасчет приобрел урезанный и формальный характер. Доходы предприятий максимально перечислялись в госбюджет. Экономические рычаги развития производства все более подменялись административно-директивным регулированием. Усиление внеэкономических стимулов предопределило рост и усложнение, а в конечном счете бюрократизацию госаппарата, и в частности госконтроля. В начале 30-х годов была ликвидирована Центральная контрольная комиссия — Рабоче-Крестьянская инспекция (ЦКК — РКИ) — самая массовая и демократическая система контроля. Вместо нее были созданы новые органы контроля, но массы оказались почти полностью отстраненными от участия в их работе³³.

В духовном, нравственно-психологическом климате страны все шире нагнетались нетерпимость, вражда, подозрительность. Широкие масштабы приобрел разгул чрезвычайных органов, нарушения законности. Крайним проявлением негативных факторов явилась практика культа личности Сталина.

Если перестройка экономики и других сфер общественной жизни в начале 20-х годов представляет в общем и целом классический образец успешного разрешения ситуации революционного сдвига, то оценка перелома на рубеже 20—30-х годов далеко не однозначна. Волонтаризм и левачество, грубейшие отступления от принципов научного социализма, нарушения социалистической законности привели к тому, что си-

туация коренного перелома была разрешена с огромными издержками и деформациями общественного строя. Главная причина этих деформаций — не сама система жесткой централизации планирования и управления. При правильном руководстве, отлаженном механизме контроля и выборности высших руководящих органов она дает возможность в необходимые сроки обеспечить перевес сил на решающем участке строительства. Но эти преимущества действуют только в экстремальных условиях и носят кратковременный характер. Наряду с ними указанной системе присущи такие особенности, которые способны при длительном функционировании порождать бюрократизацию партийно-государственного аппарата и другие негативные явления.

Проанализированные переломные эпохи обозначили по существу две основные линии, по которым развивались все последующие перестройки. Н. С. Хрущев, разрешая переломную ситуацию 50-х годов, вдохновлялся идеями изпа, в то время как Л. И. Брежнев — идеями жесткой централизации планирования и управления. Современная перестройка также взяла на вооружение основные принципы изпа. Разумеется, здесь нет механического повторения прошлых форм. Происходит творческое развитие основных принципов. Тем не менее преемственность прослеживается достаточно четко.

6. СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СДВИГА

Типичной ситуацией революционного сдвига стала обстановка в нашем обществе, которая обусловила современную перестройку. Неузнаваемо изменились исторические условия. Тем не менее основные черты налицо. Во-первых, это снижение уровня управляемости экономическими и социальными процессами вследствие бюрократизации системы централизованного планирования и управления и роста масштабов народного хозяйства. обстоятельный анализ этого явления дан в документах партии послеапрельского (1985 г.) периода. Стремление на протяжении ряда десятилетий, подчеркивается в материалах XIX Всесоюзной партийной конференции, охватить детальным централизованным планированием и контролем все

уголки жизни «буквально спеленало общество». Провозглашение демократических принципов на словах и авторитарность на деле, трибунные заклинания о народовластии, но волюнтаризм и субъективизм на практике, говорильня о демократических институтах и реальное попрание норм социалистической демократии, дефицит критики и гласности — «все это довольно широко распространилось, укоренилось в жизни общества»³⁴.

Во-вторых, нарастание трудностей экономического порядка. Они привели к срыву социальных программ. Целые области общественной жизни (коммунальное хозяйство, здравоохранение, образование, наука, культура и пр.) стали одна за другой откатываться назад. Началась деформация отношений социальной справедливости. Усилились пьянство, преступность и другие негативные явления. В-третьих, постепенно нарастало равнодушие в массах, недоумение и возмущение сложившимися порядками. Возникла тревога интеллигенции по поводу роста бездуховности, падения нравственных начал общественной жизни.

Кризисная ситуация сложилась не только во внутренних, но и во внешних делах. Глубокие изменения в мировом развитии, обстановка гонки ядерных и обычных вооружений, нарастание экологической опасности требовали комплексного анализа всех факторов мирового развития, обязывали к новым подходам. Но этого не было сделано. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. еще более усугубил обстановку. Страна оказалась в известной степени в изоляции (с точки зрения отношений с капиталистическими странами).

Вместе с тем нынешняя ситуация революционного сдвига характеризуется большим своеобразием. В силу ряда причин она является, пожалуй, самой сложной из всех пережитых нашей страной переломных эпох и самой значительной для дальнейших судеб социализма. Она обусловлена совокупностью острейших противоречий. Прежде всего это противоречия, связанные с завершением одного этапа развития социализма и переходом к другому. Обострение противоречий было усугублено тем, что теоретическая мысль не смогла своевременно раскрыть сущность нового этапа. Вначале он осознавался как этап развернутого строительства коммунизма, затем как этап развитого социализма с законченной степенью зрелости. В том и

другом случае было сильное забегание теории и политики вперед.

Это, далее, противоречия, связанные с переходом народного хозяйства от одного этапа развития к другому, от экстенсивного развития к интенсивному. Причем необходимость такого перехода стала осознаваться довольно рано, едва ли не с конца 50-х годов. Противоречия обострились в силу того, что принимаемые решения и меры были половинчатыми, осуществлялись непоследовательно, а то и вовсе оставались лишь на бумаге.

Наконец, это противоречия, вызванные явлениями деформации социализма. Они уходят своими корнями в практику 30-х годов. В наиболее тяжелой форме деформация выражается сегодня в отчуждении труженика от средств производства, от результатов его общественного труда, от управления делами общества. Эти противоречия оказались наиболее глубоко запятанными в толщу современной действительности. Теоретически они были осмыслены лишь в самое последнее время.

Сложность современной ситуации обусловлена также особенностями ее развития, и в частности разновременностью вызревания ее признаков. В самом деле, первые ее симптомы (снижение уровня управляемости, замедление роста и сбои в экономике и пр.) проявились уже в середине 70-х годов. Внешнеполитический признак вполне вызрел во второй половине этого десятилетия (тупик в политике разрядки и пр.). К началу 80-х годов указанные признаки приобрели кризисный характер.

Значительно медленнее вызревал третий признак — активность масс. Причина заторможенности общественных умонастроений и активности заключалась в низком уровне гласности и демократизации общества, в манипулировании общественным мнением трудящихся.

Как отразились все эти особенности на развертывании самой перестройки? Необходимость перестройки, ее цели и задачи не сразу были осознаны здоровыми силами в партии и обществе. Только после марта 1985 г. открылась возможность начать перестройку.

Она началась сверху при благожелательном отношении низов к ее лозунгам. Однако в идейном, морально-психологическом плане общество в целом ока-

залось неподготовленным к революционным преобразованиям. Оно еще не прошло стадию брожения умов, стадию всеобщего нравственного негодования по поводу старых порядков, последствий деформации социализма, загнивания изживших себя общественных структур. Сильно отставала и общественно-теоретическая мысль. Субъективному фактору, новому политическому руководству партии, пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы стал окончательно вызревать третий признак переломной ситуации (повышение активности масс). Немалый вклад в этот процесс вносит публицистика, художественная литература. Новые идеи с большим трудом пробивают дорогу к умам и душам людей. Живучесть догматических представлений о социализме, стереотипов консервативного сознания, степень сопротивления всех тех, чьи интересы так или иначе ущемляет перестройка, явно оказались недооцененными инициаторами перестройки.

Насколько сложны политические и теоретические проблемы перестройки, показывает процесс формирования ее концепции. Сегодня можно говорить о двух этапах в ее развитии. Первый (апрель 1985 — октябрь 1987 г.), когда критическому анализу подвергаются по преимуществу годы застоя. Для этого периода характерна вера, что удастся сравнительно быстро преодолеть инерцию застоя и набрать необходимое ускорение развития.

Но, как постепенно выяснилось, корни застоя залегали много глубже, чем вялая, пассивная политика предшествующего руководства. Знаменателен в этой связи анализ, данный ЦК партии на январском (1987 г.) Пленуме. Дело перестройки оказалось более трудным, чем представлялось ранее. Впервые прозвучал вывод, что теоретические представления о социализме во многом остаются на уровне 30—40-х годов. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС углубил эту оценку, подчеркнув, что необходим «принципиальный прорыв на теоретическом фронте»³⁵. Были раскрыты корни нынешней системы управления, основанной на жестком централизме, детальном регламентировании работы предприятий, директивных адресных заданиях и бюджетных ассигнованиях.

Принципиальное значение имели выводы, сделанные новым руководством партии в связи с анализом

пройденного страной пути за 70 лет. Было сформулировано положение, что перестройка имеет «более широкий общественно-политический и исторический контекст». Она — не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, но и «преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы». Цель перестройки — «теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма»³⁶.

Важным звеном в развитии концепции перестройки стали документы XIX Всесоюзной партийной конференции. С разработкой проблем преобразования политической системы общества, переводом их в плоскость практического решения концепция перестройки получила более или менее целостный характер. Последующие пленумы ЦК партии показали, что речь идет не просто о восстановлении ленинской концепции социализма, но о ее дальнейшем развитии. Так, на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК прозвучали новые представления о природе социалистической собственности и формах ее использования.

Трудно, медленно, но перестройка набирает силу. Критическая мысль все чаще подвергает оценке и анализу то, что сделано и не сделано за годы перестройки. Решающее слово здесь за реформированной политической системой, ее новыми органами (Съездом народных депутатов, новым Верховным Советом СССР и пр.), за широкой общественностью. Медленно, но верно общественная мысль, новое мышление восстанавливают научный, революционный характер марксистско-ленинского учения. В этом — источник и залог оптимизма сторонников перестройки.

7. ДВА ОСНОВНЫХ СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Высокая методологическая культура — это не только умение своевременно распознавать противоречия, в том числе противоречия между базисом и надстройкой, но и в не меньшей степени умение разрешать их. То же самое надо сказать относительно сущности нового политического мышления.

Два наиболее распространенных способа общественных преобразований — социальная революция и ре-

форма — суть одновременно и основные способы разрешения социальных противоречий. Применительно к социалистическому строительству В. И. Ленин конкретизировал содержание этих способов в понятиях «прием», «подход», «план», «метод», «система действий». Ниоткуда не следует, писал он, что «революция может и должна применять только революционные приемы». Она вправе применять и приемы «реформистские». Революционный способ разрешения противоречий означает самый сокращенный, быстрый и непосредственный переход к новому порядку, прямую ломку старого «в самом основном и коренном». Напротив, реформа, реформистские действия переделывают старое «осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше», их задача — «не ломать старого... а *оживлять*» его³⁷.

Эти ленинские положения сохраняют свое актуальное значение и сегодня. Следует лишь иметь в виду, что революционные преобразования в условиях социализма также осуществляются, как правило, в результате реформ. В этой связи необходимо различать обычные реформы и реформы структурные. Последние выступают как особая форма революционного процесса³⁸. Они направлены не на подрыв основ строя, а на их качественное совершенствование. Принятые партией меры по перестройке общественной жизни представляют собой яркий пример таких структурных реформ.

Необходимость применения революционных и эволюционных приемов разрешения противоречий обуславливается объективными причинами, в первую очередь характером самих противоречий. Важное значение имеет и степень зрелости субъективного фактора, его готовности к решительным действиям. Одна из причин застойных явлений в экономике страны в 70-х годах заключалась именно в том, что политическое руководство страны пыталось разрешить назревшие противоречия эволюционными путями, приемами текущего совершенствования хозяйственного механизма, в то время как нужны были революционные меры.

Следует признать справедливой критику распространенных до недавнего времени в литературе представлений о характере скачка. Утверждалось, что постепенность, плавность становится формой не только количественных, но и качественных изменений, фор-

мой осуществления скачка. Из содержания скачка изгонялись, таким образом, моменты коренной ломки, радикальных преобразований старых, отживших форм организации общества³⁹.

Революционный способ разрешения противоречий между базисом и надстройкой, скачок в борьбе этих противоположностей представляет собой процесс бурных и глубоких изменений. Он затрагивает всю социальную систему, втягивает в свою орбиту все социальные классы и слои и может быть успешно закончен только при условии, если в процесс разрешения противоречий включатся широкие массы.

Нередко в борьбе противоположностей возникает своеобразное равновесие. Старое уже не может обеспечить свое господство, поскольку исчерпало резервы развития, но вместе с тем оно достаточно сильно, чтобы противостоять новым тенденциям. Новое же, напротив, еще не может победить из-за своей слабости. Разумеется, старое не остается без изменений. Оно меняет свои формы (ищет, например, новые методы хозяйствования), стремится само предстать в глазах общества как новое. Но ищет оно и меняет свои формы в границах старого качества. В условиях равновесия достаточно незначительного дополнительного импульса (кадрового изменения в политическом руководстве и пр.), чтобы скачок обрел реальность.

Скачок в общественном развитии предполагает в качестве необходимых начальную, кульминационную и завершающую фазы своего развития. Закон всякого революционного скачка в общественном развитии, тем более в условиях социализма, — первенство политики над экономикой. Поэтому содержание начальной фазы скачка заключается в развертывании его идейно-политических, организационно-практических предпосылок. Первейшая задача здоровых сил политического авангарда на этом этапе состоит, говоря словами Ленина, в обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и решимость масс, помогать им переходить к революционным действиям и создавать соответствующие организации для работы в этом направлении⁴⁰. В организационном плане сущность этой фазы заключается, образно говоря, в смене караула: старое вынуждено уступить ключевые позиции в руководстве обществом, новое занимает

и осваивает их. Первейшая функция скачка — революционно-критическая: ведется разрушение цитадели старого, развенчивается его авторитет, снимаются ограждения и барьеры, с помощью которых старое пыталось продлить свое существование, ведется борьба против бюрократизма, коррупции и т. д.

Завершается эта фаза созидательной работой. Формируется и популяризируется положительная программа развития общества. Развертывается переориентация общественного сознания. Обновляется кадровый состав руководства и аппарата партийных, советских и хозяйственных органов. В сфере производства, социальных отношений усилия нового сосредоточены главным образом на наведении порядка, укреплении дисциплины, повышении организованности и ответственности масс. Старое отстранено от политического руководства, но позиции его еще сильны. Система материальных общественных отношений функционирует в общем и целом еще под началом старого хозяйственного механизма. Поэтому качественной отдачи в экономическом развитии еще нет. Новое в надстройке живет и действует еще в значительной степени в кредит доверия, отпущенный ему народными массами.

Вторая фаза скачка — его кульминация. Общество непосредственно приступает к разрешению противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Основное звено здесь — перестройка хозяйственного механизма. В начале этой фазы все еще непрочное, зыбкое. Борьба со старым нередко еще более обостряется. Но процесс экономических преобразований неуклонно идет вширь и вглубь. Решить задачи перестройки экономики с ходу не удастся. Возникает необходимость производить перестройку по внутренним этапам. Все это требует длительных сроков. Поэтому вторая фаза много длительнее первой. Завершается она подведением под преобразуемую систему надстроечных отношений материального фундамента в виде новых экономических отношений. Рост экономики обеспечивается уже не за счет наведения административными мерами порядка и дисциплины, а за счет действия нового механизма хозяйствования.

В последней фазе скачка заканчивается преобразование системы материальных и идеологических отношений как целостности. Размах радикальных экономических и социальных экспериментов постепенно

сужается. Старое окончательно повержено. Общество выходит на устойчиво высокие темпы развития. С завершающей фазой скачка заканчивается время «уместного и успешного применения революционных приемов»⁴¹. Этот момент следует особо подчеркнуть, потому что увлечение революционностью начинает входить в привычку руководящих кадров и чревато перегибами. На этой стадии обычно ослабевает сугубо отрицательное отношение к старому. Преобладает более взвешенный подход.

Способ эволюционного разрешения противоречий имеет в принципе те же фазы. Но их границы менее четки. Разрешение противоречий выступает как процесс обычного, текущего совершенствования действующей системы управления.

Диалектика революционного и эволюционного разрешения противоречий между базисом и надстройкой состоит в определении той грани, за которой забвение их противоположности или, напротив, их абсолютизация чреваты серьезными ошибками. Условием предпочтения одного другому является точный анализ и учет сложившейся ситуации. Если нет признаков качественного сдвига, то провозглашать революционные лозунги, нацеливать авангард и массы на революционные действия — значит впасть в грубейшую ошибку, обрекать общество на неоправданную трату сил и средств. Если же налицо ситуация качественного сдвига, а политическое руководство заражено ползучим эволюционизмом, боится крутых и решительных мер, то страна обрекается на застой. В этом случае «реформистская» тактика способна обострить даже обычные противоречия до кризисного состояния.

Революционные и эволюционные приемы разрешения противоречий в принципе равноправны. Вместе с тем эволюционные приемы носят все же подчиненный характер. Первенство принадлежит революционным способам. Дело в том, что эти последние, как уже отмечалось, означают переход общества от одного этапа развития к другому. В период революционных преобразований закладываются такие тенденции и формы общественного развития, которые на длительное время обуславливают деятельность людей и движение общества в целом. Эволюционные преобразования развертывают содержание этапа, начало которому было положено революционными действиями.

ТРУД КАК ФАКТОР И УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Любой тип мышления, выступая стороной реального жизненного процесса, несет на себе печать своего времени, исторически обусловлен. Это касается не только содержания мышления, но и в определенной мере форм и способов его осуществления. Период застоя породил разрыв слова и дела, реального жизненного процесса и его мыслительных отражений. Функция мышления заключалась не столько в том, чтобы обнаружить противоречия действительности, вскрыть тенденции их развития и определить способы их разрешения, сколько в том, чтобы, напротив, скрыть эти противоречия, затушевать их, представить в нереальном, облегченном виде. Поэтому догма, клише, штамп, инерция и пр. становятся адекватными способами функционального самоосуществления мышления.

Несомненно, этому способствовал соответствующий мощный идеологический и политический пресс. Однако причина безразличного, инерционного мышления лежит глубже. Она — в характере и особенностях труда людей, всех форм их деятельных проявлений.

1. ЕДИНСТВО ТРУДА И МЫШЛЕНИЯ

Одно из тяжелейших последствий периода застоя — это социальная деформация труда, падение его общественного престижа, возникновение безразличного, равнодушного к нему отношения, ибо он, во-первых, был несамостоятельным, чисто исполнительским, во-вторых, не обеспечивал необходимого («эталонного») жизненного уровня. Престижным становилось «умение жить», т. е. иметь связи, протекции, побочные, нетрудовые доходы и т. д. Такой порядок вещей становился всеобщим, проникал во все сферы жизни, охва-

тывал все слои общества. Но особенно пагубно, естественно, он сказался на молодежи. Последствия его ощутимы и до сего времени. Об этом свидетельствуют факты. Приведем некоторые из них.

Так, согласно данным, полученным в результате широкоохватных социологических исследований под руководством академика Т. И. Заславской, «в полную меру трудится и в промышленности, и в сельском хозяйстве едва ли третья часть всех работников»¹. Эта тенденция сохраняется. Так, в 1987 г. только из-за прогулов, простоев и неявок на работу с разрешения администрации на своих производственных местах ежедневно отсутствовало в суммарном выражении 123 тыс. человек². Еще более печальную картину являет молодежь, и, что весьма тревожно, молодежь подростковая, нынешние старшеклассники, те, кто в самое ближайшее время должны будут пополнить армию труда. В динамике картина здесь такая: если в 1982 г., согласно данным социологических исследований, 16% десятиклассников связывали свой путь с рабочей профессией, то в 1987 г. их численность сократилась до 1,8%³. Аналогичные данные приводит и «Учительская газета»: от 74 до 90% школьников не любят труд и не имеют навыков бережливости⁴. Таковы факты, такова действительность.

Перестройка как раз и ставит своей задачей разбудить созидательную энергию масс, шире использовать потенциал социализма. Но это предполагает и изменение сознания, всего духовно-нравственного облика людей. «...Без перелома в общественном сознании, без изменений в психологии и мышлении, в настроениях людей,— говорилось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС,— успеха не добиться»⁵.

Новое, подлинно творческое, социально ориентированное мышление — необходимый атрибут перестройки. Однако как его получить? Оно не может упасть с неба или возникнуть по чьей-либо указке. Оно должно сформироваться в реальном жизненном процессе, и базой такого формирования может быть только гуманистически организованный, подлинно творческий труд. Между тем в теории наблюдается явная недооценка этого обстоятельства. Мы полностью согласны в этом плане с профессором Н. Кейзеровым, который отмечает, что «никто из серьезных людей в науке роль труда и его качества не отрицает, все «за». Но как-то

так получается, что категория «труд» все реже употребляется философами, социологами и даже экономистами»⁶. По-видимому, здесь тоже проявился своеобразный разрыв слова и дела, пренебрежительное отношение к труду.

В структуре нового мышления категория «труд» должна занять основополагающее, центральное место, так как труд — это основа сущности, сущностного бытия человека. Классики марксистско-ленинской науки никогда не рассматривали труд односторонне, упрощенно, скажем только в рамках экономической теории, т. е. труд как создатель богатства — меновых и потребительных стоимостей, или только прагматически — труд как средство поддержания жизни, внешнее по отношению к самой этой жизни. Они видели в труде основную и основополагающую форму жизнедеятельности человека, наполняли эту категорию глубоким социальным и гуманистическим содержанием. В их представлении труд — форма саморазвития человека, порождение человека человеческим трудом, ибо, производя труд, человек приводит в действие все свои сущностные силы — как физические, так и духовные (интеллектуальные, нравственные и др.), развивает себя как субъекта и производства, и всех иных общественных отношений. Поэтому помимо своего экономического содержания труд еще и «нечто бесконечно большее», чем это содержание⁷.

Свои представления о сущности труда и его значении для жизни общества К. Маркс и Ф. Энгельс резюмируют в такой емкой формуле: «Общество никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не начнет вращаться вокруг солнца труда»⁸. То есть главные проблемы общественного развития — это проблемы, связанные с организацией и конкретной содержательной наполненностью общественного труда. И становление коммунистической формации, движение к ней означают для теоретиков марксизма прежде всего изменение характера и содержания труда в таком направлении, когда самостоятельность индивидов будет совпадать с их материальной жизнью, что будет соответствовать развитию индивидов в целостных индивидов и устраниению всякой стихийности⁹.

Перестройка — революционное обновление общества на принципах марксизма-ленинизма. Естественно, центральное место в ней занимают вопросы организа-

ции труда, устранения тех деформаций, связанных с трудом, о которых говорилось выше. По сути это реабилитация труда, а в некоторых случаях и его реанимация (например, сельскохозяйственное производство). Поэтому обнадеживающе воспринимаются слова, сказанные на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, о том, что перестройка — «это возвышение честного, высококачественного труда, преодоление уравнилельных тенденций в его оплате, потребительства»¹⁰. И если слово и дело обретут естественную взаимосвязь, то новый труд и новое мышление станут реальностью, функцией жизнедеятельности больших масс людей. Рассмотрим первые результаты в этом направлении именно с точки зрения их значения для становления нового мышления. При этом мы будем иметь в виду, что новое мышление — не пассивное следствие развития новых форм труда, а неперемнное условие и средство их становления. Зависимость здесь обоюдная, но при ведущей роли практического момента по отношению к его мысленному, теоретическому конструкту.

2. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО КАЧЕСТВА ТРУДА В ХОДЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Первая и важнейшая проблема в этом плане — это способ соединения работника с материальными условиями осуществления труда и произведенным продуктом, или результатом. Именно здесь источник всех социальных трагедий и деформаций, в том числе и деформаций, касающихся развивающихся возможностей труда. Свидетельство тому — многовековая история человечества, а она показывает, что труд может возвысить человека, но может и унижить его, может сделать счастливым, но может сделать и несчастным, может духовно обогатить, но может притупить ум и т. д. В основе всех этих деформаций лежит явление, названное философами и социологами отчуждением труда.

Социализм преодолевает ¹¹это отчуждение, но не полностью и не до конца, ибо само это преодоление есть исторический процесс. В нашем обществе уничтожена эксплуатация человека человеком, обобществлены средства производства, и это создало важнейшие предпосылки фактического, реального преодоления отчуждения труда. Однако последовавшее затем

огосударствление всей управленческой деятельности и даже всей общественной жизни не позволило в должной мере реализовать эти предпосылки. Происходит отчуждение организаторско-управленческой функции от непосредственного производителя, а сам он превращается в механического исполнителя спускаемых свыше распоряжений, инструкций и команд. Узурпация этих функций, стремление во все вмешаться и все регламентировать имели два серьезных негативных следствия — непомерное разбухание и бюрократизацию управленческого аппарата, с одной стороны, и подавление инициативы масс, неизбежно приведшее к снижению темпов развития, — с другой.

Но отчужденными оказались не только управленческие функции (передоверены), но и сами материальные условия труда, поскольку общенародная, или государственная, собственность в известной мере носит абстрактный характер. Для того чтобы сократить разрыв между государственной собственностью и собственностью конкретного работника, необходимы, особенно на первых этапах социалистического строительства, некоторые промежуточные формы владения средствами производства (аренда, подряд и пр.). И в любом случае успешное функционирование государственной собственности предполагает соответствующий ей высокий уровень сознания и сознательности масс, чего на первых этапах не было и не могло быть.

Отчуждение управления и собственности создало такую модель общественного устройства, когда, во-первых, никто ни за что не отвечает экономически — ни управленцы за принимаемые решения, ни непосредственные исполнители за результаты (как правило, низкие) своего труда, во-вторых, производится много лишнего, нереализуемого, потому что изобилие команд (и команд неизбежно приблизительных, ибо практически невозможно учесть все детали и обстоятельства конкретно осуществляемого труда) дезориентирует непосредственного производителя, ставит его в тупик. Получается: решений много, суеты и движений много (искусственных починнов, начинаний), а весомых экономических результатов мало. Еще в начале нашего пути возможности подобной деформации прозорливо уловил Андрей Платонов и выразил это в ряде своих художественных произведений. Приведем весьма красноречивую зарисовку на этот счет. Животноводческий

совхоз, один из ранних, один из первых, еще тех, далеких теперь уже 20-х годов. Директивы поступают исправно и изобильно. Стремясь их реализовать, люди митингуют, заседают каждодневно. Они искренни (еще искренни) и искренне стремятся «внести вклад», получить результат, затрачивают много энергии, но нужных показателей, несмотря на это, все же не получают. Простые труженики искренне недоумевают. Вот как об этом поведал на одном из очередных собраний (заседаний) старший пастух Климент.

«Климент, глядя на солище привычными глазами, сказал заседанию, что пора уж хозяйски думать о социализме, чтобы в степи было все экономично и умело.

— Во мне вот лежит большевистский заряд, — сказал Климент. — А как начну им стрелять в свое дело, так выходит кой-что мало... Ты стараешься все побольшему, а получается одна мелочь... Ты скотину питаешь во как, я сам траву жую, прежде чем скотину угощаю, а отчет мне показывают — по молоку недоборка, а по говядине скотина рост перестала. На центральном гурте взяли сорок рабочих всякого пола из колхоза по сговору — мне два помощника, два умных на глаз мужика досталось. Что ж такое?! Ходят они, бушуют и стараются — я сам на них пот щупал, а все на моем гурте как было плохо, так стало еще хуже... Недосмотрю сам — скотина стоит в траве голодная, а не ест: непоенная! А мужики мои аж скачут от ударничества, под ними волны бегом бегут, а куда — неизвестно, клинешь — они назад вернутся, прикажешь — тужатся, проверишь — проку нет. Это что такое, это откуда омирное охальство такое получается?»¹¹

Но может быть, все это — наше далекое прошлое? Отнюдь. Существенных перемен не произошло, да и не могло произойти. Вот одна из зарисовок на ту же тему современного писателя. Добросовестный труженик колхозный механизатор Тарасов (рассказ Бориса Екимова «Тарасов») случайно оказался на подворье недавно организованного межколхозного откормочного комплекса, куда, кстати, он сдал и свою добротную ухоженную животину — годовалую телушку. Вот какая картина открылась его взору: «Вихляевский животноводческий комплекс строили который уже год. Строили и осенью сдали и запустили туда скотину, но, как всегда, доделок был целый воз.

Миновав ворота комплекса, Тарасов остановил трактор, потому что не знал, куда ехать ему, где привезенное свалить. И тут он услышал рев, нестройный, диковатый рев словно взбесившейся скотины.

Он огляделся: рядом, на базу, скотина теснилась табуном и редела. Она стояла у самой городьбы, снлясь пробраться ближе и ближе. Задние напирали дуром, на дыбки становились, пробиваясь. И мык, тревожный коровий мык висел над фермой...

Многое Тарасов перевидал на своем веку и, какой бывает колхозная скотина, знал. Но такого давно не видывал.

Годовалые телочки были худы: крестцы и маклаки наружу торчали. Шерсть свалалась клочьями. Ноги выше колен черны от несмываемой грязи. Застарелыми сосулями и ошметками висела грязь на пузе, на лытках, по бокам до самой каборги, на хвосте — до репницы. И даже головы были в грязи. Воспаленные глаза мутны...»¹²

Нечто аналогичное мы имеем и в других сферах производства — в промышленности, строительстве, на транспорте и пр. Разница здесь небольшая, а причина та же — отрыв работника от средств и конечного результата труда. Ныне этой ситуации дана принципиальная оценка. «...Экономические отношения, — говорилось на встрече в ЦК КПСС с работниками агропромышленного комплекса, — сложившиеся сегодня на селе, явно не стимулируют *творческий, активный, предприимчивый* труд человека. Так получилось, что в колхозах и совхозах произошел отрыв человека от земли, от средств производства. На селе такой отрыв сильнее и больше, чем в *других* отраслях народного хозяйства. Человек приходит в хозяйство как *наемный* работник... Оторвав человека от земли, от средств производства, мы из хозяина своей земли сделали поденщика (курсив мой. — В. П.)»¹³.

Результаты этой ситуации известны: затратная экономика, разбазаривание огромных средств и ресурсов страны и вместе с тем огромный дефицит средств потребления — товаров, услуг и пр. Творческие потенции народа в должной мере не используются.

Но ситуация принципиально меняется, когда совершенствование производственных отношений создает условия для стимулирования заинтересованного, творческого труда. Это подтверждает внедрение хозрас-

четных отношений в различные сферы производства, предоставление экономической и правовой самостоятельности предприятиям и трудовым коллективам. Что касается экономической стороны дела, то специалисты говорят о «взрывном эффекте», о резком повышении результативности и эффективности труда. Это характерно для всех форм хозрасчетных отношений, и особенно для высшей из них — аренды, арендного подряда. И что важно отметить: эффект достигается исключительно в результате заинтересованного отношения работника к своему труду, без привлечения каких-либо дополнительных материальных затрат или увеличения численности работников. Вот всего несколько примеров. На совещании в ЦК КПСС в январе 1988 г. отмечалось, что в коллективах интенсивного труда производится продукции в расчете на человека в 8—10 раз больше, чем в большинстве хозяйств страны¹⁴.

Аналогичные результаты имеют место, когда трудовой коллектив берет ранее убыточное предприятие в аренду на длительный срок. Так, например, восемь трудовых коллективов стройиндустрии Подмосковья взяли предприятия (заводы) в аренду, и результаты не замедлили сказаться. Вот что поведал директор Бутовского комбината стройматериалов: «Длительное время прежде мы буквально не могли вылезти из убытков. Подряд помог. Производительность труда за два года выросла у нас на 37%, почти в 2 раза увеличили выпуск пенопласта, жидкого стекла. Это действительно был прорыв. Люди поверили в свои силы, стали инициативнее. Хозрасчет стал у нас реальностью»¹⁵.

Еще более разительные результаты дает применение хозрасчетных отношений (и в частности, арендного подряда) на селе. Для иллюстрации можно привести такой пример: интенсивное внедрение арендного подряда в хозяйствах Орловской области позволило всего за два года увеличить производство сельскохозяйственной продукции на 65%, и ныне область не только успешно выполняет плановые задания, но и полностью обеспечивает себя сельхозпродуктами, перестала быть, что называется, нахлебником у государства. За два года! Примеры эти не единичны. Ныне их можно уже приводить десятками. Да и не они главная тема нашего разговора.

Важно отметить, что преодоление если не социального, то юридически-правового отчуждения труда

(когда непосредственный работник оказывается не вправе решать чисто производственные, производственно-организационные и распределительные задачи) создает условия для развития инициативы, предприимчивости и, следовательно, стимулирует поиск, а с ним и творческое мышление. В самом деле, хозрасчетные отношения требуют экономического (точнее, экономически грамотного) мышления, технической грамотности и даже изобретательности, мастерства, организаторского чутья и навыков соответствующей работы. Прежде все эти качества работника тоже вроде бы поощрялись (преимущественно словесно), о них немало говорилось, но они не были необходимостью, условием производства (более того, нередко становились обузой для вышестоящих инстанций, требовавших лишь послушного исполнения своих распоряжений и указаний). Теперь они — его необходимость, условие и основа. Поэтому последовательное проведение в жизнь принципов хозрасчета и хозяйственной самостоятельности трудовых коллективов — гарантия становления подлинно творческого труда и подлинно творческого мышления в их реальном, массовом измерении.

3. НОВЫЙ ТРУД И НОВОЕ КАЧЕСТВО МЫШЛЕНИЯ

Заинтересованное отношение работника к процессу и результату своего труда все ставит на свои места: труд из внешнего, вынужденного процесса становится формой самораскрытия и самоутверждения человека. Значительно расширяется, обогащается мотивационная структура труда. На первый план выдвигаются стимулы интеллектуально-творческого, поискового и морально-ценностного порядка, и это содержательно обогащает труд, усиливает его развивающие потенции.

Вместе с тем в практике воспитания продолжает еще сохраняться недооценка труда как воспитательного средства. Конечно, была тому и объективная причина — снижение социального престижа труда, имевшее место в нашем обществе в последние десятилетия. Этот негативный факт имеет, как известно, самые тяжкие последствия для общества, и большинство наших нынешних утрат связано именно с ним. Сейчас

усилия воспитания направлены на то, чтобы сформировать хозяина, т. е. подлинного субъекта труда, — творческого, ответственного и инициативного работника. Такой работник может сформироваться только в деле, в процессе самостоятельно выполняемой работы. При этом необходимо, как нам представляется, подчеркнуть значение еще одного важного звена: раннего, с детских лет воспитания качеств подлинного работника, т. е. раннего трудового воспитания. Вопрос этот важный и актуальный.

Как уже отмечалось, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что содержание и значение труда далеко не исчерпываются его чисто производственными, технико-экономическими функциями. Труд есть «нечто бесконечно большее», он формирует, развивает человека. Причем он — «единственное средство для производства всесторонне развитых людей»¹⁶. Речь идет о материальном труде. И это не случайно оброненные фразы, а глубоко продуманные положения и выводы, основывающиеся на всестороннем анализе процесса труда.

Действительно, труд прежде всего имеет непреходящее значение для нравственного становления личности. *Во-первых*, в своей основе любой общественно необходимый производительный труд есть труд *для других* и только уже после этого также и для себя. Полемицируя с А. Смитом по поводу гуманистической сущности труда, К. Маркс отмечал: «Но помимо... эмоционального отношения индивида к своей деятельности, труд все же есть еще кое-что иное — *во-первых, для других...*»¹⁷ Именно *для других*, для другого, которые тоже трудятся для других, в том числе и для меня. Здесь — истоки высоких коллективистских и гражданских начал. Жизнестроительное значение труд имеет не только для ныне живущих поколений, для современников, но и для поколений будущих, причем и весьма отдаленных. Это еще более усиливает социальную значимость труда и гражданскую ответственность его конкретных исполнителей. Педагоги-практики, строящие воспитательную работу на широком привлечении производительного труда, убеждены, что это если не единственный, то важнейший путь формирования нравственности. В. А. Сухомлинский, например, замечал, что «передача моральных ценностей от поколения к поколению возможна только на крепкой

трудовой основе, когда поколение, которое вступает в жизнь, дорожит созданными ценностями»¹⁸.

Во-вторых, труд есть преодоление трудностей, решение конкретных, нередко весьма сложных проблем, имеющих определенную практическую направленность. К. Маркс решительно отвергал представления о труде как игре, развлечении, забаве. Даже труд композитора, писал он, «представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение»¹⁹. Для воспитания, развития человека преодоление трудностей имеет двоякое значение: стимулирует инициативу, самостоятельность, настойчивость (волю) и требует значительного интеллектуального напряжения. Надо ли особо оговаривать важность этих качеств для формирования, становления личности? К сказанному следует добавить, что и процесс, и результат материального труда всегда конкретны, обозримы, они постоянно подвергаются оценке со стороны как членов данного трудового коллектива, так и социального партнера вне коллектива. Это приучает к самоанализу, самооценке, стимулирует качественный труд, стремление к его постоянному совершенствованию, а следовательно, к самосовершенствованию.

Наконец, *в-третьих*, труд требует физического напряжения, приложения физических усилий. И это независимо от того, какой труд выполняется — преимущественно физический или умственный. Труд требует активного физиологического состояния и сам стимулирует такую активность. Здоровый человеческий организм нуждается в активности, и труд наиболее адекватно отвечает этой потребности, причем активность носит социально направленный и социально значимый характер. Здесь играет роль и фактор внешнего поощрения, внешней необходимости («Вставай! Иди! Гудок зовет, и мы приходим на завод». «Олово плавим, машинами правим», «пилим доски, ровные и плоские» и пр.).

Уже этот краткий перечень развивающих потенций труда свидетельствует о больших и разнообразных возможностях его воздействия на человека, что делает его основополагающим средством «производства всесторонне развитых индивидов». Свои развивающие потенции в полной мере труд может реализовать лишь тогда, когда он осуществляется свободно (в социальном плане), носит неотчужденный характер, по спосо-

бу исполнения является творчеством, совершается на высокой технологической основе и в условиях (материальных, культурно-гигиенических и др.), достойных человека. Во всех иных случаях эти потенции будут проявлять себя лишь ограничено. Ясно, что творческий труд предполагает разностороннюю, универсальную личность работника, его способность к творческому мышлению.

Возникает проблема труда как воспитательного средства. Она многоаспектна. Когда качество труда начинает меняться в лучшую сторону, более обостренное значение приобретает педагогический аспект труда. Дело в том, что на протяжении многих лет труд как воспитательное средство буквально третировался чиновниками от педагогической науки. Был изобретен даже соответствующий этой установке пренебрежительный термин — «мозольная педагогика». В результате приобщение детей к производительному труду отодвигается на более поздние сроки или осуществляется в таких формах, которые не способны реализовать воспитательные возможности труда, что наносит непоправимый ущерб делу развития высокоинтеллектуальных, нравственных и творческих личностей. При этом приводится неубедительная аргументация.

Аргумент первый: труд мешает развитию талантов. Если дети по несколько часов в день будут заняты производительным трудом, то когда и как они будут учиться, развивать свои способности? Не потеряем ли мы тогда многих Ломоносовых, Менделеевых и т. д.? На наш взгляд, опасения излишни. Занятие производительным трудом (в пределах педагогической целесообразности) не только не убивает способности и таланты, но и, напротив, развивает их, поскольку расширяются предметно-деятельные контакты детей с внешним миром, формируются самостоятельность, настойчивость. Для проявления каких-либо узкоспециализированных способностей полезна и необходима универсальность развития, а не односторонность. Это убедительно демонстрирует педагогика (концепция и практика) М. П. Щетинина.

Аргумент второй: специфический детский труд — это учеба. И на нее-то возлагаются все надежды и ожидания. Кроме образовательного она мыслится и как универсальное воспитательное средство (принцип «воспитывающего обучения»). Слов нет, учеба (уче-

ние) — сложный и напряженный труд, но труд специфический. В нем отсутствует, а точнее, представлен в очень опосредствованном виде главный элемент нравственного становления личности — работа для других, для другого. Учебный труд (учеба) — это прежде всего труд на себя и для себя, а уж затем, и то в весьма отдаленной перспективе и весьма опосредствованно, также труд и для других. Кроме того, этот труд носит преимущественно индивидуальный характер, он в меньшей мере способствует выработке коллективистских черт. Тем не менее современная педагогическая наука продолжает активно наставлять на исключительной воспитательной эффективности учебного труда и внедрять эту идею в практику учебно-воспитательного процесса. Плоды этих усилий ныне всем хорошо известны.

Аргумент третий: ребенка надо занять, не предоставлять его самому себе, не позволять пребывать в бездействии. Аргумент как будто бы правильный, но все зависит от того, какой деятельностью вы его займете. Создаются дома технического творчества, спортивные площадки и комплексы и т. д. Все это, несомненно, важно и нужно, но... этого недостаточно. Все это — досуговые, занимательные и развлекательные виды деятельности, они эгоцентричны и хотя развивают способности и потребности, но формируют преимущественно потребителя. Без должного обучения труду и без привычки труда, полезного для людей, для общества, труда производительного рушится (а точнее, не возникает, не формируется) социальный корень, стержень личности. За всеми этими развлекательными программами упускается проблема становления подлинной социальности, подлинно социального субъекта.

Именно в раннем соединении обучения с производительным трудом, с самым серьезным, настоящим производительным трудом, а не с его подобием или суррогатом заключается фундаментальная идея основоположников марксистской теории. К. Маркс писал: «...раннее соединение *производительного* труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества»²⁰. Заметим: могущественнейших! Но что значит «раннее»? На это дается вполне определенный и конкретный ответ. «Мы считаем,— пишет К. Маркс,— тенденцию современной промышленности привлекать детей и подростков обо-

го пола к участию в великом деле общественного производства прогрессивной, здоровой и законной тенденцией... При разумном общественном строе *каждый ребенок* с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками»²¹.

Эту же идею десятилетия спустя развивал и В. И. Ленин. Он писал: «...нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»²². Отметим мысль В. И. Ленина: обучение и производительный труд являются необходимым условием друг друга. Одно без другого невозможно, и неэффективно. Но В. И. Ленин отмечал и воспитательный аспект этого единства: «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»²³.

Эти идеи основоположников соотносятся с сущностью и логикой становления и развития общества и человека. Еще большую значимость они приобретают в условиях социалистического строительства, создания такого общественного устройства, где труд утверждается как главная сфера жизни и высшая ценность, мерло достоинства человека. Их плодотворность и эффективность подтвердила и советская школа на первых этапах своего развития. Назвав себя единой трудовой и политехнической, она сосредоточила усилия на поиске соответствующих форм и методов учебно-воспитательного процесса. Первые результаты были обнадеживающими. Достаточно указать на опыт и педагогические идеи Н. К. Крупской, С. Т. Шацкого, П. П. Блонского, А. С. Макаренко и др. Однако уже в 30-е годы в связи с деформациями в общественном развитии начинается отход от этих важнейших принципов воспитательного процесса. И уже тогда А. С. Макаренко констатировал: «По нашему глубокому убеждению, широко принятое у нас словесное воспитание, т. е. бесконечное разглагольствование о разных хоро-

ших вещах без сопровождающей гимнастики поведения, есть самое преступное вредительство. Сознание, не построенное на опыте... это то, что для нашего общества наиболее опасно»²⁴.

Последнее замечание А. С. Макаренко имеет глубокий философский смысл. Сознание нельзя сводить к техниологии, т. е. к запоминанию и умению производить те или иные мыслительные операции. Оно с необходимостью включает в себя качественно-ценностный аспект, который и делает его социально эффективным и значимым. Иначе говоря, нравственный аспект не рядоположенный элемент сознания, а то качество, которое пронизывает все его элементы, придавая им определенную социальную направленность и значение. Воспитать социальную зрелость сознания можно лишь на подлинно социальной основе, каковой и является практика, труд, практическое участие в делах общества. Новое мышление — это не только его новый техниологический уровень и даже не столько этот уровень, сколько новый тип понимания вещей, новый тип отношений к проблемам и явлениям действительности, характеризующийся последовательным и принципиальным гуманизмом. И без этапа *становления* (выработки) такое мышление не получить.

Поэтому, по нашему глубокому убеждению, новое мышление (а его следует понимать как новое качество сознания) может стать результатом двух слагаемых, двух важных факторов — *преодоления* отчужденного состояния труда и *раннего* соединения производительного труда с обучением. И то и другое должно стать результатом происходящей сейчас у нас перестройки. Однако что касается второго момента, то по-прежнему о трудовом воспитании говорится вскользь, походя, слишком обще и малоконкретно. Не нашла должного отражения идея раннего соединения обучения с производительным трудом и в концепциях новой школы, обсуждавшихся недавно на страницах печати и Всесоюзном съезде работников народного образования²⁵. В этой связи можно сформулировать основные принципы реализации данной идеи:

— в школе должен быть не труд вообще как затрата усилий, а труд производительный, *общественно полезный*;

— не случайное и не формальное участие детей в труде, а организация их жизни на трудовой основе;

— труд детей должен осуществляться на высшем организационном и техническом уровне, соответствующем не только сегодняшнему, но и завтрашнему дню развития общественного труда;

— производительный труд детей должен иметь педагогически целесообразную организацию.

Завершая наш разговор о труде как факторе становления нового мышления, подведем некоторые итоги. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что новое мышление — важный инструмент перестройки, но действенность его будет возрастать лишь по мере того, насколько оно будет входить в сознание масс, т. е. по мере приобретения им массового характера.

Основным фактором и условием формирования нового мышления выступает труд — труд творческий, инициативный, стимулирующий поиск и самостоятельность решений. Хозрасчетные отношения и другие формы труда, повышающие самостоятельность работника, свидетельствуют, что это так. Один и тот же работник, поставленный в условия, увеличивающие его самостоятельность и заинтересованность, дает гораздо более весомый эффект и результат.

Одним из неперемennых условий становления нового мышления является трудовое воспитание, раннее приобщение детей к общественно полезному, производительному труду, при этом труд должен носить постоянный, систематический и педагогически действенный (целесообразный) характер.

Глава VI

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Процесс перестройки общественных отношений в нашем обществе требует нового теоретического осмысления процессов общественного развития. Стремясь более адекватно отразить в теории истинное состояние практических дел, мы по-новому оцениваем приоритетность разных сфер общественной жизни, рассматриваем место и роль каждого общественного явления в системе диалектических взаимосвязей исторического процесса в целом.

Сейчас объектом всеобщего внимания стали материальные условия жизни советских людей. Поэтому проблемы состояния окружающей среды, условий труда, обеспеченности необходимыми материальными благами, которые получают люди как вознаграждение за свой труд, мера денежной оплаты труда, объем и качество услуг, которые общество может предоставить труженику в обмен на его деньги; использование общественных фондов в целях обеспечения здоровья, охраны семьи, материнства и детства, помощи по инвалидности и старости; проблемы развития способностей людей, воспитания, обучения и многие смежные с ними проблемы жизни, которые мы называем социальными, встали в ряд первоочередных объектов изучения.

1. ПОСТАНОВКА ТЕМЫ

Социальная сфера, социальные отношения, социальные проблемы (программы, задачи и т. д.) — для неспециалистов это слова, не несущие в себе ничего нового с точки зрения содержания и звучания. Но для ученых-обществоведов, во-первых, новым и значимым

является уже сам факт, что социальной сфере жизни нашего общества начинают уделять все больше внимания общественность и управляющие органы, что она становится одним из важных объектов исследования. Во-вторых, возникает необходимость разработки современного категориального аппарата теории этого объекта и соответственно установления диалектических взаимосвязей как между социальной сферой, ее элементами и другими общественными сферами жизни, так и между понятиями, их отражающими.

Догматический подход в трактовке учения классиков марксизма о материалистическом понимании истории привел к тому, что допускалась абсолютизация роли материальных, экономических отношений в качестве первичных, определяющих ход всего исторического процесса. При этом сами «производственные отношения» были сужены до понимания отношений собственности на средства производства, а первичной признавалась сфера индустриально-промышленного производства.

У К. Маркса и Ф. Энгельса «производственные отношения» в разных работах берутся в разном объеме сферы охвата. Так, в работе «Капитал» производственные отношения в широком смысле этого понятия охватывают и отношения воспроизводства человека как рабочей силы. Происходит же этот процесс в сфере индивидуального потребления внутри системы семейных отношений. А это уже внепроизводственная, как мы сегодня определяем, *социальная сфера*. Социальная сфера является сферой комплексного — и *биологического*, и *общественного* — воспроизводства человека. Сегодняшнее признание необходимости приоритетного решения проблем социальной сферы нашего общества в полной мере соответствует марксизму. Истоки всех революционных процессов — именно в необеспеченности условий сохранения и воспроизводства жизни людей. Факт же принесения в жертву социальной сферы социалистического общества просто парадоксален: это равноценно общественному самобийству.

Сегодня мы все это поняли. Мы поняли, что уровень развития социальной сферы общества является и необходимой *предпосылкой*, и *объективным результатом* функционирования всех сфер и систем общественных отношений.

Этапы этого понимания нашли отражение в постановке вопросов о социальной сфере, социальной программе, социальной политике на XXVII съезде КПСС, на XIX Всесоюзной партийной конференции и особенно в ходе работы первого Съезда народных депутатов СССР и сессий Верховного Совета СССР.

На XXVII съезде КПСС социальная сфера была оценена как самая широкая сфера жизни, охватывающая «интересы классов и социальных групп, наций и народностей, отношения общества и личности, условия труда и быта, здоровья и досуга». Подчеркивалась важность ее значения в жизни общества в связи с тем, что *«именно в этой сфере реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма»*¹.

В ходе работы сессий Верховного Совета СССР были обсуждены многие конструктивные предложения по решению важнейших проблем перестройки социальной сферы жизни нашего общества, впервые была создана Комиссия Совета Союза по вопросам труда, цен и социальной политики, которая призвана осуществлять руководство и специально разрабатывать предложения по перестройке социальной сферы.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЕ»

Понятие «социальная сфера» не было до сих пор часто употребляемым в словаре обществоведов. Чаще звучал термин «социальные отношения». Но почти каждый из ученых содержание этого термина трактует по-своему. Самое широкое его значение — трактовка как равнозначного термину «общественный», т. е. отличный от природного (социальные законы, социальный строй, социальные отношения).

Употребление термина «социальное» в узком смысле имеет варианты. Наиболее употребителен в марксистском обществоведении вариант рассмотрения «социальных» отношений или структур применительно к сложившимся историческим общностям — классам, нациям. Так, «социально-классовая структура общества» — это рассмотрение структуры общества по классовым и национальным признакам. Но если просто сказать «социальная структура общества», то непонятно, что имеется в виду. В этом случае обще-

ство можно рассматривать помимо классового, национального еще и в демографическом разрезе, т. е. по половозрастным признакам, и по профессионально-трудовым критериям, и по уровню материального обеспечения, и по культурно-образовательному признаку.

В конце 60-х — начале 70-х годов, когда после долгого перерыва снова начала развиваться в нашей стране конкретно-прикладная социология, термин «социальное» в узком смысле слова включал в себя у одних авторов семейно-бытовые отношения и отношения в сфере досуга, у других — сторону отношений личности и производственно-трудового коллектива.

В 1973 г. автором настоящей главы в книге «Социальные отношения» (Л., «Наука», в соавторстве) была разработана концепция социальных отношений в узком смысле слова. *Социальные отношения определялись как система общественных отношений, существующих между людьми в непродуцированной сфере, т. е. в сфере семьи, быта, досуга, процессов всех видов учебы и т. д., по поводу воспроизводства и развития биологической стороны человека, его способностей как производственной, рабочей силы и как личности — носителя всей системы общественных отношений.*

Признав сегодня социальную сферу как не менее значимую в жизни каждого человека и общества в целом, чем сфера труда или сфера политической жизни, мы должны сделать и следующий шаг — признать существование в системе общественных отношений «социальных отношений» (в узком значении термина «социальное») как *особого, самостоятельно-го вида*, сферы общественных отношений, обладающих своей специфической содержательной сущностью и формами проявления.

Предложенная XXVII съездом нашей партии концепция социальной политики, перечень задач, включаемых в процесс развития социальной сферы, почти совпадают с кругом общественных явлений, охватываемых социальными отношениями. Оговоримся, что здесь и далее понятие «социальные отношения» будем употреблять в узком смысле термина «социальное».

Понятие «социальная сфера» по своему объему, конечно, более широкое, чем употребляемое нами —

«социальные отношения», так как помимо отношений включает в себя и материальную базу, и людей — носителей социальных отношений. Более того, социальная сфера, социальная политика, определенные XXVII съездом КПСС, на наш взгляд, даны в своем объеме слишком широко расширительно. Так, в них полностью включены национальные отношения, которые, как мы видим сегодня, во многом развиваются в политическом ключе, т. е. в аспекте политических отношений, а не только в социальном плане. В «социальную политику» включены процессы стирания граней между умственным и физическим трудом, между городом и деревней. Однако «стирание граней» лишь следствие экономических изменений, которые сейчас необходимо произвести в этой сфере. Самостоятельного процесса стирания граней нет. Изменения условий труда и системы оплаты труда, включенные в социальную программу, — это тоже процессы из области производственных, экономических отношений, в частности отношений распределения.

Основной причиной невнимания нашей общественной науки к разработке проблем развития социальной сферы нашей жизни было, конечно, отсутствие социального заказа со стороны руководства и господство официальной точки зрения, утверждающей, что у нас здесь все хорошо и с каждым годом становится все лучше. Была также и другая причина. Ученые в своих теоретических исследованиях обычно пользуются категориальным аппаратом, разработанным классиками марксизма-ленинизма, а по проблемам социальной сферы общественных отношений ими (классиками) в этом плане было сделано немного.

Работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в основном посвящены разработке теории о роли рабочего класса, трудящихся в преобразовании общественных отношений через социальную революцию, а значит, через революцию в первую очередь в системе политических и экономических отношений. Но в их трудах положение рабочего класса в капиталистических странах Западной Европы или положение русского крестьянства в эпоху империализма дается через анализ состояния социальной сферы как образа жизни, уровня жизни, «качества жизни», обусловленного господствующим способом производства («способ производства материальной жизни обуславливает со-

циальный, политический и духовный процессы жизни вообще²⁾). В работах классиков марксизма-ленинизма о социальных процессах говорится довольно часто.

Не высказываясь о существовании социальных отношений как особого вида отношений, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин тем не менее ощущали наличие *сферы их действия*, так как в определениях видов общественных отношений нередко употребляли понятие «социальные» с присоединением через дефис: «социально-политические», «социально-экономические».

В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс используют термин «социальная деятельность», в содержание которого включены «предпосылки всякого человеческого существования» — удовлетворение первых необходимых потребностей человека через потребление пищи, питья, использование одежды, жилища; рождение и воспитание детей; появление новых, более сложных потребностей. Для удовлетворения всех этих потребностей человек начинает развивать процесс труда и производить материальные блага.

Почему сфера социальных отношений не оказалась специально проанализированной классиками как особый, самостоятельный вид общественных отношений?

Очевидно, потому, что для подавляющего большинства членов общества — для трудящихся масс — такого вида общественных отношений в их позитивно-развитом виде просто не существовало. Роль же социальных отношений в воспроизводстве жизни, развитии членов имущих и господствующих классов марксистов не интересовала, так как историческая роль этих классов анализировалась только как роль угнетателей, эксплуататоров.

Употребление характеристик типа «социально-классовый», очевидно, можно объяснить тем, что в подобных случаях имелась в виду интересы, потребности и т. д. общечеловеческого плана в соединении с диктуемым положением, интересами, возможностями классового характера.

Сегодня, когда снято давление догматического понимания классового подхода к определению исторической роли каждого общественного явления, мы можем сказать, что социальная сфера, как никакая

другая, выражает потребности и закономерности общечеловеческого плана исторического развития: стремление к удовлетворению потребностей в еде, тепле, жилище, любовь к родителям и детям, забота о самосохранении и охране своих близких, передача своего жизненного опыта детям, отношение к природе и пр. Эти основные для социальной сферы моменты являются отражением общечеловеческих потребностей.

Материалистическое понимание истории включает в себя признание естественноисторического характера хода общественного развития. В сфере производственных, политических отношений человек существует, действует как исторически движущая сила, как рабочая сила, как эксплуататор или эксплуатируемый, как субъект или объект экономических, политических отношений и т. д.

В сфере же социальных отношений человек в первую очередь ощущает себя в «естественном» плане — как дитя своих родителей, как родитель своих детей, как сосед, как чей-то друг. То есть идет осознание себя как члена малой группы. Даже осознание себя как члена школьного класса или студенческой группы идет в первую очередь не по «исторической» — производственной линии, т. е. как соученика, а скорее по «естественной» линии — как товарища по общению, приятеля и т. д.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Долгое время у нас шла пропаганда не сочетания, не увязывания личных и общественных интересов, а принесения «личных» интересов в жертву «общественным». Объективно же личные — потребности в жилье, детсаде и т. п. — по существу одновременно являются и интересом общества (обеспечение нормальной жизни каждому члену общества), а такие «общественные», как требование выполнять работу во вредных производственных условиях и т. п., — по сути своей противоречат объективным интересам развития общества (поддержание здоровья работника).

На деле проблемы развития социальной сферы у нас почти сплошь входили в сферу «личных» интересов, а потому не субсидировались, не страховались, не гарантировались в должной мере обществом. По-

этому наша социальная сфера не могла сыграть той прогрессивной исторической роли, к которой была предназначена, и сегодня она содержит скрытые противоречия, возбуждает массы нерешенностью проблем.

Как уже говорилось, социальная сфера осуществляет воспроизводство биологической и общественной сторон расширенного воспроизводства поколений. В какой мере получит развитие каждая из этих сторон, зависит в первую очередь от материального уровня развития самой социальной сферы. В нашем обществоведении критериев для характеристики подобных уровней нет. Видимо, это должны быть шкалы, перечни материальных ценностей, духовных благ (число мест и книг в библиотеках и т. д.), услуг, удовлетворяющих необходимые (или повышенные) потребности людей в расчете на душу населения с учетом возраста и т. д.

В обществе социального неравенства можно, видимо, говорить о некоей картине общей, массовой сферы, из которой каждый класс и социальный слой черпает то, что считает возможным и необходимым, но в то же время каждый класс и слой стремится для своего класса, группы, клана, круга создать некую дополнительную систему улучшенных условий жизни, материальных и прочих благ, услуг и т. д. В этом случае мы имеем сложную *систему* взаимосвязей *социальных сфер*, разных по своим уровням развития и историческим возможностям. Там, где социальное неравенство узаконено или обусловлено расслоением общества на основе господства частной собственности, каждый класс имеет свою замкнутую, внутри-классовую сферу социальной жизни, воспроизводящую помимо необходимых общечеловеческих и классовые черты личности.

Социальная сфера создает условия для сохранения *биологической программы наследования* (здоровье людей), а через систему воспитания, обучения *осуществляет передачу социальной программы наследования* человеческого опыта. Естественно, имущие, господствующие классы имеют большие возможности для осуществления и той и другой программы.

Для господствующего, имущего класса сфера внутриклассовой социальной жизни всегда была высоко-развитой. Члены имущего класса воспроизводили

и свою собственную жизнь, обеспечивая себе путем эксплуатации чужого труда не только необходимые, но и максимально возможные материальные условия жизни, ставя себе на службу достижения медицины и других наук, обеспечивающие продолжение жизни. Они имели достаточное количество времени для отдыха, занятий спортом; имели возможности для переключения на различные виды деятельности (типа хобби, общения, науки, искусства, развлечения), сохраняющие равновесие нервной системы, психоэмоциональных состояний и т. д.

Члены имущих слоев и господствующих классов осознанно воспроизводили и передавали потомкам опыт, умение, искусство, навыки основных видов своей общественной деятельности. С превращением буржуазии в господствующий класс его представители на высоком профессиональном уровне овладевают и передают своим детям знание и практику экономики, управления предприятиями, ведения банковского дела и многое другое. Система образования и обучения, воспитания, осуществляемая в сфере социальных отношений, готовит людей не только как будущих профессионалов в той или иной сфере деятельности, но и, прививая им определенное мировоззрение, идеологию, готовит их к выполнению общественных ролей как носителей всех видов общественных отношений.

Представители господствующих классов и примыкающих к ним слоев имели возможность в сфере социальных отношений воспроизводить и всесторонне развивать в поколениях умственные, творчески-художественные и другие способности. Они выступали как носители создаваемой веками культуры (в большей степени духовной), отбирая из общечеловеческой чаще то, что способствовало обособлению, сохранению кастовой замкнутости высших классов. В данном случае мы не имеем в виду лучших представителей этих слоев и классов, выдающихся деятелей науки, культуры, искусства, донесших до нас общечеловеческие духовные ценности. Таким образом, социальная сфера наряду с экономическими и политическими отношениями всесторонне воспроизводила и физически жизненные, и общественно деятельные, и творчески личностные способности представителей имущих и господствующих в обществе слоев и классов.

Эксплуатируемые, угнетенные классы воспроизводили себя в основном в качестве рабочей силы. В процессе труда от них требовались преимущественно физические способности. К. Маркс писал, что «собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья». В связи с этим как первое условие «сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности»³.

Рабочий день на фабриках в период написания К. Марксом его работ длился 14—16 часов. Рабочий мог существовать только в качестве живого придатка машины. Весь образ жизни сводился к труду и небольшой передышке дома. Профессиональное умение, навыки, «искусство рабочего» приобретались непосредственно в самом процессе труда. Для развития умственных, личностных, творческих способностей общество не предоставляло трудящимся ни условий, ни свободного времени. Чрезмерная эксплуатация трудящихся, приведшая к отсутствию нормального воспроизводства их жизни, революционно настраивала пролетариат.

Социалистическая революция не смогла, конечно, раскрепощенным классам предоставить тот объем возможностей социального развития, каким обладал господствующий класс, но в теории все цели революционных завоеваний были направлены именно на создание нормальных жизненных условий и развитие человека в грамотного труженика и творческую личность — субъекта всей системы общественных отношений.

Под влиянием прокатившихся по странам волн революций, возникшей исторической альтернативы устройства образа жизни трудящихся, обострения внутренних противоречий капитализма, потрясших мир войны капиталистические господствующие классы вынуждены были внести коррективы в систему своих общественных отношений. В ряде наиболее развитых в промышленном плане стран, где уровень прибыли был настолько велик, что при некоторой доле уменьшения его никак не изменилось положение господствующих классов, были проведены реформы типа

«белой революции» в США в начале 30-х годов. В результате рабочему классу удалось получить приемлемые условия труда, высокие материальные условия жизни и определенные возможности для общественного развития.

По сути дела для эксплуатируемых классов была создана ограниченная система социальных отношений, которая сыграла историческую роль как регулятор, не допускающий возникновения революционной ситуации.

В дальнейшем с капиталистическим перепроизводством товаров, когда собственники не могли найти рынков сбыта, оказалось, что выход из подобных кризисов — в повышении в определенных пропорциях уровня жизни трудящихся необходимых отраслей производства с целью превращения их в потребителей.

Сегодня социальная сфера жизни трудящихся капиталистического общества развивается главным образом как сфера потребления, а не сфера развития личности. Задача социальных отношений, господствующих в этой сфере, — не развить и подготовить трудящиеся массы к активному участию во всех видах отношений, вплоть до политического управления, а, наоборот, направить развитие их потребностей в сугубо материальное русло, оговаривая условия получения материальных благ требованием неучастия в политических организациях, альтернативных официальной системе, культивируя индустрию развлечений и отдыха как средство отвлечения от активной общественной жизни.

Такая сфера социальных отношений призвана задерживать общественную зрелость, формирование классового сознания трудящихся, их готовность к активным действиям, т. е. к революционному преобразованию общества.

Таким образом, социальные сферы отношений для господствующего класса и для класса трудящихся выполняют неодинаковые задачи. Межклассовые социальные отношения буржуазия развитых капиталистических стран пытается выстраивать так, чтобы при минимуме компромиссов со своей стороны заставить трудящиеся классы приспосабливаться к навязываемому им образу жизни, принимая его как отвечающий их интересам.

К сожалению, сегодня мы не имеем ни одного исторического прецедента, где уровень и направление развития социальной сферы общественных отношений социалистического типа могли бы служить достойным примером. По провозглашаемой идеологической направленности, целям, задачам развития социальная сфера социалистического общества, несомненно, ориентирована на более прогрессивную историческую роль, чем капиталистическая. Но по уровню развития материальной базы, по практике деятельности функционирующих в ней учреждений, по роли, которую она играет в системе общественных отношений, социальная сфера социалистических обществ, в частности советского общества, отстает от развитых капиталистических стран.

При недостатке жилья, продуктов питания, одежды, лекарств и т. д. социальная сфера не выполняет свою главную функцию — поддержание здоровья людей, обеспечение необходимой продолжительности жизни, восстановление физических сил, затраченных человеком на работу, психоэмоциональных затрат, затрат нервной системы и т. д. Нормально работающая сфера социальных отношений *примыкает к материальным, экономическим отношениям*, так как в ней происходит реализация результатов трудовой деятельности (т. е. в ней заканчивается цикл отношений распределения, продолжается цикл отношений общественного потребления и полностью осуществляется цикл отношений индивидуального потребления).

Но сама социальная сфера не создает материальных благ. Они создаются в сфере производства. Социальная сфера, *организуя условия и процесс потребления, поддерживает человека в состоянии жизнедеятельности, восстанавливает его как живую производительную силу*. Надо ли доказывать опасность положения, создающегося в результате ненасыщенности социальной сферы необходимыми продуктами, благами, товарами потребления? Это не просто негуманно по отношению к людям. Это грозит катастрофой — сокращением рождаемости, продолжительности жизни, повышением смертности от болезней и т. д. К сожалению, все эти процессы у нас сейчас явны. В ходе перестройки народного хозяйства, экономики страны нам необходимо реорганизовать систему здравоохранения, торговли, общественного

питания и прочего, с тем чтобы более рационально осуществлялось потребление тех продуктов, товаров, которые у нас есть. Не только гуманист, но и деловой расчет заставляют нас позаботиться об обеспечении производства здоровой рабочей силой, об увеличении продолжительности жизни, с тем чтобы удлинить период активной трудовой жизнедеятельности людей.

В прежние времена мы, критикуя капиталистическую стратегию потребления, писали, что в социалистическом обществе социальная сфера ориентирована на разумное потребление, не разжигающее аппетиты, а развивающее творческие, полезные для общества способности и потребности личности и т. д. Сегодня у нас нет многого необходимого. Для разбалансированной экономики нужна ускоренная оборачиваемость денежных средств. Нам важно сейчас любыми путями: за счет использования внутренних ресурсов или за счет притока импортных товаров — насытить рынок и наладить отношения потребления. Нищенство социальной сферы, дефицит необходимых продуктов массового потребления опасны еще и тем, что при их наличии «теневая экономика», «черный рынок» возникают не только в сфере экономических отношений, но и в собственно социальной сфере общественных отношений. Разрастается не только подпольная сеть торговли дефицитными товарами по баснословным ценам, но и преступная сеть продажи медицинских и всевозможных социально-бытовых услуг.

Необеспеченность социальной сферы в итоге может привести к моральной деградации общества, когда люди для обладания необходимыми жизненными благами вынуждены ловчить, «драться» за высокооплачиваемые, дающие льготы служебные места, угождать начальству и т. д. Деморализация, обусловленная необеспеченностью социальной сферы, входит в число условий, способствующих постоянному воспроизводству деформированных административно-управленческих отношений.

Необеспеченность социальной сферы жизни людей может привести и к возникновению конфликтной ситуации. Много зависит от того, в каком направлении пойдет формирование общественного мнения различных слоев общества, общественного сознания в целом. Поэтому в процессе перестройки необходимо по воз-

возможности воздействовать на формирование общественной психологии, на уровень обыденного сознания, давая трудящимся массам прогнозы хода развития процесса перестройки с опорой на правдивую информацию.

За годы культа личности, застоя при внешне как бы бесконфликтном развитии исторических процессов мы привыкли считать, что социалистические общественные отношения складываются под влиянием общественного сознания высшего, теоретического уровня. Таковым считался не столько научный, сколько официально-идеологический. Сегодня мы видим, что на развитие и экономических, и политических отношений при определенных сочетаниях объективных условий и субъективных факторов *низший уровень сознания (обыденное), состояние общественной психологии* могут оказать большее влияние, чем сознание высшего, теоретического уровня.

В связи со сказанным необходимо привлечь внимание к еще одной роли социальной сферы в жизни общества. Социальная сфера в отличие от других «держит» в системе своих отношений всех людей без исключения в продолжение всей их жизни. Ее связи так сильны, так органично, диалектично переплетают биологический и социальный аспекты жизни людей, что эта сфера формирует свою социальную структуру общества.

4. СУБЪЕКТЫ ИЛИ ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ?

Марксистское обществоведение, рассматривая социально-классовую структуру общества, выделяет исторические общности — классы, нации и т. д. в качестве носителей основных общественных отношений (экономических, политических и др.). Социальная сфера добавляет к политэкономическому срезу общества по историческим общностям свои срезы. Остановимся на некоторых из них.

Обострившиеся противоречия нашего общества заставляют «замечать», что помимо классов в обществе есть другие группы, способные сыграть активную роль в определенной исторической ситуации. На общественную арену выходят группы населения, еще

не входившие или уже вышедшие из сферы активных производственных отношений, группы, существующие в рамках социальной сферы: студенты, пенсионеры, инвалиды и пр.

Мы всегда констатировали наличие, но никогда реально в своих планах развития общественного производства, распределения национального дохода и т. д. не учитывали демографический срез социальной структуры общества. Социально-классовый срез структуры общества демонстрирует группы населения, которые своим трудом создают условия для своего существования и общественного положения. Демографический же срез структуры общества показывает группы населения, которые не могут обеспечить условия своего существования своим трудом, находятся на иждивении у общества, которое должно брать на себя обязательство и нести ответственность за обеспечение условий существования и развития этих групп.

Для социальной сферы как раз характерно проявление особенностей демографического среза — различия людей по полу и по возрасту.

Мы так привыкли к положительной оценке эмансипации женщин и приравниванию их в правах к мужчинам, что забыли о природе определенной роли женщины и, перегрузив ее заботами, по сути осуществили отчуждение ее от эмансипации. Не придавая должного значения первому демографическому признаку — признаку пола (у нас после войны женщин оказалось больше, чем мужчин), мы ничего не сделали, чтобы учесть это на производстве, в производственной и духовной сферах жизни. Мы даже не приспособили к возможностям женского организма станки, производственную нагрузку, режим труда. Не увеличили оплату труда — ведь многие женщины растили детей, будучи матерями-одиночками, не дали дополнительного свободного времени для выполнения работ по дому, для воспитания детей, для учебы с целью овладения высококвалифицированной специальностью, не говоря уже о предоставлении времени и условий для духовного развития личности. Усталые от бед, от работы и нехваток, матери, не развившиеся в яркие личности, мало что могли передать своим детям. В результате: беспризорно выращенное, невоспитанное, плохо выученное, не защищенное родитель-

ским авторитетом следующее поколение не смогло противостоять ущербу строю общественного застоя. Задача перестройки — заменить вредную и для самих женщин, и для общества в целом эксплуатацию женщин подлинной эмансипацией.

Неухоженный дом, неумело выстроенные семейные отношения, во многом зависящие от уровня развития личностных качеств женщины, делают одинаково несчастными всех членов семьи, сводят на нет трудовую деятельность людей (особенно если труд — нелюбимый), лишают оптимистического ощущения перспектив жизненного процесса.

Задача перестройки — развить социальную сферу как безотказно функционирующую систему учреждений, обслуживающих бытовые и культурные нужды семьи (социально-бытовое обслуживание; медицинские, спортивно-оздоровительные учреждения; сеть детских разновозрастных обучающих и воспитательных учреждений; сеть культурно-просветительных учреждений).

В рамках социальной сферы существует и другой срез социальной структуры, где критерием отнесения к той или иной группе выступают особенности возраста и связанные с ним род занятий, образ жизни.

Первая группа — *дети дошкольного возраста*. Процесс их жизни проходит в социальной сфере. Учеными доказано, что именно в детском возрасте формируется в человеке интеллект, будущее здоровье, состояние психоэмоциональной сферы и т. д. Ребенок не является субъектом отношений, творящих его судьбу. Процесс перестройки, предполагающий изменение роли женщины в обществе, уровня материальной обеспеченности, должен включать целенаправленное грамотное влияние на уклад семейной жизни в плане воспитания детей; необходима перестройка материальной базы и системы работы дошкольных воспитательных, оздоровительных, культурно-просветительных учреждений.

Вторая группа — *дети школьного возраста*. Процесс жизни этой группы тоже полностью проходит внутри сферы социальных отношений — в семье, в школе, в неформальных малых группах: приятельских, соседских, в клубных коллективах (спортшколах, кружках самодеятельности), в уличных коллективах, в коллективах взрослых неформальных групп, в которые входят родители детей.

Сами школьники, как и дети младшей группы, своеобразно возрасту не включены активно ни в экономические, ни в политические отношения. Все их права, вплоть до права на жизнь, переданы взрослым. И в сфере переходных отношений, объединяющих в себе экономическую и социальную стороны общественных отношений, в системе отношений потребления ребенок не волен иметь выбор; и в сфере социальных отношений: что есть, что надевать на себя, у каких педагогов учиться, какие способности в себе развивать — все решают взрослые. Нет закона о детях, не только не защищены, но даже не определены нормативно их права. Сейчас обнародованы поражающие данные о детской смертности у нас в стране. Ни родители, ни педагоги, ни врачи — никто из тех, кому переданы права детей, кто является субъектом отношений охраны детей, ни перед детьми — объектами этих отношений, ни перед обществом фактически никакой ответственности не несут.

Школьная система, дополняя ее система клубных и прочих воспитательных учреждений, как и дошкольная система, требуют перестройки и материальной базы, и содержания работы. Школа дает определенный уровень грамотности, систему знаний, общего мировоззрения, приучает к коллективной дисциплине, воспитывает «благонадежность», диктуемую господством административно-бюрократической системы во всех видах общественных отношений. Но ни школа, ни семья, ни воспитательные учреждения не ставят перед собой задач развития творчески мыслящей личности. Наоборот, успешным итогом воспитательной работы является нивелировка способностей, поведенческой ориентации, сведение их к общему однообразному уровню. В этот возрастной период должен складываться характер и формироваться творческие способности, обусловленные наличием еще ранее развитого интеллекта. В сегодняшней реальности творческие особенности, способности у большинства детей даже не проявляются, так как нет условий и поводов для их выявления. Скорее наоборот, у детей, пытающихся проявить свои индивидуальные наклонности, творческие способности, в силу встречного равнодушия, чаще противодействия вырабатывается психологический барьер отчужденности, боязни, развивается комплекс неполноценности. Личност-

ный характер не складывается, а «откладывается» — загорается внутри, чтобы проявиться позже, при обретении большей свободы. Как правило, это уже будет не тот, каким мог бы быть, а в определенной степени ущербный характер.

Сегодняшняя социальная сфера не обеспечивает ни физического, ни душевного здоровья детей, приближающихся к порою полового созревания. О низком уровне развития медицинских, спортивно-оздоровительных учреждений много сказано. Много говорится и о необходимости подготовки новых и замены большей части практикующих сегодня кадров учителей и воспитателей, так как по своему мировоззрению, характеру поведения, психоэмоциональному складу они часто выступают продолжателями административно-командного воздействия. Армия наших учителей в большинстве своем привыкла властвовать над детьми, угнетая, подавляя их, и никакая перестройка, никакие курсы повышения квалификации пока не изменили их.

Неразвитость социальной сферы отношений, вылившаяся не только в неразвитость, но даже и в невыявленность способностей людей, окончивших школу, делает их переход в следующую социальную группу поистине трагичным независимо от того, осознают это сами 15—17-летние граждане или нет. Социальная неподготовленность молодых людей делает их неспособными грамотно осуществить выбор профессии, своего будущего труда. Вместо выбора приходится подчиняться чужой воле, стечению обстоятельств. В результате люди потом всю жизнь занимаются «не своим», нелюбимым делом, соответственно относясь к нему и работая с соответствующей отдачей.

Невнимание нашего общества к школьникам как самостоятельной социальной группе, требующей особой организации развития, проявилось и в том, что в проходившей недавно Всесоюзной переписи населения даже не было предусмотрено «графы» для категории «школьники», не включали их и в категорию «учащиеся». Школьников регистрировали по социальному статусу одного из родителей — «служащие», «рабочие» и т. д. Что же в таком случае будет планироваться для этого контингента в нашей программе перестройки?

Следующая возрастная группа, объединяемая по роду своих занятий, тоже учащиеся, *учащиеся, обучающиеся профессии*. Объединенные в одно ведомство со школами, ПТУ, техникумы, вузы также осуществляют свою деятельность в рамках социальной сферы. Все они нуждаются в улучшении материальной базы, в перестройке системы преподавания и воспитания в плане формирования творчески мыслящих, грамотных личностей, профессионалов, способных реорганизовать производство в соответствии с современными требованиями, вступить в трудовую и общественную жизнь в качестве субъектов всей системы общественных отношений.

Однако материальная необеспеченность учащейся молодежи, тяготящейся зависимостью от родителей, неустроенность студенческого быта создают для многих ситуацию, когда мысли больше направлены на поиск средств к существованию, чем на усвоение знаний, а при возникновении студенческой семьи, рождении детей учеба часто превращается в формальность. Подготовка будущего профессионала требует отключения мозга студента от поиска куска хлеба. Помимо отработки курса, предусмотренного учебной программой, студент должен иметь возможности для осуществления собственной, самостоятельной системы учебы. Для этого нужны и компьютеризованные кабинеты, и общественные библиотеки, и лаборатории, и многое другое.

Сейчас растет гражданская политическая активность студентов. Активизация их участия в деятельности международных молодежных организаций, перестройка в комсомоле, участие в партийных, общенародных программах действий — все это дыхание процесса перестройки, все закономерно и нужно. Подробно на этом не останавливаемся, так как проблемы политических отношений не входят в рамки нашего исследования.

В свете проблем социальной сферы следует обратить внимание на то, что обыденное сознание, настроения молодежи, порожденные неустроенной социальной сферой, могут дать ненужные всплески, выступления в политической сфере. Сегодняшнее студенчество — завтрашний интеллект страны. Нерешенность молодежных проблем чревата не менее опасными последствиями, чем нерешенность проблем меж-

национальных отношений и прочих политических проблем.

Следующая возрастная группа членов нашего общества — *работающее, самодеятельное, взрослое население*. Люди пребывают в этой группе со времени своего вступления в трудовую жизнь до полного выхода на пенсию. По признаку «характер основных занятий» эта группа выходит из анализируемой социальной структуры, так как учитывается по срезам социально-классовой структуры — рабочие, крестьяне, служащие, члены кооперативов и т. д. В социальной сфере эта группа остается в рамках семейно-бытовых отношений. Социальная сфера выступает как оборотная сторона развития рабочей силы, ее восстановления и воспроизведения. Созданное в сфере социальных отношений (профессионализм, здоровье, энергия людей, и др.) потребляется в системе производства; созданное в производственной сфере потребляется в социальной сфере. Такова диалектика их взаимоотношений. Об этом в принципе шла речь выше.

В *пенсионном возрасте*, по выходе из общественно-трудовой деятельности, из сферы производственных отношений, человек снова полностью включается в систему отношений социальной сферы. Его положение сближается с положением детей. Он чаще объект экономических и политических отношений, а не активный субъект.

Внутри групп пенсионеров есть подгруппы: группа ушедших на пенсию по возрасту, но способных к трудовой и активной общественной деятельности; группа престарелых и инвалидов, по состоянию здоровья не способных к активному образу жизни.

Существует масса нерешенных проблем в среде «молодой» части группы пенсионеров, которая чувствует себя способной к активной жизни. В развитых капиталистических странах, где, как и у нас, группа пенсионного возраста очень многочисленна, сейчас идут разговоры об обретении «второго дыхания». Высокоразвитая, богатая во всех планах, социальная сфера этих стран создает через организацию всевозможных курсов условия для овладения пожилыми людьми новыми профессиями.

Люди переучиваются, чтобы заниматься дальше новым, посильным видом труда. Правда, у них это чаще приобретает форму хобби или бесплатной бла-

гтворительной деятельности. У нас же, при нехватке работников во многих областях народного хозяйства и в самой социальной сфере, «второе дыхание» трудовой деятельности давало бы дополнительный заработок, улучшало материальное положение пенсионеров и помогало обществу в решении некоторых проблем.

Помимо решения проблемы организации труда пенсионеров в социальной сфере необходимо создать систему клубов, советов, комитетов, курсов, общественных объединений и т. д., работая в которых пенсионеры могли бы организовывать и контролировать социально-бытовую жизнь микрорайона, проверять работу магазинов, почты, пунктов бытового обслуживания; дежурить на детских площадках и пр., оказывая большую помощь исполкомам, депутатским комиссиям и т. д.

Многих людей выход на пенсию страшит не только ухудшением материального положения, но и потерей своей общественной значимости. В одном из наших фильмов герой говорил: «Надо честно готовить себя к старости!» Сегодня ни общество не готово к приему стариков, ни мы сами к тому, чтобы перейти к другому образу жизни.

Заброшенные, неухоженные, несчастные старики — негуманно, безразлично, больно, жалко и страшно. Страшно потому, что если перестройка не решит необходимых социальных проблем, то такая бесчеловечная старость ждет многих из нас. Как всякая нерешенная проблема, проблема старости порождает отношения противоречия и побочные негативные явления, о которых мы говорим редко. Но говорить надо, чтобы побуждать общество к изменению ситуации.

Отсутствие общественных гарантий социального обеспечения, нормальной старости бьет по еще не старым, работающим людям. В предпенсионные годы многие снижают свою общественно-политическую, гражданственную активность, «перерождаются» в приспособленцев, угодииков в надежде, что при таком поведении начальство продлит им срок пребывания на работе, не «выгонит» на пенсию. Малый размер пенсий побуждает людей ловчить, чтобы увеличить размер пенсии, правдами и неправдами искать дополнительные заработки и доходы, чтобы что-то отложить про запас на «черный» пенсионный день.

Ущерб обществу наносится не только моральный, но и материальный. Сейчас встала проблема омоложения состава руководящих кадров. Но омолаживать надо не только руководящие, но и многие категории работников, где в труде требуются новые, свежие мысли и активное действие. Может, выгоднее увеличить пенсии и освободить рабочие места для молодых? Экономистам надо считать.

С переходом на пенсионный образ жизни связаны и другие негативные явления. Выключенные из процесса общественной жизни, фактически не имеющие достаточных средств к существованию, попадающие в зависимость от детей, многие пенсионеры деградируют. Безрадостное существование в тесноте наших квартир озлобляет их. Стараясь доказать свою значимость, они «заедают» молодые поколения и тем способствуют развалу молодых семей. Неуживчивость стариков, спровоцированная неурядицами социальной сферы, делает их лишними, сводит на нет ценность их трудовых, боевых заслуг в глазах молодежи. Ущерб нравственный и идеологический для обеих сторон, для общества в целом.

Возрастная пенсионная группа — это не совсем ушедшая с общественной арены, а до последнего дня действующая активная социальная сила. В главе не анализируются отношения политической сферы. А если задуматься: какую роль могут сыграть многомиллионные «пенсионерские» голоса в ходе политических выборов в органы власти?! Ведь они сегодня составляют значительную часть голосующих. Создание материальной обеспеченности и условий для активного общественно полезного образа жизни «спасут» людей от деградации, снимут многие общественные противоречия. Со стороны общества кроме всего прочего необходимо постоянно вести просветительскую работу в среде пенсионеров, чтобы поддерживать их сознание на уровне понимания современных задач развития общества.

И наконец, самая старшая возрастная группа социальной структуры социальной сферы — старики, неспособные обходиться без чужой помощи. К этой группе практически по условиям жизни примыкают и смешанные по возрасту группы тяжелобольных, хроников, инвалидов. За последние годы, к сожалению, к этой группе прибавилась в буквальном смысле

армия молодых людей, искалеченных в Афганистане.

О группе престарелых больных, об инвалидах мы вообще никогда не говорили. Считалось, что болезнь по старости — состояние естественное, что тяжелобольные — отступление от нормы, досадное исключение, что инвалидов у нас не так уж много и это тоже исключение из нормы жизни общества. А сейчас, когда стали приподниматься завесы статистики, оказалось, что у нас эта группа людей, содержанием жизни которых является страдание, непомерно велика. Это не исключение из нашей нормы, а часть нашей нормы, реальный факт, который пока что на долгие годы вперед не имеет тенденции к уменьшению в размерах. Ведь еще не откликнулось эхо Чернобыля, растет число жертв нашей экологической безграмотности и бесхозяйственности. Общество должно быть готово к тому, что определенный процент населения живет на больничных койках.

Сегодня уже стало банальностью перечислять беды нашего здравоохранения — отсутствие койкомест в больницах, аппаратуры, лекарств и т. п. Но ведь для инвалидов необходимо и многое другое — организовать условия для максимального включения их в общественную жизнь. Необходимы и обучение доступным профессиям, и организация процесса труда, нужны и культура, и развлечения с «доставкой на дом». Комфорт вокруг инвалидов должен быть большим, а не меньшим, чем вокруг здоровых людей.

У нас сегодня нет многого. Мы до сих пор не можем решить проблему предоставления женщинам необходимого по срокам и обеспечению декретного отпуска. Но нужно ставить вопрос и о других отпусках — по уходу за больными и престарелыми. Родственники инвалидов должны иметь постоянного, посменно выделяемого члена семьи для ухода за инвалидом. А может быть, надо в такие семьи давать «ставку» медсестры-сиделки, а членам семьи — право по очереди брать отпуск за свой счет; либо семья будет нанимать на эту ставку сиделку-домработницу. Здесь возможна многовариантность.

Тяжелое у нас положение с обреченными, умирающими больными. Есть грустная поговорка: «Не страшно умереть, страшно умирать!» Мы о смерти обычно не говорим, Никто не считал, но, наверное,

в половине семей люди по болезни и по старости умирают в условиях, недостойных называться человеческими. Больницы стараются таких больных не брать. Известна и практика, когда умирающего больного врачи стараются отправить домой, чтобы не увеличивать «показатель смертности» при оценке своей работы. При нашей жилищной тесноте и прочих сложностях быта и медобслуживания в некоторых семьях возникает аморальная ситуация, когда смерть престарелых родителей вызывает у взрослых детей не столько горе, сколько облегчение.

Мы сейчас вспоминаем и пытаемся внедрить старые обряды, как правило празднично-красочные и дорогостоящие, но не можем возродить обряд прощания умирающего с родственниками. Прощаются родственники и друзья, как правило, уже с трупом, так как отпуск из другого города, например, можно получить иногда только по телеграмме о факте смерти.

Конечно, нужно решать глобальные проблемы войны и мира, жизни человечества через систему политических отношений, но не менее необходимо отдать должное ценности жизни каждого человека через отношения социальные.

В социальную сферу по роду «занятий» входит и «открытая» только сейчас, на четвертом году перестройки, многочисленная социальная (хочется сказать: «асоциальная») группа людей, род «занятий» которых таков, что и слово «занятия» берем в кавычки. Это люмпены: преступники, проститутки, бомжи, наркоманы, тунеядцы; трудные дети и другие кандидаты в «группы риска». Многие проблемы остановки роста этих групп должны решаться общим путем: улучшение жилищных условий, совершенствование семейных отношений, профилактическая работа в школьно-молодежный период и т. д., но многое необходимо срочно решать и через совершенствование отношений производственных и правозаконодательных. Жизнь этих людей протекает, как правило, вне основных — производственных, политических — отношений, но сам факт их существования, их «деятельность» направлены на противостояние нашей системе общественных отношений.

Из сказанного можно заключить, что все люди в разные периоды жизни в разном качестве пребывают в системе общественных отношений.

Долгие годы в сознание советских людей внедрялась мысль, что главный смысл их жизни — в труде, что надо быть «выше» всех «житейских мелочей», надо терпеть и голод и холод во имя прекрасного будущего. Требование нормальных, «человеческих» условий для жизни трактовалось как крамола, измена марксистской идеологии. Но марксизм никогда не звал к нищете и аскетизму. Начиная с «Немецкой идеологии», К. Маркс и Ф. Энгельс утверждали, что целью человеческой жизни является производство самой жизни, производство людьми самих себя «посредством рождения» и «посредством труда», так как в труде создаются необходимые для жизни, в первую очередь материальные, блага и развиваются общественные способности человека.

Искренне пропагандируя идею материалистического понимания истории, мы обычно иллюстрировали ее массой цитат из работ К. Маркса и Ф. Энгельса, утверждающих первичность производственных отношений. Но при этом игнорировались положения классиков об истоках труда, производственных отношений, способа производства и т. д. как средства, пути, формы обеспечения процесса «материального производства непосредственной человеческой жизни».

Действительно, производственные отношения являются первичными, т. е. главными, но не в абсолютном, не в безотносительном понимании их места в общем процессе жизни, а только в системе закономерно развивающихся общественных отношений. По аналогии с движущими силами истории можно выделить и движущие процессы, явления истории. Производственные отношения первичны в том плане, что они являются движущими, главными, определяющими, ведущими в системе общественных отношений при общей прогрессивной направленности развития общества в целом.

Но надо помнить, что речь идет о производственных отношениях в сфере производства материальных благ. Производственные отношения в сфере духовного производства сами вторичны, производны как надстроечные.

Для всех людей процесс «материального производства» непосредственной человеческой жизни, т. е. семейно-бытовые отношения, рождение детей, поддержание своего здоровья, воспроизводство своих биоло-

гических и социальных способностей — все, что включается в социальную жизнь, *всегда был первичным*, поскольку это главная цель и содержание самой жизни. Пути, формы осуществления, реализации этого процесса разные. Жизнь одних классов веками строилась на процессе труда, а жизнь других классов — на паразитизме, присвоении результатов чужого труда. Этот путь включает в себя не только эксплуатацию трудящихся, но и прямой грабеж, и — главное — войны. Не только классы, но и целые народы, страны веками обеспечивали себе условия, возможность жить в качестве паразитов через порабощение, национальное иго, колониализм (Священная Римская империя, татаро-монгольское иго, колониализм капиталистической системы).

Поэтому представляется, что сейчас необходимо обратить внимание на то, что основным положением материалистического понимания истории является положение о том, что не бог, не идея, не сознание, а сами «индивиды как физически, так и духовно творят друг друга»⁴. Суть этого понимания в том, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, чтобы, *«исходя именно из материального производства непосредственной жизни»* (курсив мой. — Л. О.), рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения — т. е. гражданское общество на его различных ступенях — как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. п. и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами)»⁵.

Иначе говоря, исходя из социальной сферы, где рождаются новые жизни и постоянно воспроизводятся существующие, следует рассматривать конкретный процесс производства и всю систему общественных отношений.

Если существующая система организации процесса труда, практика политических и прочих общественных отношений не обеспечивают нормального

функционирования социальной сферы жизни, люди ищут других путей обеспечения условий для своего процесса жизни. Труд в существующем виде теряет свою ценность. Альтернатива — паразитизм: не произвести — так отнять. Отсюда — приписки, обман, недисциплинированность, бесхозяйственность, воровство и все формы «теневого хозяйства» и т. д. В условиях антагонистических формаций при обострении несоответствия, противоречий между условиями, количеством труда и системой его вознаграждения и т. д. возникает предпосылка к проявлению антагонистической стороны общественных отношений. Если противоречие не разрешается, вырастают предпосылки революционной ситуации.

В социалистическом обществе, где нет отношений антагонизма, заложенных в общественном строе, где антагонистические отношения могут возникнуть только как результат искажения сущности социалистического общественного строя, нет необходимости в социальной революции. Противоречия можно разрешить, вернув строю его сущность, перестроив систему общественных отношений с учетом реальных закономерностей развития социализма.

В общем процессе преобразования общества конечно же первичным является процесс труда, в системе общественных отношений — производственные, экономические отношения. Но производство должно быть ориентировано не только на рост самого производства, но и на развитие социальной сферы жизни, решение экологических проблем и т. д. Закономерностью развития общества должно стать гармоничное, сбалансированное развитие всех сфер производства и общественных отношений.

Новое мышление нацеливает нас на диалектическое рассмотрение роли всех видов общественных сфер деятельности и отношений в их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Принцип диалектического подхода к исследованию высвечивает существенные «белые пятна» в теории и практике.

Классики марксизма-ленинизма развивали теорию общественных отношений в основном применительно к антагонистическим формациям и выдали ярко выраженный диалектический набор: носители разных видов общественных отношений — классы; отношения между ними — различия, противоречия и пр., т. е.

имеется по меньшей мере две стороны, два вида носителей разных начал, интересов в каждом виде общественных отношений.

В социалистическом же обществе в теории были «стерты» все противоречия до уровня несущественных различий и соответственно не были замечены противостоящие стороны в практическом развитии, противоречий не было, решать было нечего. Действительная, реальная история подгонялась под идею.

Мы совершали классическую ошибку идеалистов, на которую указывали К. Маркс и Ф. Энгельс: «Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту действительную основу истории, или же рассматривало ее лишь как побочный фактор, лишенный какой бы то ни было связи с историческим процессом. При таком подходе историю всегда должны были писать, руководствуясь каким-то лежащим вне ее масштабом; действительное производство жизни представлялось чем-то доисторическим, а историческое — чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то стоящим вне мира и над миром»⁶.

Прожитая нами история показала, что высокие — политические, национальные, политэкономические — отношения, не опирающиеся на действительную историю, волюнтаристски выстроенные по лежащим вне жизни масштабам, оказались непригодными. История показала, что *обыденную жизнь нельзя игнорировать* как побочный фактор развития, так как она на деле не просто «иная», отличная от производственной, трудовой стороны развития, а вторая, непродуцирующая, диалектически связанная с процессом производства материальных благ сторона единого процесса производства жизни человека.

5. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ — ПУТЬ СОЗДАНИЯ АКТИВНО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Социальная сфера остается лишь пассивным условием — суммой благ, услуг, учреждений; формирует людей лишь как потребителей этих благ; не выполняет своей исторической роли как фактора воспроизводства личности, если в ней нет активно действующих, правильно выстроенных *связей между различными группами людей*, играющими разные роли —

предлагающих и использующих набор услуг, осуществляющих обслуживание, обучение и т. д. и клиентов, контролирующих качество этого обслуживания, потребителей, диктующих социальной сфере направления ее развития в соответствии со своими растущими потребностями, и исполнителей этих требований и т. д. Такие связи выражают сущность социальных отношений. Они, как и в других видах общественных отношений, могут развиваться и в демократическом русле, в интересах всего народа, и в русле удовлетворения потребностей, интересов отдельных общественных групп. В соответствии с этим социальные отношения будут играть разную историческую роль.

Чтобы иметь «отношения», надо иметь носителей отношений, «стороны», по меньшей мере две, развития этих отношений. В политической системе сегодня, например, представлены в качестве «сторон» отношений народные массы и управленческая бюрократия. Между управлениями и народом существуют сложные отношения — как между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными, хотя и считалось до сих пор, что властвовал народ. В системе экономических отношений в качестве «сторон» отношений можно выделить, например, носителей разных видов труда — умственного и физического, промышленного и сельскохозяйственного, ручного и механизированного, творческого, руководящего, монотонного, исполнительского и т. д. Комплексными носителями тенденций развития общественных отношений выступают классы.

А кто являются носителями, субъектами, представляющими «стороны» развития социальных отношений? Первое, что приходит в голову при ответе на этот вопрос, — это классы и социальные слои как элементы социально-классовой структуры. Это верно, конечно, но дело в том, что взаимодействие между ними осуществляется главным образом по линии экономических и политических отношений. По линии же социальных отношений, вне производства, ярко выраженных связей между ними не видно. А они должны быть. Сегодня же ни уровень, ни образ жизни одного класса никак не зависят от уровня, образа жизни другого класса, поскольку классы даже в производственных отношениях связаны между собой не напрямую, а опосредованно, через деятельность уп-

равленческой прослойки, стоящей сегодня вне классов. В слабости этих связей — один из признаков неразвитости отношений нашей социальной сферы.

Мы выделяем демографический и другие срезы социальной структуры, проявляющиеся именно в социальной сфере жизни. Но и там положение, образ жизни детей, студентов, пенсионеров и пр. не связаны друг с другом и не влияют друг на друга. Каждая группа живет «сама по себе», между ними нет взаимодействия по отстаиванию каких-то общих интересов, в борьбе за утверждение или отрицание чего-то.

И уровень, и образ жизни каждой из социальных групп складываются фактически стихийно, без осознанного если не управления, то хотя бы контроля со стороны членов групп. Единым для всех членов групп внутри социальной сферы является только то, что все они находятся в пассивном состоянии, выступая в качестве потребителей, лишенных выбора тех недостаточных «благ», которые им достаются из национального дохода и отпускаются для фондирования социальной сферы по «остаточному» принципу.

Но это единство общественного положения до сих пор не создавало единства действий и даже единства организованного общественного мнения. Только сейчас это мнение формируется, и его можно считать признаком нового мышления. Если нет деятельности, нет целенаправленного общественного сознания, то нет между разными группами людей и активных общественных отношений внутри социальной сферы.

Внутри социальной структуры этой сферы можно рассмотреть еще один, профессионально-производственный срез. Часть членов нашего общества работает в учреждениях социальной сферы, это служащие жилищного, учителя, медицинские работники, преподаватели вузов, работники культурно-просветительных учреждений, торговли, сферы бытового обслуживания и т. д. Для них социальная сфера не только система их семейно-бытовых отношений, но и основная, производственная сфера. Производственная, т. е. трудовая, деятельность людей, работающих в социальной сфере, разными сторонами выступает для тех, кто ее осуществляет, и для тех, кто ее воспринимает, на кого она распространяется. Казалось бы, в этом-то случае появляются активные носители социальных отношений — взаимодействие сторон. Но между работника-

ми сферы обслуживания и потребителями их услуг сложились односторонние отношения. Выражаются они в том, что одни что-то «дают» (продают и т. д.), а другие это «берут». Не более того. И даже этой односторонности присущ пассивный характер, так как у одной стороны есть некоторые возможности больше или меньше «давать» — что-то продать, а что-то припрятать для себя, лучше или хуже обслужить, а у другой стороны нет выбора — брать или не брать, пользоваться или не пользоваться. Альтернативы нет: нет других магазинов, нельзя выбирать себе учителей, врачей и пр.

Развитость общественных отношений предполагает *активность взаимодействия сторон* — в плане ли единства, в плане ли борьбы. В нашей социальной сфере нигде не просматривается двусторонних (не говоря уже о многосторонних) активных общественных отношений. Сейчас мы имеем плохо развитую социальную сферу с очень слабой материальной базой и с еще хуже развитыми, фактически неразвитыми социальными отношениями.

Чтобы отношения социальной сферы не носили характера пассивной констатации наличия различных групп людей, структур учреждений, а проявлялись бы в виде активных, живых, разнонаправленных связей между всеми элементами социальной сферы, предстоит сформировать общественное сознание разных групп и всех членов общества в целом, направить его на разработку научно обоснованных программ развития социальной сферы, разбудить инициативу и организовать вспомогательную, контролируемую, руководящую деятельность всех членов структурных групп населения по преобразованию практики работы учреждений социальной сферы.

Нужна *ассоциация* всех слоев общества во всевозможных объединениях: советах микрорайонов, женсоветах, молодежных советах, обществах, контролирующей работу торговли, предприятий бытового обслуживания и т. д. Под контролем общественности должна быть работа и школ, и медицинских учреждений, и отделов социального обеспечения исполкомов и т. д.

Сейчас появилась надежда, что проблемы развития социальной сферы, социальных отношений будут поставлены под контроль вновь избранных народных депутатов. Демократизация политической жизни

должна отразиться и на демократизации неполитической, в частности социальной, сферы.

Народная инициатива может принимать самые разные формы, но, если она не будет оформляться в организационные формы — союзы, объединения, советы и т. п., развитых социальных отношений не будет, поскольку не может быть общественных отношений без активных субъектов действия.

Первоочередные задачи перестройки социальной сферы определяются эмпирическим путем — слишком явно видны самые большие места. Но на примере первых шагов реорганизации экономических, политических отношений можно видеть, что общественные отношения невозможно перестраивать без научных разработок, оценок и предвидения. Социальные отношения надо рассматривать как *особый, самостоятельный, автономно существующий вид общественных отношений*, не менее важный для развития общества, чем экономические, политические и другие отношения.

Для этого есть все: относительно самостоятельная обширная сфера жизни, включающая в себя все общество и сама формирующая собственные социальные отношения; есть круг людей, занятых особыми видами деятельности, характеризующими состояние развития этой сферы; есть определенная направленность общественного сознания, отражающая в своем содержании оценку, взгляды, эмоции по поводу функционирования этой сферы; есть обыденный уровень общественного сознания, формируемый в основном под воздействием качества образа жизни в социальной сфере. Есть и своя система связей — общественных отношений между людьми, аккумулирующая в себе и деятельность, и общественное сознание.

Как уже говорилось, пока что эти отношения характеризуются отношениями пассивного подчинения обстоятельствам. Хотим мы этого или не хотим, но в дальнейшем, с возрастанием роли субъективного фактора, эти отношения будут обретать все большую относительную самостоятельность.

Через систему действий партийных и общественных организаций отлаживается смычка трудовых коллективов с органами политического управления. Необходимо параллельно создавать органы общественного самоуправления и в непроизводст-

венной — социальной — сфере как по территориальному, так и по профильным признакам. *Демократия политическая должна диалектически смыкаться с неполитическим самоуправлением народа.*

Сегодня в материалах сессий Верховного Совета СССР (1989 г.) не только остро звучит постановка вопроса о перестройке социальной сферы, но и указываются реальные источники материального обеспечения решения этого вопроса, в частности перевод средств из демилитаризующейся сферы производства, сокращение непроизводительных расходов и потерь и др. Возведение перестройки социальной сферы в ранг государственной политики — свидетельство нового мышления, залог успеха перестройки жизни всего общества.

БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПЕРЕСТРОЙКИ

Кризис, вызвавший необходимость революционного обновления — перестройку, обнажил антинародную сущность бюрократизма, так тщательно прикрываемую профессионалами-управленцами. С произволом «нашего» чиновничества связаны не только извращения идей, принципов социализма, но и разрушения исходных предпосылок жизни людей, основ самого строя. Общество потрясают экологические катастрофы, происходит уже не застой, а распад его производительных сил. Мы задыхаемся от непосильных непроизводительных потерь и расходов. В новой технике, прогрессивных технологиях не заинтересованы, оказывается, уже и министерства, ведомства, объединения, предприятия, и, что трагично, непосредственные производители. Возникла, ширясь, охватывая миллионы людей, нищета — социальная и физическая. Кризис уничтожил миф 30—70-х годов о бюрократизме как отмирающем пережитке прошлого, сводимом к отдельным недостаткам некоторых нерадивых лидеров и работников. Он низверг и легенду 80-х годов о нем как о пороке, якобы порожденном низкой управленческой культурой руководителей и специалистов.

Слом бюрократизма в управлении — веление времени. Но чтобы его осуществить, объединить и подготовить социалистические силы к «штурму», надо познать явление в его наготе, в его внутренней определенности: выявить основные, применительно к конкретным условиям, черты, вскрыть те обстоятельства, которые воспроизводят и питают его. В основе революционного обновления должна лежать научная программа, отражающая объективную реальность, требования масс.

Кризис показал несостоятельность аппаратного пути формирования идей, предложений. Выработка нового подхода, научного, диалектического, в борьбе с бюрократизмом не должна быть уделом узкой группы чиновников-консультантов, по рукам и ногам связанных иерархией подчинения, служебным регламентом, ложной или полужоной информацией. В данном случае необходима консолидация таких творческих сил, которые смысл деятельности видят в служении народу, в утверждении социалистических начал. Необходим союз лидеров — народных депутатов СССР, прошедших проверку альтернативными выборами, знающих проблему, на деле радикально меняющих прошлое; ученых-обществоведов, членов творческих союзов, исследующих проблему, обличающих бюрократизм перед общественным мнением; представителей демократических движений, бросивших вызов бюрократии, вступивших за социализм, практиков-организаторов из рабочих и крестьян — подвижников перестройки. Полагаться в таком деле на аппарат, на любой из его этажей — вводить себя и других в заблуждение, исповедовать идеализм, порвать со стремлением выработать новое мышление.

Ниже исследуется бюрократизм как общественное явление при социализме, прежде всего в нашей стране. Определим исходное понятие поиска. При социализме «особый слой людей» (лидеры, ответственные работники аппарата управления) приобретает признаки бюрократии тогда, когда он деклассируется, теряет человеческое лицо, т. е. сознательно, используя свое бюро — аппарат, реанимируя прошлое, «не замечая» реалий, которые тормозят развитие общества, ущемляет интересы общественных групп, социалистических сил, отдельных лиц, создает и воспроизводит среду, питающую эгоизм своего правящего слоя, группы и т. п. К бюрократии не относятся рабочие, крестьяне, работники творческого труда. Они не работают в аппарате, не концентрируют в своих руках власть и потому лишены возможности, исключая преступность, сговор и т. п., использовать ее в своих групповых или личных интересах, нанося при этом вред другим.

Акцент в главе сделан на определенном начале, которые бы приблизили нас к крайне нужной научной

программе борьбы с бюрократизмом, к выработке предложений по консолидации революционных сил перестройки против корпоративизма.

1. КЛАССИЧЕСКИЙ БЮРОКРАТИЗМ

Определим явление «классический бюрократизм», отражающее феномен в целом, весь веер его признаков. Оно является ключом к пониманию не только прошлого в настоящем, классовости, корпоративности и т. п., но и настоящего, несводимого к прошлому; позволяет различать виды бюрократизма, классифицировать их по направлениям и признакам, раскрыть составляющие (какое он «наследие» удерживает? какие «новообразования» приобрел? и т. п.), выявить предпосылки, факторы.

В нашей литературе «классический бюрократизм» как явление не рассмотрен. Но потребность в этом имеется, ибо бюрократизм трактуется, можно сказать, без раскрытия его сущностных сторон, связанных с ним обстоятельств, внеисторично. Он определяется либо как система управления, реализующая законы, т. е. как необходимая, положительная система, по сути вне связи его с основными признаками («наше» чиновничество приветствует такой подход), либо как система управления, творящая произвол, т. е. как негативная система, при рассмотрении которой не учитываются сущностная и историческая определенность явления (например, при социализме бюрократическая система не обязательно тождественна аппарату управления; при капитализме признак корпоративности не основной для чиновничества).

Бюрократизм как политическое явление в собственном смысле слова присущ обществу, расколотому на антагонистические классы. Он возник с появлением государства и выделением публичной власти — «особого слоя людей», связанных с управлением. Бюрократическое правление присуще деятельности профессионального сословия управителей, или, иначе, чиновничества, определяемого еще как «бюрократия».

Каковы признаки бюрократизма, исторически необходимого господствующему классу? Не выделив их, трудно говорить о бюрократизме как о явлении и тем более сравнивать бюрократизм, относящийся

к разным обществам, основанным на классовом антагонизме и преодолевшим таковой. В обществе, разделенном на эксплуатируемых и эксплуатирующих, сущность бюрократизма проявляется в двух основных признаках.

Во-первых, основная историческая миссия бюрократии состоит в проведении в жизнь особого интереса своего класса как всеобщего, отражающего якобы чаяния всех членов общества. К власти класс приходит, как известно, используя широкие массы трудящихся, учитывая их интерес. Бюрократия, выполняя волю господствующего класса, с одной стороны, культивирует в управлении особый интерес, сохраняя тем самым и почву, которая питает ее, и, с другой — маскирует реальную цель публичной власти иллюзорной. Манипулируя, она искажению преподносит свою роль в управлении. Она якобы стоит над классами, их отношениями и осуществляет «общие дела» в интересах всех.

В условиях классового антагонизма публичной власти присуща двойственность. Бюрократия, с одной стороны, выполняя свой долг, держит в узде широкие массы трудящихся, подавляя их протест против нищеты, бесправия и т. д., с другой — действительно осуществляет «общие дела», вытекающие из потребностей общества, в которых заинтересованы все группы. Так, объектом забот публичной власти являются охрана территории, поддержание порядка, страхование общества от несчастных случаев, стихийных бедствий, разрешение общественных нужд — проблем образования, здравоохранения и т. д.

«Общие дела», выполняемые чиновничеством, — реальные, но надо иметь в виду, что они существенно опосредованы собственностью и властью господствующего класса. Их объем во многом определяется капиталом. Буржуазия как собственник средств производства выделяет на общие нужды не капитал, а только часть дохода, не затрагивающую ее коренной интерес. Бюрократия не только юридически, но и фактически не распоряжается капиталом. Капитал также определяет направленность вложений. Буржуазное государство берет на себя в первую очередь те расходы, которые невыгодны капиталу, лишь те затраты на общественные работы, которые являются всеобщим условием производства, и т. п.

Во-вторых, историческая миссия бюрократии кроме возведения в культ воли господствующего класса — в недопущении монопольного положения отдельных правящих групп. Чиновничество как бы стоит над ними, не зависит от них. В обществе бюрократия реально самостоятельна только по отношению к трудящимся массам. В рамках же господствующего класса ее самостоятельность относительна. Видимость такой независимости исчезает, как только публичная власть сталкивается с волеизъявлением господствующего класса в целом или его ведущих групп. С исчезновением господствующего класса как правящего ликвидируется и представляющий его «особый слой людей».

В связи с такой миссией бюрократии присущ наряду с классовым признаком и групповой. Чиновничество абсолютизирует свой особый, корпоративный интерес. Оно, используя положение, причастность к власти, выдвигает свой интерес на первый план, оттесняя на второй устремления иных классов, общественных групп, прежде всего трудящихся масс.

Бюрократия проводит в жизнь интерес класса и свой собственный, опираясь на отчужденную от трудящихся масс систему правления. Впервые ее антинародную сущность показал К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права». Бюрократия — «особое, замкнутое общество», которое «всюду вступает в конфликт с «реальными» целями», выдает «формальное за содержание» и, наоборот, превращает общие задачи, касающиеся всех, в «канцелярские»¹. Вся деятельность бюрократии пронизана слепым подчинением авторитету и осуществляется по обусловленным принципам, традициям, ритуалу. «Верхи» и «низы» в системе надежно связаны круговой порукой, первые полагаются на «низы» в частностях, вторые — на «верхи» во всеобщем.

В советской литературе критерии бюрократии, определенные К. Марксом, в равной мере применяются к различным ее системам. Такой подход следует уточнить. Классово антагонистическому обществу, например, присущ признак корпоративности, но он не является для него определяющим. Корпоративизм как признак не показывает явление всесторонне, не раскрывает его сущности. Основное в деятельности чиновничества — служение своему классу: оно не толь-

ко не стоит на его пути, но, напротив, постоянно этот путь расчищает. Что же касается определенной независимости бюрократии от тех или иных групп этого класса, то надо иметь в виду, что интерес класса не может быть представлен как всеобщий, возведен в закон, если чиновничество относительно несамостоятельно. Для бюрократии это лишь маскарадный костюм, видимость независимости, которую она демонстрирует, ее необходимая принадлежность.

Как основной признак бюрократии — классовая определенность, так и производные — относительная самостоятельность, корпоративность — это взаимосвязанные стороны ее бытия, их единство абсолютно; между ними существуют противоречия, но они относительны и, как правило, всегда разрешимы.

В чиновничьей системе возможны нарушения, отклонения — явления деклассирования как отдельных групп профессионалов-управленцев, так и должностных лиц, например включение в оппозиционные движения, связи с преступным миром и т. п. Но в случае если подобная ситуация не предусмотрена принципами регламента, они переходят в другое качество, перестают представлять свой класс, свою общественную группу, ту публичную власть, к которой относятся. Явные, очевидные перерождения профессионалов-управленцев система отторгает от себя.

Краткий анализ классического бюрократизма как общественного явления при всей его фрагментарности все же дает нам представление о главном — показывает сущностные признаки явления и позволяет исторически подойти к проблеме. Появляется возможность, сравнивая разные типы бюрократии, приблизиться к пониманию «нашего» типа — его вида, особенностей и т. п.

2. КОРПОРАТИВНЫЙ БЮРОКРАТИЗМ

Присущ ли бюрократизм социализму? Может быть, новый строй мог бы его миновать? В данном случае, говоря о бюрократизме, акцент делается на культивировании аппаратом своего группового интереса, на концентрации им в своих руках власти, на его политике командования и подавления силой. Если иметь в виду идеал социализма, т. е. общество, свободное от недостатков прошлых формаций и извра-

щения новых идей, то можно полагать, что бюрократизму нет места в нем. Но в жизни в чистом виде социализм не возникает. Произрастая из недр прошлого, он отягощен отмирающими незрелыми учреждениями и связями, противостоящими ему силами. Пролетариат реализует свою историческую миссию в условиях не только союза, но и борьбы с классами и группами. В отличие, однако, от эксплуататорских классов он использует власть не только для установления своего господства, но прежде всего для ликвидации эксплуатации, насилия, классовой и групповой исключительности, сужая, стало быть, и сферу бытия чиновничества. В новых условиях бюрократизм теряет старую классовую ориентацию, в прежнем обличье его уже нет, а при усилении социалистических начал он мыслится как захиревший или даже шаржированный, сводится к проявлениям формализма, волокиты и т. п. Но в обстановке застоя и разрушений в обществе бюрократизм получает «второе дыхание» — реанимируется, приобретает, правда, иное направление, паразитируя то на идее «обострения классовой борьбы», то на мифе «экстремизма экологических движений» и т. п., гипертрофируется, подобно раковой опухоли, разрывая социалистические связи.

Обратимся к системе отношений, сложившихся в нашем обществе между труженниками — классами, общественными группами и «особым слоем людей» — профессионалами-управленцами, призванными проводить их волю. Рассмотрим те обстоятельства, факторы, которые создавали простор бюрократизму и по сей день все еще оживляют его, те признаки, которые присущи такому явлению. Выделим то определяющее звено интересов, на которое ориентирован аппарат.

Система отношений между классами и аппаратом. Итак, обратимся к классовой стороне взаимосвязи. При социализме нет классов «в собственном смысле», т. е. таких, которые бы культивировали свой эгоистический интерес, подавляя других, нет, следовательно, и классовой основы для бюрократизма. При нем свершился предсказанный К. Марксом «переход к уничтожению всяких классов», к обществу без классов. С понятием «уничтожение» Маркс связывал процесс утраты прежних классовообразующих особенностей. При социализме проблемы взаимоотношения рабочих и

крестьян разрешаются на основе их сотрудничества, а не борьбы. Трудящиеся выступают субъектами социалистической собственности — средств производства, субъектами и объектами общественного производства, получают за свою работу «по труду». Различия, которые разъединяют их, преодолеваются в процессе развития производительных сил, новых технологий и связанного с ними разделения общественного труда, форм его кооперации. Когда промышленный и сельскохозяйственный труд потеряет свою специфику, тогда, видимо, классы как бы отомрут, перерастут в другую общность. Ориентир на становление в стране общества без классов, в исторических рамках наших поколений, не отражает реальности.

В переходный от капитализма к социализму период особый интерес рабочих был противоречив, направлен не только на союз с классами и группами, но и на борьбу с некоторыми из них. Однако и тогда он отражал интересы трудящегося большинства. Рабочие противостояли господствующему в прошлом меньшинству, паразитическим слоям, присваивавшим труд других, сеявшим ненависть, распри. Их борьба была открытой, направленной на преодоление реального сопротивления новому, революционному, она не нуждалась в приукрашивании, в аппаратном прикрытии.

Какие классовые реальности вызывают к жизни бюрократизм, признаки которого — отчуждение власти от трудящихся, незащищенность людей от аппарата? Классовые отношения, даже когда они свободны от прежнего груза — классового антагонизма, имеют разные начала, которые противоречиво влияют на власть: развитые социалистические, ориентированные на коммунистические, и неразвитые, не ориентированные, негативные, полученные от прошлого, захиревшие и т. п. Вторые начала, когда они не включены в созидательную деятельность, могут не только тормозить развитие первых, но и разрушать их. Можно полагать, что отчуждение власти от трудящихся связано прежде всего с неразвитостью ряда слоев рабочего класса и крестьянства, отношений сотрудничества между ними. И далее, с незрелостью тех радикальных сил и, следовательно, связей, которые призваны выражать коренные интересы классов, направлять созидательный процесс, например с ослаблением «работоспособности Политбюро и Секретариата. и

в целом Центрального Комитета КПСС, его аппарата, а также правительства»². Неразвитость, незрелость исходных начал позволяет аппарату по-своему развивать отношения. Выступая от имени рабочих и крестьян, рядясь в форму классовости (или народности), он по сути представляет не их коренной интерес, а свой, групповой.

Классовый признак, который присущ классической бюрократии, при социализме приобретает иное содержание. В эксплуататорском обществе он прямо отражает интересы господствующего класса. В неантагонистическом обществе при неразвитости социалистических сил и отношений классовый признак фактически, правда не прямо, отражает интересы аппарата. Используя систему власти, профессионалы-управленцы юридически от имени рабочих и крестьян, но по сути и не спрашивая их распоряжаются государственной и общественной собственностью.

Классовой реальностью, воспроизводящей бюрократизм, выступает «вождизм», рост в центре и на местах, используя ленинские слова, «вождей негодных», которые культивируют свое отчуждение от трудящихся, свою исключительность и т. п. В их среде получили развитие такие начала, как кастовость, узость состава («олигархия»), которые являются следствием разрушения не только социалистических, но и обычных, нормальных, простых отношений «вожди — классы», «вожди — партия», «вожди — аппарат». Рабочие, крестьяне не информированы «кто есть кто» из лидеров, плохо знают многих членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК, краткие сведения о руководителях, публикуемые в печати, по их мнению, скудны. Правомерно, однако, требование граждан знать жизненный путь людей, которые стоят у руля власти, их достоинства и недостатки, их личный вклад в конкретное дело и в том случае, если они его провалят, их ответственность.

Руководители стали ездить по стране. Но не вошла в практику проверка их прессой, митингами и другими средствами, выражающими настроение, массовое и групповое мнение трудовых коллективов, различных общественных движений; проверка их при выборах на пленумах и сессиях обсуждением или тайным голосованием. Трудящиеся спрашивают: «Почему .. в печати пока нет критики конкретных работ-

ников ЦК КПСС, Совета Министров, крупных руководителей? Или они никогда не ошибаются?»³ Они высказывают сожаление о том, что руководители позволяют себе «брезгливо отмахиваться от мнений «сторонних»», что они не подготовлены к публичным дискуссиям⁴ и т. п. Выборы лидеров в центре в народные депутаты СССР проводились при отсутствии альтернативных кандидатов, по списку «100», узким кругом — высшим эшелоном.

Кастовость проявляется в почти пожизненном пребывании руководителей в своей должности, в результате чего, показывает практика, в целом и кадровый корпус остается неизменным. Решение XIX Всесоюзной партийной конференции избирать «на ту же должность не более чем на два срока подряд» предстает еще выполнить, оно, что существенно, адресовано не настоящему, 50—60-летнему и более, а будущему поколению. Лидеры не имеют прямой, непосредственной связи с широкими массами трудящихся.

Кастовость связана с сужением состава лидеров, принимающих решения, при которых возможны как раскол, нарушающий работу органов власти, так и бездействие части состава, прикрываемое славословием в адрес «первого», отход от общечеловеческих взглядов на простые вещи и т. п. Кастовость связана с гипертрофированием чисто личных свойств «вождя», при котором в общественное сознание внедряются стандарты эпохи Сталина, Хрущева, Брежнева. Она проявляется в практике принятия решений «опросом», на основе только виз — подписей, поставленных келейно тремя-двумя порознь, а то и одним, без обсуждения и т. п.; использования таких анонимных форм руководства, как «есть мнение», что позволяет, с одной стороны, быть в тени, когда возникает проблема ответственности, а с другой — творить произвол.

В предреволюционные годы, когда лидеры находились на нелегальном положении, в подполье, существовала необходимость ограничения их прямых контактов с рабочими, иными группами трудящихся. Сохранение прежних ограничений в новых условиях, при социализме, когда они у власти, разрушает социалистические начала, изолирует их от масс.

Бюрократизм использует и идеологию «вождизма» — ложные идеи, вызванные к жизни потребностями

ми «вождей», воплощенные ими в политические установки, в практическую деятельность аппарата и т. п. Примером таких идей явились передержки И. В. Сталиным высказываний В. И. Ленина о том, что крестьянство якобы «последний капиталистический класс», который в годы социалистического строительства подлежит уничтожению; обещания Н. С. Хрущева, что не только потомки поколения 1961 г., но и оно само «будет жить при коммунизме!»; утверждение Л. И. Брежнева о нашем ускоренном продвижении к обществу, «в котором не будет деления людей на классы». Касаясь развития социалистических классов — рабочих и крестьян, они исходили из собственных волевых ориентиров, а не из существующих различий в производительных силах города и деревни, из определяемого ими разделения труда и тому подобных обстоятельств.

В годы культа Сталина, например, сотрудничество рабочих и крестьян, когда, как отмечалось на XVIII съезде партии, «социализм в основном построен», связывалось с результатами ликвидации «последних остатков капиталистических элементов», или, иными словами, трудящихся групп крестьянства, ибо кулачества уже не было. Сотрудничество преломлялось через историческую миссию пролетариата — уничтожение всяких классов, которую он выполнял по отношению к несоциалистическим классам в переходный период. При этом искажался смысл понятия «уничтожение». Оно трактовалось как социальное бесправие — рабство и нередко как смерть, а не как утрата группами прежних классовобразующих признаков. В годы застоя сотрудничество рабочих и крестьян продолжало разрушаться, этому способствовали политика преобразования тысяч колхозов в совхозы и другие обстоятельства.

Ложные идеи, ставшие политическими установками, вызывают в аппарате антидеятельность — ведут к разрушению социалистических начал, норм, отношений, к выдворению из аппарата прогрессивных, радикальных сил. Перерождаясь, система отчуждается и от представительных органов, и от трудовых коллективов, от трудящихся масс. Она теперь ориентируется только на то, что говорит лидер. Последствия, которые связаны с таким разложением аппарата, трагичны

Система отношений между общественными группами и аппаратом. С развитием социализма, с одной стороны, вместе с прошлыми правящими классами исчезли и составляющие их, сопутствующие им общественные группы; те же, которые сохранились, например некооперированные кустари, прислуга, служители культа, весьма уменьшились численно, потеряли прежнее значение, можно сказать, зачахли. С другой стороны, с приходом к власти рабочих и крестьян как классов возникли, получили развитие новые общественные группы, в большинстве и в основе своей объединенные идеями социализма, созидательной деятельностью: при упрочении социалистических начал, казалось бы, не может быть отчуждения от них публичной власти. В новых условиях уровень образования и политическая культура передовых рабочих и крестьян приблизились к тем, которые присущи профессионалам-управленцам. И если в переходный от капитализма к социализму период неграмотность, политическая незрелость исключали, ограничивали прямое участие рабочих в управлении, проводником воли большинства выступали отдельные пролетарии и слой прошлой, революционно настроенной интеллигенции, то с укреплением позиций социализма, когда неграмотность исчезла, неразвитость во многом преодолена, часть рабочих и крестьян могла бы получить возможность управлять непосредственно.

Однако в годы культа личности Сталина, в период застоя и т. д. сложившееся отчуждение рабочих и крестьян от управления сохранилось. Не только передовые слои трудящихся, но и прошедшие проверку пролетарии-революционеры, преданные коммунистическим идеалам представители интеллигенции, выступавшие против термидорианства, оказались за бортом власти. Какие обстоятельства вызвали сбой? Одним из них, определяющим, можно сказать, было нарушение в системе «общественные группы — лидеры». Со времени революции и гражданской войны действует односторонняя связь, когда не коллективы трудящихся определяют состав руководящих органов, как должно быть, а лидеры; положение, вызванное к жизни прошлыми экстремальными условиями — враждебным противостоянием групп. Классовый антагонизм в его крайних формах, породивший вражду

среди групп, исчез, но односторонняя связь, чуждая новым отношениям, осталась.

В представительный состав руководящих органов и сегодня, исключая, с оговорками, недавно избранный состав Съезда народных депутатов СССР, включены только те работники, которые либо отвечали требованиям разнарядки, т. е. подпадали под определенные схемы (национальность, партийность, возраст и т. п.), либо значились в номенклатуре, были «лично известны» «наверху» и т. п. Для партийных руководителей, например, «депутатство было по сути дела приложением к должности, сопутствовало ей, как «вертушка» в кабинете, место в президиуме... Сказать о себе «народный избранник» с полным основанием могли далеко не все депутаты»⁵.

В настоящее время изменен порядок выборов народных депутатов Советов. Трудящиеся выступают с требованием перестроить взаимосвязи во всей представительной системе — в партии, Советах, общественных организациях. Суть их требований в том, чтобы в руководящие органы входили не просто для фасада — свинарки, доярки, токари и т. п., для исполнения указаний лидера, а Лидеры! Политики! По мнению людей, необходимо как можно скорее покончить с «прежней заданностью к биографии депутата — ...возраст, пол, общественное положение...»⁶. Вскрылась неразвитость нового порядка выборов. Трудящиеся спрашивают: «...чьи интересы будут представлять люди, выдвинутые общественными организациями?»⁷ Нельзя не учитывать, что сегодня общественные группы подготовлены к тому, чтобы и выдвижение, и избрание от имени их организаций осуществлялось ими не опосредованно, пленумом, а непосредственно, прямо.

Другим обстоятельством, вызывающим отчуждение, явилось то, что опорой лидеров, определяющих политику, стали не выборные представительные органы, не их представители, а аппаратчики, отягощенные прошлым подходом к управлению, твердые в проведении интересов как непосредственных начальников, так и, конечно, собственных, но не общественных групп.

В переходный от капитализма к социализму период рабочие и крестьяне не могли управлять страной, опираясь только на свои силы: передовые рабо-

чие, крестьяне, красноармейцы — вчерашние пролетарии города и деревни — были в большинстве либо малограмотны (умели только читать), либо неграмотны. В связи с этим были привлечены к управлению специалисты-служащие, представляющие аппарат прошлых классов.

В то время, по данным статистики, специалистов-служащих в Советах по численности было столько же, сколько рабочих. Специалисты-служащие выступали основными носителями знаний и навыков исполнительно-распорядительного труда. Но с ними в управление привносились и бюрократические начала. Избранные в Советы рабочие и крестьяне, необразованные, не искушенные в политике, познавали азы новой для них деятельности, перенимая при этом и негативные моменты. На специалистов-служащих опирались и лидеры, организуя систему управления. Они использовали старые элементы, образуя иерархию подчинения, номенклатуру должностей, составляя регламенты и т. п. В последующем объективные условия изменились, представители групп рабочих, крестьян, новой интеллигенции образовали кадровый состав управления, но прошлые, корпоративные начала остались, практика опоры лидеров на специалистов-служащих закрепились.

В результате сложилось опосредующее звено между лидерами и выборными представителями общественных групп (представительным составом) — выборные исполнители, верхний эшелон аппарата, включенные в органы власти, в сущности определяющие политику. Возникла самозащитная функция аппарата — выборные исполнители стали «создавать» своих лидеров, ограждать их от всевозможной оппозиции со стороны рядового представительного состава, критики «снизу» и т. п. В настоящее время все, кто сегодня у власти в центре и на местах, порождены аппаратом. В сращивании лидеров и выборных исполнителей, в главенстве последних над первыми, когда консолидация перерастает в коррупцию, в диктате тех и других по отношению к рядовому представительному составу и тому подобном таятся причины корпоративности.

Отчуждение общественных групп от власти было вызвано и таким обстоятельством, как негативное отношение лидеров и их окружения к критике в их ад-

рес со стороны передовых представителей рабочих и нных слоев трудящихся. Критика рассматривалась ими как «уклон», «бузотерство» и т. п. В итоге тот слой пролетариата, который призван был поднять рабочих, большинство трудящихся до уровня субъекта власти, не выполнил своей миссии. Он был пропущен через жернова репрессивной машины: одна его часть оказалась фактически ликвидированной, другая — политически деморализованной.

Негативное отношение лидеров и их аппаратного окружения к критике проявляется и по сей день, питая сложившееся отчуждение. Ушло в прошлое рассмотрение недовольства как обострения классовой борьбы, «руки врага» и т. п. Рецидивы, правда, встречаются: иногда критические замечания без анализа их существа определяются как «мелкобуржуазный выброс настроений». Осталась практика не допускать критику «снизу» до аудитории — запрещаются собрания, митинги и тому подобные выступления, гарантированные законом, причем даже тогда, когда речь идет о жизни и здоровье, о сохранении природы; перехватывать критику, как бы арестовывать ее — изымаются подготовленные к печати статьи и обзоры, снимаются с проката фильмы и т. п., вскрывающие вседозволенность, произвол в управлении.

Публичная власть нашего общества: ее сущность, признаки. Социалистическая система власти коренным образом отлична от буржуазной. Ее изначальная цель — выражать интересы трудящегося большинства. В переходный период, когда существовал классовый антагонизм, публичная власть осуществляла классовое принуждение, вела борьбу с контрреволюционными группами. Как только предпосылки вражды исчезли, необходимость в классовом и групповом насилии отмерла. Но посмотрим, какие обстоятельства вызвали массовые репрессии нашей стране в 30-е и последующие годы.

Необходимым обстоятельством развития социализма в обществе является наличие в нем сущностных как объективных начал, так и субъективных. Новые реалии, например неантагонистическая структура строя и др., должны получить свое отражение в общественном мнении, в программах массовых движений, политических установках «особого слоя людей»

Бюрократизм как одно из начал в системе Советской власти стал фактором, угрожающим развитию нашего общества — социальным классам и общественным группам трудящихся, каждому человеку. Он порастил на всех уровнях все сферы жизни, прежде всего экономическую, но в той же мере и социальную, связанную с воспроизводством людей их бытом и т. п., и политическую. Он нарушил всю систему социальных отношений, «разъел», развалил ее. Относительная самостоятельность публичной власти по отношению к различным слоям и группам трудящихся переросла в абсолютную. Избранные народа превратились в подсобное средство для профессионалов-управленцев. Возникли «зоны вне критики», разрыв между словом и делом, полуправда, дефицит гласности, анонимные мнения, опросные решения и тому подобные незуитские атрибуты.

Бюрократия низвела всех, кто не входит в ее круг, до социальной, а многих до физической нищеты, сделала их фактически бесправными. Бесправию трудящегося большинства она противопоставила злоупотребления, вседозволенность. В ходу у нее клевета, увольнение с работы⁸, помещение в психиатрическую больницу, рассылка справок, что такой-то недовольный состоит на учете в психоневрологическом диспансере и «переписка с ним нецелесообразна»⁹, незаконные обыск, арест, возбуждение уголовного дела, понуждение к лжесвидетельству, круговая порука, коррупция¹⁰ и т. п. В вышестоящие партийные и государственные органы, вплоть до ЦК КПСС и Совмина СССР, она шлет недостоверные, односторонние справки, по которым опять же аппаратом дела списываются в архив без проверки.

Казалось бы, «особый слой людей», представляющий публичную власть, вышел из народа. Вроде бы его конечные цели и цели трудящегося большинства едины — все строят социализм, в один голос выступают за перестройку. Применительно ли в таком случае понятие «бюрократия» к кадрам управления? Ниже вопрос рассматривается специально. Здесь же отметим, что дело не в происхождении профессионалов-управленцев и не в их высказываниях. «Особый слой людей», как отмечалось выше, приобретает облик бюрократии, когда он дегуманизируется, деклассируется, использует государство как свою собственность

для себя, против других. Именно в этом случае появляется знак равенства между управленцем и бюрократом.

Профессионалы-управленцы становятся бюрократами в условиях, когда направленность работы аппарата определяют ложные, неверные ориентиры, когда в управлении развиваются начала корпоративности и коррупции. Если аппарат поражен бюрократизмом, то работники, составляющие его, непременно бюрократы. Система, основанная на групповом эгоизме, сохраняет тех, кто подчиняет ему свои интересы и поступки, и, напротив, она отторгает от себя «белых ворон» — выразителей всеобщего интереса или сугубо личного.

Определим признаки бюрократизма в нашем обществе. Сравнивая классический бюрократизм с «нашим», важно видеть не только общее, что сближает их (они по сути антинародны, взращены классовыми, корпоративными началами и т. п.), но и особенное, что различает. Если в антагонистическом обществе, например в буржуазном, бюрократия — определяющее начало в управлении — вызвана к жизни классовым противостоянием, интересом господствующего класса, поставлена как наемная сила развитой монополистической группой в определенные экономические, социальные, политические и правовые рамки, то в социалистическом обществе бюрократия — иное начало в управлении: она — наследие прошлого и развивается при ослаблении, разрушении социалистических основ. *Бюрократия вызвана к жизни негативными факторами: неразвитостью революционных и демократических сил и движений, незрелостью социалистических начал в сфере управления и т. п.* Более подробно проблема факторов бюрократизма в нашем обществе рассматривается ниже. Здесь же отметим, что в силу неразвитости общественных сил и отношений бюрократия получила при социализме спонтанное, неограниченное развитие.

В отличие от классической бюрократии «нашу» при всем ее росте нельзя ни увидеть, ни услышать. Вход в клан «строго по пропускам»: «подарки»-взятки, «услуги»-взятки; семейные и родо-племенные связи; исполнение любой воли лидера. Используя свое положение в системе управления, манипулируя неразвитым извращенным сознанием, психологией, поведе-

нием людей, вызванными репрессиями, угрозами, бюрократия рядится в одежды «слуги народа», отождествляет себя с лидерами и лучшими представителями классов и общественных групп. Ее «теневое положение» позволяет ей, с одной стороны, быть фактическим обладателем общенародной собственности, публичной власти, возвысить себя над законом и т. п., а с другой — шельмовать те революционные силы (сегодня — сторонников перестройки), которые противостоят ей, определять их как чуждые народу, как экстремистские, подавлять их, используя все — прессу, правоохранительные и карательные органы и даже армию без согласия представительных органов власти, избранных народом.

Если иметь в виду сущностное начало «нашего» бюрократизма, то его определяющий признак не классовость, включающая момент всеобщего, даже не собственно интерес пролетариата, а *корпоративность*. Управленцы, а не классы и группы сосредоточили у себя и средства, и власть, возвели свою волю в закон. Экономические, социальные, политические и иные сферы и институты получили развитие только в связи с потребностями первых (управленцев), а отнюдь не вторых.

Борьба радикальных сил общества против бюрократизма сегодня является схваткой, принимающей подчас крайние формы — противостояние, антагонизм. Особенность борьбы в том, что ведется она не с отдельными «ведомственными преувеличениями» нерадивых исполнителей, а с административной системой, носителем корпоративизма которой — «без лица». Бюрократия занимает прочные позиции в партийных, государственных и общественных органах, ее представители связаны круговой порукой, находятся вне контроля. Не гнушается бюрократия и отношениями с преступным миром. В печати высказываются даже такие опасения: «Как бы не начала вытесняться родимая наша, исконная бюрократия бандократией, властью бандитов»¹¹.

Встает вопрос: как совместить борьбу с бюрократией с установкой «беречь и укреплять авторитет руководителя»? Очевидно, что такое совмещение возможно, если руководитель не только не отчужден от трудящихся аппаратом — помощниками, секретарями, дежурными, но и на словах, и на деле идеологи-

чески и организационно противостоит корпоративности.

Чтобы управлять, нужно быть готовым к исполнительно-распорядительной деятельности, иметь штат профессионалов-управленцев. Но если в первые годы Советской власти требования профессионализма преграждали путь в аппарат не подготовленным к управлению рабочим и крестьянам, то теперь, когда уровень знаний, образованности масс значительно вырос, требование профессионализма не влечет прежних ограничений. Субъектом исполнительно-распорядительной деятельности, причем сущностной ее стороны — распорядительной, могут быть только истинные представители народа: народные депутаты и их партнеры — общественные союзы и демократические движения. Профессионалы-управленцы нужны, но как специалисты и технические исполнители. Сохранение прежней отчужденности в управлении создает почву для воспроизводства бюрократии.

3. ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР КОРПОРАТИВИЗМА

При каких обстоятельствах социализм может успешно бороться с бюрократизмом? Каков его иммунитет к извращенному управлению? В нашей стране, можно сказать, уже в 20-е годы определились контуры программы борьбы с бюрократизмом: коммунистическая направленность политики; обучение и включение в управление лучших сил рабочих и крестьян; внедрение научных основ в организацию и деятельность аппарата. Принципы, выработанные при участии В. И. Ленина, отражены в материалах VII—XI съездов Коммунистической партии, в послеоктябрьских работах Владимира Ильича, в последних его статьях и письмах. Во главу угла ставилось сохранение единства основных социалистических сил, определяющих сущность аппарата, формирующих его; сближение наций и народностей на основе взаимного доверия и добровольного согласия. В. И. Ленин призывал «внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их»; «...лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить»¹². Далее акцент делался на внесе-

нии партий в организацию и работу аппарата коммунистических начал. Аппарат при этом понимался широко — как система представительных и исполнительных органов. Намечалось совместное обсуждение государственными и партийными органами вопросов внутренней и внешней политики, выдвижение в Советы наиболее преданных социализму и стойких членов партии. И наконец, в ряду мер по преодолению бюрократизма предлагалось сужение, ограничение относительной самостоятельности аппарата: контроль и участие рабоче-крестьянской инспекции в улучшении работы аппарата, «начиная от самых мелких и частных и кончая высшими государственными учреждениями»; исключение преувеличения «администраторства»; максимальная экономия — изгнание из аппарата «всех следов излишеств»¹³

Какие же обстоятельства вызвали рост бюрократизма вместо его сужения? Можно ли сказать, что выработанная программа борьбы с ним не отразила потребностей развития?

В полной мере о причинах роста бюрократизма в стране можно будет говорить, видимо, после анализа первичных материалов, отражающих работу аппарата, причем не только 30—50-х годов, но и 70—80-х, включая последние годы, что, разумеется, станет возможным тогда, когда будут открыты архивы. Но некоторые из них очевидны уже сегодня. В числе причин, думается, следует отметить неразработанность теории о месте и роли в социалистическом обществе руководящих партийных органов (ЦК, в том числе Политбюро, Секретариата, лидеров партийных органов, вторых, третьих и иных руководящих лиц), о системе отношений партийных органов, лидеров с органами государства.

Здесь необходимо отметить, что лидер (вождь) многогранен, что власть, сосредоточенная в его руках, позволяет ему, как известно, по-разному влиять на развитие исходных начал общественного строя, определять физически и социально судьбу миллионов людей и т. п. Мы свыклись с догмой, что лидер — великий человек и как таковой он выражает всеобщее, необходимое, т. е., с одной стороны, «указывает новые общественные нужды» (Г. В. Плеханов), с другой — не может навязать обществу такие отношения, которые не соответствуют состоянию производитель-

ных сил и т. п. Но лидер, оказывается, редко когда велик и часто, используя власть, всеобщее подменяет особым, групповым (И. В. Сталин, Л. И. Брежнев), необходимое — случайным, волевым (Н. С. Хрущев). В связи с этим, думается, необходима выработка норм, детально определяющих права и обязанности лидера в обществе по отношению к органам власти и т. п.

К обстоятельствам, которые ослабляют социалистические начала, относятся возникший в стране, как отмечалось, *«застой в руководстве»*, незрелость ЦК КПСС, его руководящих органов, партийных комитетов¹⁴, например, при определении стратегических задач, при выборе и оценке руководителей (Сталина, Хрущева, Брежнева), допущение прямого подчинения партийным органам карательных органов и т. д. Незрелость проявилась в недооценке не только нетерпимых личных качеств лидеров, но также опасности сосредоточения в их руках необъятной власти.

Неопределенность положения партийных органов и их лидеров в руководстве обществом, незрелость внутрипартийных отношений и связей внутри ЦК, между лидерами не только ослабили в 20-е и последующие годы социалистические начала в обществе и партии, но и привели к их серьезному разрушению. Сталин, используя моменты размежевания сил в ЦК, Политбюро и среди лидеров, необъятность своей власти и т. п., ревизовал ленинскую линию на построение социалистического аппарата и на борьбу с бюрократизмом. Он исказил в печати взгляды радикальных сил партии, прежде всего в Политбюро и в ЦК, — сил, выступавших против термидорианства со стороны Сталина и его окружения, объявил их контрреволюционными и поручил карательным органам расправиться с ними. Сталин положил в основу построения аппарата антисоциалистические начала, преподнес их как ленинские. Был разрушен фундамент новой власти — союз рабочего класса и крестьянства. В отношении между классами, общественными группами были внесены начала антагонизма. Произошло отчуждение социалистической собственности от трудовых коллективов, непосредственных производителей. Административные «преувеличения» (произвол бюрократии и органов безопасности) перечеркнули намечавшиеся шаги по развитию само-

управления народа. Одни деформации и разрушения влекли за собой другие. Исполнительные органы присвоили себе роль выборных, оставив последние лишь в качестве декорации. Возникли такие явления, как вседозволенность, произвол аппарата, включая массовые репрессии в отношении невинных людей, и т. п.

Кульминационной точкой развития бюрократизма стал момент появления в системе в зрелой форме культа личности, ставшего ее сущностным началом и ведущей стороной, а в управлении — определяющим фактором корпоративизма.

Посмотрим, как становление культа личности Сталина разрушало в управлении социалистические начала и усиливало корпоративные (причем при наличии, во-первых, научно взвешенных постановлений VIII съезда партии о партийном и советском строительстве, о взаимоотношениях между партией и Советами и, во-вторых, революционных сил, подготовленных к новому строительству). Остановимся кратко на основных моментах развития.

Впервые Сталин искажил принципы построения системы управления и государственного аппарата, выработанные VII—XI съездами партии, в «Отчете об организационной деятельности ЦК», с которым он выступил на XII съезде РКП(б) в 1923 г. (заметим, еще при жизни Владимира Ильича, но в период, когда из-за болезни он уже не мог выступить, внести коррективы). В «Отчете» при ссылке на последние статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» превратно представлены отношения между рабочими и крестьянами; между рабочими, крестьянами, партией и государственным аппаратом. Союз, непосредственное сотрудничество рабочих и крестьян в рамках социалистической кооперации, в органах партии, государства и т. п., подменен таким руководством по отношению к крестьянству, при котором труженник земли отчуждался от рабочих, партии и государственного аппарата. От имени рабочего класса было заявлено, что руководство крестьянством осуществляет партия (т. е. партийные комитеты, точнее, партийный аппарат), причем опять же не прямо, а через государственный аппарат. В трактовке Сталина государственный аппарат есть «основной массовый аппарат, соединяющий рабочий класс, стоящий у власти, в лице его партии, с крестья-

яньством и дающий возможность рабочему классу, в лице его партии, руководить крестьянством»¹⁵ Иными словами, крестьянство было поставлено вне партии и социалистического государства. Ленин еще в 1920 г. показал несостоятельность подобных высказываний. В действительности, подчеркивал он, «у нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское», «рабочее государство есть абстракция»¹⁶.

В «Отчете», далее, искажены социалистические основы связи рабочего класса и партии, партии и государственного аппарата, общественных организаций. В нем содержатся чуждые коммунистическим принципам высказывания: о рабочем классе, дескать, можно говорить «как об армии.. партии», которую партия находит; партия-де «передает свою волю рабочему классу» при помощи «щупальцев», к числу которых относится армия наряду с профсоюзами, кооперативами и иными общественными организациями. В представлении Сталина «армия есть величайший аппарат, соединяющий партию с рабочим и беднейшим крестьянством». И мол, только такие «массовые аппараты» «связывают партию с рабочим классом, дают ей возможность превратиться в авангард, а рабочий класс превратить в армию»¹⁷. Все это преподносилось под маркой «коммунистической партийности», «ленинизма». В действительности до XII съезда партии в программных документах, в работах Ленина было четко заявлено, что класс создает партию, а не партия находит класс; что авангардность партии определяется научностью, действительностью ее политического руководства, а не «щупальцами» в виде армии; что армия — не аппарат, соединяющий партию с классом (классами), а, как определил ее VIII съезд партии, орудие «социалистической самообороны пролетариата и деревенской бедноты».

«Отчет» Сталина на XII съезде РКП(б) явился его политическим кредо в управлении. Он стал началом, с одной стороны, разрушения демократических принципов управления, с другой — подмены их иными, командными, вождистскими. На съезде, поскольку на первом месте стояли проблемы единства ЦК, никто из ораторов не выступил против неверных положений. Отсутствие критики позволило Сталину в заключительном слове сказать. «Я это понимаю как

выражение полной солидарности с теми предложениями ЦК, которые мы вынесли на ваше усмотрение». Впоследствии он не повторял столь однозначных идей в своих публикациях, но не отказался от них. Он ориентировался на командные, вождистские начала, искаженную систему отношений и претворил их в жизнь — превратил страну в одну большую казарму с генералиссимусом во главе.

В нашей литературе на «Отчет» как на исходное начало вождизма, можно сказать, культа личности Сталина не обращено внимания. Но он, думается, интересен сегодня тем, что показывает — *культу личности лидера предшествует его кредо в управлении, в основе которого лежат взгляды, искажающие социалистические, демократические принципы.*

В 1925 г. в «Политическом отчете ЦК XIV съезду ВКП(б)» Сталин сделал новый шаг по пути ревизии принципа взаимосвязи партии и Советов, сужения рамок сложившейся тогда демократии. Он заявил: партия «есть высшая руководящая сила государства»; «для нас, для большевиков, формальная демократия — пустышка, а реальные интересы партии — все» (имелась в виду существовавшая тогда в стране демократия). С одной стороны, оценивая слова о партии, можно сказать: вроде бы все правильно. В советском обществе считалось: партия — руководящая и направляющая сила, и ее реальные интересы в идеале отражают потребности трудящегося большинства. Но с другой стороны, задумаемся: что значит «высшая руководящая сила»? Известно, что вся власть в стране в соответствии с Конституцией «принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов» (текст Конституции СССР 1924 г.), а партия, следуя воле VIII съезда РКП(б), проводит свои решения через советские органы, не выходя за рамки Основного Закона. В новых обстоятельствах, создавшихся после возведения партии (точнее, ее лидеров, олицетворявших ядро партии) в ранг «высшей силы», по сути был перечеркнут государственный суверенитет, верховенство власти переместилось в партийные комитеты, к их лидерам, сузилась правовая ответственность руководителей, причем на верху пирамиды она совсем исчезла.

В 1922 г. Ленин квалифицировал случаи послабления коммунистам (ограждения их от правовой от

ветственности в силу их партийности) как ЧП. Спустя три года его слова: «Верх позора и безобразия: партия у власти защищает «своих» мерзавцев!!» (письмо в Политбюро ЦК РКП(б) от 18 марта) — стали гласом вопиющего в пустыне. Прерогативы власти перешли к партийным комитетам. Лидеры партии в центре и на местах получили прямой доступ к органам принуждения — органам безопасности, правоохранения, к армии, стали по сути прямыми распорядителями государственного механизма, толкователями права и т. п. Негативное отношение к социалистической демократии, представленной в виде «формальной демократии», «пустышки», привело к нарушению правовых основ гражданства, породило систему «теневого права», когда вожди встали над Конституцией и законами, только их мнение определяло, что принять, а что нет и т. п.

В «Политическом отчете ЦК XIV съезду ВКП(б)» по отношению к инакомыслящим прозвучали такие угрозы, как «политика отсеечения», «метод пускания крови». Только тактически тогда «отсеечение» и «пускание крови» не были взяты на вооружение — предстояло сделать еще ряд шагов: оговорить неугодных лидеров ЦК, отмечавших рост элементов термидорианства, извращение внутрипартийной демократии, осудить их решением ЦК и т. д. Но свое дело угрозы сделали. Страх сковал людей, критика «снизу» Сталина и его окружения почти прекратилась.

В 1927 г. в «Политическом отчете ЦК XV съезду ВКП(б)» Сталин пересмотрел выработанную партией при участии Ленина политику по отношению к средним слоям («частнику»), суть которой состояла в том, чтобы повернуть колеблющуюся массу в сторону социализма, не допустить раскола в крестьянстве. В 1919 г. Владимир Ильич в условиях обострения борьбы между пролетариатом и буржуазией так определил отношение партии и власти к обособленным мелким хозяевам, собственникам и торговцам: «...по отношению к этому классу... задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него»¹⁸. Семь лет, прошедших с 1919 г., существенно изменили соотношение сил в пользу социализма. Класс, который имелся в виду тогда, стал уменьшаться, терять свои особенности. Если лица, применявшие в своем хозяйстве наемный труд, к населению от 18 лет и

старше составляли (в процентах) в 1923 г в городах 6,4, в сельской местности — 5,2, то в 1927 г — соответственно 2,4 и 3,8¹⁹

В докладе Сталин ревизовал ориентиры. Политику приобщения средних слоев к социализму он заменил директивой борьбы с «частником», отбросив его в стан врагов, ввел практику «чрезвычайщины». Он призвал с трибуны съезда «ограничить, сократить и выжить (в смысле — убрать, изгнать! — М. П.)» собственника, причем не только экономически, но и административно — «через ГПУ». Обоснованием нового курса стал лишенный смысла довод «Сам сказал», т. е. утверждение вождя без какой-либо аргументации. Так, основанием для борьбы с «частником» стало высказывание Сталина о том, что в стране удельный вес средних слоев «не так уж мал». Истоком борьбы явилась и ложная информация. В СССР к этому времени численность кулачества уменьшилась, а в докладе отмечался «известный рост».

Отметим, что как довод «Сам сказал», так и искаженная информация (полуправда и т. д.) были признаком культа личности не только Сталина, но и последующих вождей, атрибутом корпоративности аппарата и тогда, и потом.

В «Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б)» Сталин включил противоречащие программным положениям партии и высказываниям Ленина взгляды на организацию государственного аппарата в стране, представив их как якобы «ленинские». По сути старый государственный аппарат, взятый в Октябре рабочими и крестьянами от царя и русской буржуазии, В. И. Ленин определял как слегка подкрашенный сверху советским. Он считал необходимым подвергнуть этот аппарат коренной перестройке, взяв за образец Наркоминдел (того времени!) Сталин вопреки Ленину по сути царско-буржуазный аппарат определил как «советский», как «высший по типу», сохранил его, ограничившись косметическими мерами. Ссылкой на Ленина он фактически снял вопрос о борьбе с бюрократизмом в аппарате, предупредив от имени ЦК, что критика должна знать пределы, не доводить дело «до развешивания государственного аппарата». Съезд принял парадоксальное решение: бюрократизм, порожденный нашим государством, «мо-

жет быть ликвидирован путем укрепления нашего государства». В результате Сталин получил необходимый ему репрессивный механизм, опробованный в прошлом, до социализма, но на нем теперь стоял знак съезда: «Вне подозрений».

XV съезд был последним, на котором еще высказывалась критика в адрес Сталина и его окружения, были представлены альтернативы его политике. Из 1669 делегатов только семеро (И. П. Бакаев, Г. Е. Евдокимов, Н. И. Муралов, Х. Г. Раковский и др.), рискуя, понимая обреченность, но надеясь, веря в разум собравшихся, осмелились выступить, призвать вчерашних соратников предотвратить опасность перерождения, нависшую над партией и страной. Но к сожалению, они не были услышаны. Их речи на форуме прерывались оскорбительными репликами со стороны не только ведущих заседание, но и подавляющего большинства присутствующих. Разумом, чувствами, поведением делегатов владела фанатическая вера в то, что Сталин — продолжатель дела Ленина. Иллюзия эта была порождена как манипулятивным воздействием на них вождя, его окружения, собранного в единый кулак пропагандистского аппарата (Сталин-де верен историческим основам большевизма, всегда поддерживал Ленина, не держится за свой пост, а иные лидеры — Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и др. — отступили от основ, предавали Ильича, устроили «бунт», сцепившись за власть), так и прямым подавлением недовольных. Своим поведением съезд, можно сказать, одобрил начавшиеся репрессии против демонстраций протеста и инакомыслия. С его согласия открылся путь к преследованию не только за критику Сталина (С. В. Косиор в выступлении при всеобщем одобрении зала отождествил Сталина со всей партией!), но и за взгляды, мысли, отличные от взглядов и мыслей лидера, большинства.

Отметим новое начало: сложившаяся при Сталине система запрета и преследования за протест и за критику как центральных органов партии, государства, их аппарата, так и лидеров, олицетворяемых с партией, — за критику, которая развенчивает, дискредитирует плохих руководителей, бюрократов, стала признаком вождизма и командной системы управления.

В 1929—1930 гг Сталин практически отошел от ленинизма и в определении тех сил, которые стоят у

истоков власти и призваны историей формировать государственный аппарат. Линия партии на союз рабочего класса с крестьянством, выработанная при участии Владимира Ильича, включала в себя кроме союза пролетариата с беднотой сотрудничество его со средним крестьянством и борьбу с кулачеством путем ограничения его эксплуататорских устремлений. Ленин, определяя политику отношения к собственнику, так ставил вопрос: «...как кооперировать, как «ограничивать» кулаков, не приостанавливая роста производительных сил...»²⁰ В СССР в 1926—1927 гг. в крестьянском населении и в крестьянских хозяйствах середняки составляли 73,7 и 69,8%, кулаки — соответственно 4,7 и 3,9%. Средняцкое хозяйство в среднем (Тульская губерния) имело лошадь, корову и на душу 0,7 десятины посева (десятина — 1,0925 га). Оно не применяло наемный труд. Кулацкое хозяйство было большим, но незначительно (сопоставимые данные): две лошади, до двух коров, на душу 1,09 десятины посева и до двух наемных рабочих²¹.

Сталин фактически отказался от союза рабочего класса со всеми группами крестьянства как от основы развития. Он (вспомним XII съезд партии) имел свой подход к решению проблемы. Его социальной базой стал аппарат, прежде всего государственный, карательный. Сталин напрямую приступил к определению политики всего государственного аппарата — от Совнаркома до наркоматов и ведомств. По сути он стал непосредственным руководителем карательных органов. Он ввел массовые наказания рабочих и особенно крестьян, выступавших против бесчинств властей. На селе бедняки включались в колхозы с грубым нарушением принципа добровольности, лишались права на паспорт, на миграцию. Средняки «раскулачивались» или, иначе, лишались «производственных источников... существования и развития»²², как и бедняки, они «приковывались» к месту, к колхозу. Грань между середняком и кулаком была весьма тонкой. И многие не только «раскулачивались», но и объявлялись врагами, репрессировались — ссылались, физически уничтожались.

В «Политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б)» в 1930 г. Сталин акцентирует внимание на развитии самокритики в борьбе с бюрократизмом, ограждая тем самым аппарат от критики, на неукоснительном

выполнении указаний по борьбе с врагами и т. п. Он расширил понятие «классовый враг». Им теперь становится каждый, кто усомнился в вожде, в проводимой им политике, в применяемых средствах борьбы с инакомыслящими и т. п.

В 1930 г. Сталин, можно сказать, завершил создание своей командной системы управления. Государственный аппарат, взращенный генсеком, стал практически, не считая вождя, полновластным органом страны: он командовал классами, общественными группами, депутатами Советов, представителями общественности, не выражая их воли, не будучи ответственным перед ними. *Новыми признаками системы стали прямое подчинение органов безопасности, правоохранения и других генсеку, возможность принятия им надзаконных решений (нарушающих верховенство законности и саму законность), включение в законодательство постановлений правительства, ведомственных актов и в итоге незащищенность граждан.*

Возникло новое для социализма явление: симбиоз корпоративного бюрократизма, отчужденного от классов, общественных групп и т. п., и культа личности, тогда, конечно, культа Сталина, но в сущности «первого лица», обожествленного до Творца; симбиоз, при котором всемогущество и всевластие бюрократии и вождя возможны только при их единстве. В 1930 г. окончательно определился принцип борьбы с инакомыслием — репрессии, физическое уничтожение.

В 1934 г. XVII съезд партии устранил последнее препятствие (правда, больше символическое, чем реальное, к тому времени), которое стояло на пути развития бюрократических начал в управлении, как-то сдерживало произвол вождя и его окружения. По предложению Сталина были ликвидированы ЦКК и РККИ. Известно, что ЦКК имела полномочия контролировать работу ЦК, Политбюро, Секретариата, генсека и т. д., а РККИ — «всех и всяких, без всякого изъятия, государственных учреждений...», как рекомендовал Ленин²³. Весьма показательно, что никто из делегатов не выступил в защиту контрольных органов партии и государства. Можно полагать, что ЦКК и РККИ не выполнили своей исторической миссии потому, что изначально им было поручено (и это не было связано с последними статьями В. И. Ленина) со-

гласовывать свою работу с «деятельностью ГПУ и НКЮ»²⁴; к тому же руководители их, как и других ведомств, стремясь избежать репрессий, выполняли требования, которые считали вредными.

Принципы построения аппарата управления, выработанные при участии Ленина, актуальны и сегодня, и можно утверждать, что только отход от них привел к трагедии — отчуждению власти от народа. Но предстоит большая работа по расчистке их от наслоений, навешенных неразвитостью начал, культом личности, волюнтаризмом и т. п., по развитию и обогащению их с учетом новых подходов и обстоятельств, по внедрению их в систему власти. Реформы 50-х годов по демократизации политических отношений нанесли удар по культу личности, но не опрокинули его, не разрушили основ сталинского управления. В середине 80-х годов ЦК партии взял курс на перестройку политической системы, на ленинский стиль работы лидеров. Но пока мы продолжаем иметь аппарат, не только во многом заимствованный у прошлого, но и плюс ко всему пропитанный с головы до ног корпоративностью, и лидеров, взращенных недемократическим аппаратом, и т. п. Если представить, что система управления останется такой, то можно ожидать нового культа личности и вызванного им очередного всплеска бюрократического произвола.

4. ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЮРОКРАТИЗМА

Каковы сегодня первоочередные задачи по перестройке аппарата? Что нужно сделать, чтобы не позволить бюрократии восстановить себя, т. е. свои ряды, организационные связи, подзаконные права, традиции и т. п., реставрировать культ личности, объединить бюрократизм и вождизм?

XIX Всесоюзная партийная конференция (1988 г.), констатируя в резолюции «О борьбе с бюрократизмом», что он «разросся до опасных пределов, стал тормозом общественного развития», не определила, однако, его как общественное явление. Но для того чтобы выполнить резолюцию, нужно быть во всеоружии. Важна такая научная программа по преодолению бюрократизма, которая основывалась бы на всестороннем анализе его предпосылок, на раскрытии

всех главных и неглавных признаков, в которой определялись бы основные виды явления, причем с учетом разных обстоятельств, и т. д.

Определим некоторые, но, как думается, главные подходы к такой программе.

«Ресурсы» бюрократии. В 1921 г. Ленин показал, что «сбросить» «бюрократический нарыв»... *нельзя*. Его можно лишь *лечить*²⁵. Вчера было нельзя, а сегодня? Для программы вопрос не праздный. В резолюции ответа на него нет.

Аппарат, как было показано выше, обюрокрачивается при определенных обстоятельствах, внешних и внутренних. Одни из них (внешние) находятся вне управления. Ими являются, например, кризисные ситуации в системе производства, в социальной сфере, когда нужда и тому подобное ограничивает активность людей; неразвитость общественных отношений — экономических, социальных, духовных, нравственных и иных, когда экономическое и тому подобное управление подменяется командным, волевым, не выражающим потребностей развития общественного производства, производительных сил страны, не кооперирующим труд и т. п.; неразвитость правовых отношений, когда развитие определяют не законы, а подзаконные акты, исходящие от ведомств. Существенно и такое обстоятельство, как культурная и тому подобная неразвитость общественных сил — групп рабочих, крестьян и других, которая ставит их вне управления.

Корни бюрократизма — в неразвитости общечеловеческих, классовых, групповых, этнических, демографических, семейных, личностных отношений; в нарушении, искажении связей между этими отношениями; в отсутствии плюрализма мнений демократических движений, исходящих как «сверху», так и «снизу». Еще живы, как мы видим, такие явления, как культ первого лица и аппарата, бюрократический централизм и т. п. В системе взаимосвязей, где одной из сторон выступают массы, нации, трудовые коллективы, группы, эти факторы остаются определяющими. Имеются очаги загнивания в отношениях — возрождение феодальных и даже родо-племенных отношений, произрастание преступных групп. Еще отчуждены от трудящихся, как отмечалось, гарантированные им социализмом свободы, например свобода митингов.

уличных шествий, демонстраций, ибо местные власти, не неся никакой ответственности, противодействуют, запрещают выступления и шествия (а также всячески мстят их инициаторам).

Другие (внутренние) обстоятельства, питающие бюрократизм, прямо связаны с управлением. Они коренятся в неразвитости политических отношений, прежде всего между политической системой и трудящимися, между звеньями системы и в самих звеньях. В настоящее время общество задыхается от неразвитости политических отношений. В стране идет процесс развития социалистических начал, но весьма противоречиво, подчас экстремально.

Бюрократия паразитирует на негативных сторонах общественного и группового сознания, психологии людей — на неверии в социалистические идеалы, страхе, невосприимчивости к добру, милосердию и т. п., вызванных как прошлыми событиями — репрессиями 30—40-х и 50-х годов, так и настоящими — трагическими ситуациями в экологии, развалом сельского хозяйства, промышленности и сферы быта и т. п.

Все эти обстоятельства взращивают бюрократию. И потому сегодня, как и вчера, «сбросить» ее директивно невозможно. Остается прежнее лекарство: лечить общество, но не на словах, а реально, сужать «ресурсы» бюрократии. Внешние и внутренние обстоятельства диалектически взаимосвязаны, вместе они образуют явление. Внутренние обстоятельства прямо связаны с управлением, но их содержание опосредовано внешними. Преодоление неразвитости всех отношений, усиление в них социалистических начал — существенный фактор борьбы с бюрократией.

Определим *субъект бюрократизма*, те чиновничьи силы, которые мы должны побороть. В резолюции, заметим, нет каких-либо ориентиров. В настоящее время имеются достаточные основания для вывода, что бюрократизмом поражены отнюдь не отдельные ответственные работники, а их группы в системе управления как по горизонтали, так и по вертикали. И вероятно, болен не только, используя образное выражение, «малоподвижный, инертный и вязкий партийно-административный слой», который-де колышется «между Центральным Комитетом и рабочим классом» и не хочет «радикальных перемен»²⁶, но и другие слои. Бюрократизм проник, как мы видим, и в

представительный слой, затронул ЦК партии в лице его некоторых членов, ныне бывших, например Д. А. Кунаева, С. Ф. Медунова, Я. С. Насриддиновой, И. Б. Усманходжаева, М. З. Шакурова и др., партийные комитеты республик, областей и т. д., получил прописку в общественных организациях. В общественном мнении возник «синдром недоверия» к выборным органам, в том числе партийным.

Встает вопрос: можно ли говорить о людях, причастных к управлению, например о 14,9 миллиона работников аппарата (на 1988 г.), в целом и конкретно, о всех и о каждом как о бюрократах? Материалы, которые известны, не позволяют сказать однозначно — «да» или «нет». Сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, констатируется факт «опасных пределов» бюрократизма (имеется в виду резолюция), с другой — все в неведении о нем. Еще никто не определил ни контингент бюрократии, ни степень разложения тех или иных слоев профессионалов-управленцев, если не считать мафиозные преступные объединения, раскрытые Прокуратурой СССР, в составе которых оказались «вожди» и «бюрократические пласты» некоторых регионов и ведомств.

Как быть? Анализируя материалы борьбы с организованным преступностью в Узбекистане, следует признать, что нужна проверка всех, включенных в управление, на предмет причастности их к бюрократии, разумеется, проверка открытая, гласная. И как показывает опыт, отнюдь не только ответственных работников, представляющих одну сторону системы, но и лидеров, т. е. другую сторону системы, ибо аппарат выступает прежде всего исполнителем воли «верхов». Нужна проверка и представителей выборных органов, которые во многом сегодня зависят от системы.

Но вот беда: если бы и появилась возможность такой проверки, то оказалось бы, что ни для одной из категорий кадрового корпуса не разработаны *критерии оценки*.

Допустим, что проблему решили, наметили возможные признаки отчуждения руководителей от руководимых. Для начала положили в основу суждения о лидерах, об ответственных работниках их отношение к выполнению конституционных норм, законодатель-

ных актов, принятых органами власти, их работу по рассмотрению обращений трудящихся. Исходные правовые положения, принимаемые Съездом народных депутатов, Верховным Советом СССР, постановления ЦК КПСС по важнейшим вопросам общественного развития определяют нормотворческую и практическую деятельность региональных и отраслевых систем управления, участие каждого руководителя и исполнителя в управлении. Взяв за точку отсчета определенный год, те или иные постановления, связанные с удовлетворением насущных потребностей людей, определив отражение постановлений в практической деятельности учреждения, истинную меру производительности труда («степень действительного и безотлагательного исполнения всех проходящих через него дел», наличие «скорох и исчерпывающих ответов» — критерии Ленина), мы получим более или менее верную картину отношения учреждения, его аппарата к нуждам людей.

Обращения трудящихся (письменные, устные) в органы власти и управления, в партийные и другие органы, собранные вместе, выражают наряду с личными интересами потребности больших групп населения.

Невнимание как к отдельному человеку, так и к группе лиц отчуждает лидеров и управленцев от трудящихся, возвращает корпоративизм, разрушает социализм.

И вновь возникает трудность — не определена, оказывается, *процедура оценки*. Не ясно, кто будет оценивать. В настоящее время борьба с чиновничеством ведется его же силами. Каковы ее итоги? Принимаются решения о сокращении аппарата при отсутствии научного расчета его величины. В ходе реорганизации он увеличивается, дорожает. На глазок определяются нефункциональные звенья, проценты сокращения; по должностям, личным связям решается судьба остающихся и увольняемых работников. Судя по печати, в первую очередь страдают те, кто не вписался в бюрократическую систему. И в результате «серьезные вопросы, — отмечалось на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС, — можно решить лишь после вмешательства Генерального секретаря... или Председателя Совета Министров», «многие министры ложно понимают интересы государства»²⁷

Проводимые реорганизации, перестановки, сокращения, имея в виду борьбу с бюрократизмом, неэффективны. Они не меняют сути системы, сводятся к манипулированию прежним составом и сложившимися связями. Чтобы радикально перестроить аппарат, необходимо как минимум в такой мере сменить состав, чтобы нарушить прежние связи, а в последующем периодически обновлять его.

Резервы демократии. Рассмотрим теперь те концепции, идеи, прогнозы, которые призваны всколыхнуть массы, овладеть их сознанием и энергией, и те революционные силы, без которых разотчуждения не произойдет.

Представим себе, что определен объект нашего интереса — субъект бюрократизма. Но сразу же возникает новая проблема. Ориентирами системы управления выступают неверные указатели: неполная, односторонняя информация, неадекватные реальным процессам призывы, установки, решения о развитии производства, общественных отношений, о революционных силах перестройки и т. д. Они дезорганизуют управление, делают работу партийных комитетов и органов власти ненужной, непроизводительной.

Остановимся на обстоятельствах, по сути определяющих момент разотчуждения, стратегию обновления, которые, однако, по сей день не приняты во внимание.

Дебюрократизация системы управления предполагает прежде всего реальное представление, знание народом той материальной основы, собственности (величины, состояния), которая оказалась отчужденной от него. Чтобы перестроить управление, надо владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. В настоящее время народ-«собственник» не имеет правдивой информации. Во взаимоотношении «народ — аппарат» преобладает монолог последнего, построенный на лозунгах: «Экономика постоянно набирает обороты», «Национальный доход увеличивается быстрее, чем предусмотрено планом» и др. Идеи о «росте», «приросте» и прочем не несут содержательной нагрузки.

Каково реальное положение? В народном хозяйстве страны идет разрушение производительных сил, несущее социальную и физическую нищету многим миллионам людей. Одно из основных проявлений кри

зиса — непосильные для общества непроизводительные расходы и потери. В 1988 г., по расчетным данным, они составляли 41% валового общественного продукта (превышали 600 млрд руб.). Из года в год к ранее имевшимся потерям добавляются все новые, причем все более грозные. Можно предположить, что в настоящее время в целом по народному хозяйству они выше 50% материальных производственных затрат и оплаты труда (в стоимостном выражении). Предварительные расчеты показывают, что при величине потерь, равной 20% валового общественного продукта, производство отбрасывается назад на 10 и более лет. Общество в таких условиях не обеспечивает товарной массой ни настоящие, ни новые поколения. Потери резко обесценивают рубль, ведут к массовой безработице, причем многомиллионной (полной, частичной, скрытой).

Вместе с тем ни ЦК КПСС, ни Верховный Совет и Совмин СССР не имеют верного представления о явлении, они не учитывают его в своих постановлениях, не влияют на процесс. Госплан, Госкомстат и Минфин СССР, министерства сегодня не имеют не только сводных данных, но даже методики учета всех непроизводительных расходов и потерь ни по стране, ни по отраслям и регионам. Суммарный подсчет ведется лишь по некоторым отраслям народного хозяйства, и то по ограниченному числу показателей. Данные по потерям, которые дают Госплан, Госкомстат и Минфин СССР, различны, несопоставимы. Имеющиеся показатели существенно занижены, не отражают реального положения дел. Так, в 1988 г., по свидетельству Госкомстата, потери материальных ресурсов в народном хозяйстве страны составили 36,4 млрд руб., в том числе в промышленности — 20 млрд, в сельском хозяйстве — 5,2 млрд руб. В действительности, как показано выше, ущерб от потерь был во много раз больше. В промышленности (где ежегодно гибнет половина произведенной продукции) убыток превышал 450 млрд руб. В сельском хозяйстве (в официальных выступлениях М. С. Горбачева и Н. И. Рыжкова говорится, что на селе гибнет 20—40% продукции) ущерб был в пределах от 47 до 95 млрд руб. Занижены показатели Госкомстата о потерях рабочего времени как по их величине, так и по тем убыткам, которые они несут обществу (см. Фе-

доров Н По неполным данным//Известия. 1990. 4 янв.).

Потери, представленные министерствами и ведомствами как необходимые затраты, искажают все показатели, в том числе данные о валовом общественном продукте, о производстве национальном доходе, о производительности труда и т. д. Парадоксально, но в таком случае, чем значительнее развал производства (неиспользование трудовых ресурсов, разрушение средств производства, хищение материальных и финансовых ценностей), представленный в стоимостном выражении как созидание, а при повышении цен на изделия и услуги — как развитие, тем стабильнее и даже выше показатели «роста», «прироста» и др.

Дебюрократизация системы управления прямо зависит от овладения народом общественными связями, отношениями, или, иначе, властью во всех сферах жизни (деятельностью нормативной, кадровой, организационной в экономике, в социальной сфере и др.). Представительство в законодательном органе, не сопряженное с распорядительной деятельностью в обществе, есть иллюзия власти, не более. Можно не быть избранныком, но, держа в руке нити управления, повелевать, саботировать, клеймить.

С сожалением приходится констатировать также, что сегодня ЦК КПСС, центральные органы власти и управления не имеют научной картины общественных отношений в целом, научного представления о системе социалистических связей, концептуального подхода к их перестройке. Практическая деятельность все еще определяется положениями и схемами, экстраполированными из прошлого, выработанными в XIX в., во времена К. Маркса, или в начале нынешнего. Когда общественные отношения не отражают социалистических начал, в развитии общества возникают застойные, предкризисные и кризисные явления, начинают доминировать стихийность, пассивность, появляются рецидивы прошлого — феодализма, капитализма. При этом сами отношения деформируются, а в итоге либо перестраиваются, либо подменяются новыми, возникшими первоначально в качестве «теневых» или групповых. Парадокс: лидеры и профессионалы-управленцы партийных и советских органов регулируют связи, которых не представляют

в их целостности и сущности (имеются в виду экологические, экономические, социальные, политические, нравственные и т. д., классовые, национальные, родо-племенные, демографические и другие отношения).

В итоге, например, при кризисе экономических отношений перестраивается не вся система, не все ее звенья, как должно быть, а отдельные ее стороны, некоторые из звеньев — то отношения распределения, то отношения собственности и т. д. При этом учитываются не реальные связи, а иллюзорные, рожденные кабинетно. В годы культа личности, в период застоя творческий поиск был не только не иужей, но и запрещен. В настоящее время не многое изменилось. Социальный заказ на такой труд и поныне отсутствует.

Революционным силам необходима консолидация творческих умов для определения жизненных и социалистических предпосылок, состояния природы, производства (материального, духовного), социальной сферы, для познания существующих и моделирования необходимых общественных отношений и др. В научных учреждениях проблемы как-то разрабатываются, но силы обществоведов разобщены, они лишены необходимого — статистических сведений, доступа к документам и т. п.

Выработка стратегических и тактических ориентиров, концепций и идей, анализ материалов, подготовка докладов, выступлений и т. п. — удел не только ученых, консультантов, но и, думается, прежде всего самих лидеров, концентрирующих информацию, мнения, связи. Невыполнение вождями своей миссии, перепоручение ее помощникам, другим работникам ведет к утрате ими политического первенства, к переходу власти в руки аппарата. В годы застоя сползание было абсолютным, оно до конца не преодолено и сейчас. Концепции, идеи разрабатываются и оформляются помощниками, штатными консультантами, по сути потерявшими связь с наукой и практикой, зависимыми от окружения, связанными прежде всего конъюнктурой и лишь потом, если позволят, истиной.

В нашей истории известны два пути, позволяющие лидерам преодолевать давление своего аппарата. Первый, наиболее творческий и надежный, — пример работы Ленина, который сам писал книги, статьи, го-

товил доклады, выступления, опирался на собственный анализ материалов, на беседы с трудящимися. Второй путь — сотрудничество с учеными (Хрущев). Совет ученых при лидере анализировал перспективы развития страны и способы преодоления трудностей. Он включал общепризнанных руководителей научных школ, которые в силу связи с лидером не в полной мере зависели от мнений в ведомствах и аппарате.

Обратимся теперь к *революционным силам перестройки*. Представим себе, что лидеры и обществоведы совместно с радикальными представителями народа выработали научную программу по преодолению бюрократизма. Какие политические силы способны сегодня, имея поддержку большинства трудящихся, реализовать эту программу?

В обществе «центром и основой политической организации» (слова Ленина) выступает *печать*. На первых порах, можно сказать, она явилась определяющим фактором перестройки, силой, противостоящей бюрократии. При всей своей неоднородности и противоречивости она консолидировала общественное мнение на обновление (прежде всего центральные газеты и журналы).

Общественные слои и группы трудящихся выдвинули лидеров перестройки прежде всего в лице некоторых *народных депутатов СССР*. Ими стали люди, проявившие мужество в борьбе с корпоративностью в управлении, которые не только отразили в своих программах чаяния большинства, но и прошли проверку выборами, причем альтернативными, в основном прямыми, территориальными.

Революционной силой перестройки выступают *демократические движения*, цель которых состоит в том, чтобы сохранить основы нашей жизни — природные ресурсы, экологию, генотип человека, предотвратить разрушение производства, сползание большинства людей к голоду. Имеются в виду демократические движения, которые стоят на позициях гуманистического, социалистического партнерства по отношению к органам власти и управления. Возникли различные формы объединений, включающие представителей всех общественных групп, — комитеты, клубы, общества, народные фронты, движения «зеленых», «возрождения», «интернациональные» и иные. Одни из них выступают как развитые силы, имеют статус

юридического лица, например народные фронты в Прибалтике и др., а иные пребывают в состоянии инфантильности. Зрелость объединений определяется многими факторами, но прежде всего их позитивным (или негативным) отношением к перестройке, к развитию социалистических начал. Итоги выборов народных депутатов Советов показали, что конфронтация с общественными инициативными группами и объединениями без учета кто есть кто не только неконструктивна, но и опасна, ведет к разрушению сторон.

Как о революционной силе перестройки заявили о себе *трудовые коллективы*. Вначале бросили вызов бюрократизму представители интеллигенции — творческие, научные коллективы, студенты, потом рабочие. От экономических требований, которые преобладали на первом этапе преодоления прошлого, рабочие коллективы перешли к политическим — к решению насущных проблем на местах, к перевыборам руководителей Советов, партийных комитетов и других общественных организаций. Консолидируется деятельность радикальных групп народных депутатов СССР, коллективов рабочих и технической интеллигенции, прямо связанных с процессом производства.

В перестройку системы управления все шире включаются *коммунисты*. Деятельность многих из них находит поддержку трудящегося большинства, беспартийных. Так, среди вновь избранных народных депутатов СССР члены КПСС составили 87,6% (их доля среди населения старше 18 лет 9,9%). Конечно, коммунисты коммунистам рознь. В некоторых регионах страны на выборах партийные лидеры, например первые секретари обкомов, при активной поддержке их партийными комитетами не получили доверия со стороны беспартийных. Кредит доверия народа уменьшился не к коммунистам, а к тем лидерам, которые привыкли к условиям однопартийного политического комфорта, самоуспокоились.

Обстоятельством, усиливающим революционные силы перестройки, является *кооперативное движение* как более совершенная форма рационального использования производственных ресурсов, развития мастерства производителей, совершенствования орудий труда и, что особо важно, стимулирования труда непосредственных производителей. многократного сокра

щения аппарата управления на производстве, перевода его на экономические методы руководства (имеется в виду здоровое крыло движения, а не негативное течение спекулятивного толка). Некоторые кооперативы выступают маяками перестройки экономических отношений на государственных предприятиях, искореняя отчужденность их от потребителя и т. п. Они лишают бюрократию ее основы — ограничивают ее возможности распоряжаться народной собственностью.

Все революционные силы перестройки, которые заявили о себе, испытывают трудности роста, становления. Им присуща, учитывая современные требования, определенная политическая незрелость. Так, лидер перестройки — народный депутат СССР — сегодня может противостоять бюрократии, если он выступает как профессиональный политик, как Личность. Печать политической незрелости лежит и на демократических движениях, на протестах трудовых коллективов против бюрократизма.

В экстремальных условиях, которые существуют сегодня, революционные силы крайне слабо связаны между собой. Если они не консолидируют своих усилий, то при давлении некоторые из них просто исчезнут. Сближение в свою очередь позволит им преодолеть существующую незрелость, многократно усилиться.

Насущные проблемы. Какие ориентиры являются сегодня, на наш взгляд, первоочередными в революционном переустройстве системы управления? В настоящее время высказывается аргументированное мнение, что слой профессионалов-управленцев, культивируя свой групповой интерес, консолидируясь на корпоративной основе, приобретает присущие прошлым классово-эксплуататорским формациям «классообразующие признаки», а некоторые его группы сформировались и выступают как класс (класс «бюрократических распорядителей», «производственно-управленческий класс», «правлящий бюрократический класс»), что этот слой противостоит народу и перестройке, отнимает у людей веру в социалистические идеалы, что новообразования могут вызвать гибель социализма как общественной системы²⁸. В резолюции XIX партконференции этот вопрос не рассмотрен

Обратимся к базисным отношениям, в недрах которых создаются предпосылки, возникают, развиваются, взаимодействуют классовообразующие начала. Рассмотрение их показывает, что слой профессионалов-управленцев, используя свое положение в системе управления, приобретает *классообразующие признаки*. Причем, следует отметить, признаки несоциалистического толка. Слой занимает особое, привилегированное место в обществе, в системе общественного производства. Имея власть, используя ее, он фактически распоряжается ресурсами страны, средствами производства и совокупным общественным продуктом, командует производством. Внутри слоя в целом корпоративный интерес выступает определяющим.

В то же самое время слой профессионалов-управленцев, если иметь в виду принципиальные формационные изменения (переход общества от одной формы к другой), не является носителем новых экономических отношений. Существующее производство, принимая во внимание признак корпоративности, не только может, но и там, где создаются соответствующие условия, успешно развивается без него (например, кооперация). Командное управление внесло и вносит в производство только состояние неразвитости, стагнации и разрушения. Что же касается бюрократии, то и по сей день на партийных и иных форумах говорится, что не определен ее облик, нет, по нашему мнению, и научного подхода к определению. При таких условиях неправомерно определять слой как класс.

Возможно, что в теории о классах имеются «белые пятна», что есть классы не только со знаком «плюс», определяющие лицо формаций, отражающие преходящие ступени общественного развития, но и со знаком «минус», появляющиеся при определенных острых ситуациях (стагнация, разрушение производительных сил, производственных связей), — классы-«люмпен», предпосылки которых (пауперизм) содержатся в обществе, классы-«паразиты» (служащие и другие ненужные производству, обреченные на гибель при потере связи с властью, ее субсидий), исходные начала которых тоже присутствуют при развитии. Но этот вопрос требует специального исследования.

В связи со сказанным представляется, что первоочередная насущная проблема революционных сил

состоит в том, чтобы там, где составляющие системы управления не разложены, не допустить, а где коррумпированы — лишить слой профессионалов-управленцев классовообразующих признаков. Иначе разрушения производительных сил и иных катастроф не избежать.

Советское общество обеспокоено фактом отчуждения аппаратом общенародной собственности от народа. Как известно, юридическое право и фактическая возможность владеть, пользоваться и распоряжаться средствами производства, произведенным продуктом, услугами являются существенным фактором членения общества на классы, развития классовообразующих начал.

Таким образом, в повестке дня революционных преобразований, на наш взгляд, стоит решение ряда проблем. *Первая из них — разотчуждение собственности, экспроприация ее у аппарата*, гармонизация в рамках социалистических отношений собственности всех интересов: общих (общесоюзных, отраслевых и территориальных), особенных (производственных — коллективных, региональных), отдельных (семейных, личных). Культ общего интереса, тем более когда он тождествен корпоративному, несет труженику нищету, отчуждает трудовые коллективы, семьи, отдельных труженников от условий труда, средств производства, произведенного продукта. Бедность, как известно, понижает моральный уровень общества, сеет лодырничество, воровство и т. п. Но и преувеличенный коллективный интерес может породить местничество, иждивенчество, правонарушения и т. п. Экспроприация собственности у аппарата связана с передачей выборным органам и трудовым коллективам фактического права распоряжаться богатствами страны, своего края и продуктами производства. Она предполагает отмену всех келейных ритуалов: отказ от подмены мнения выборного органа мнением должностного лица, от отождествления коллективного решения с распоряжением руководителя или с решением, принятым путем опроса, и т. п.

Далее, кризисная ситуация возникла в стране в связи с узурпацией аппаратом власти, отстранением по сути от управления производством народных масс, трудовых коллективов. В силу этого насущна *вторая проблема — передача в сфере производства власти*

незаконно захваченной аппаратом, народу, его выборным органам, трудовым коллективам.

Крайне важно изменить содержание управления производством. Акцент должен быть сделан на экономике, на ее проблемах, на реальных процессах труда, отношениях производства, обмена, распределения и производственного потребления, на экономических методах руководства, а не на командных, волевых.

На наш взгляд, следует отказаться от упрощенного толкования ленинского понимания политики («Политика есть концентрированное выражение экономики»), согласно которому политика якобы первенствует по отношению к экономике, как бы отодвигает ее на второй план. Ленин, как видно из его работ, вкладывал в термин «политика» иное содержание: политика в первую очередь опосредуется коренными экономическими интересами трудящегося большинства, общественных групп, она концентрированно выражает их, стимулирует труд, дает простор развитию производительных сил.

Управление производством, дирижирование им для согласования отдельных процессов — функция компетентных выборных органов, трудовых коллективов, профессионалов-руководителей, но не аппарата. В системе отношений весьма важно предотвратить первый шаг к отчуждению — фактический переход управления от коллектива только к руководителю, а от руководителя — к помощникам, секретарям, поскольку такой шаг вызывает лавину сползания.

В аппарате труд профессионалов-управленцев двойствен, в основе своей противоречив. С одной стороны, он связан с производством, с его организацией и в силу этого производителен. С другой стороны, он вписан в командную систему, воспроизводится ею и, как показывает практика, когда стороны не взаимосвязаны, «пропадает вхолостую», нередко несет «отрицательный результат». Экономический подход к управлению связан с установлением единства сторон и приоритета производительных начал.

Третья проблема революционных преобразований Система управления (поглощающая ежегодно, по неполным данным, 40 млрд руб. — по сути ею же установленный фонд заработной платы) работает не только вхолостую, но и подчас во вред обществу (напомним плоды ее руководства — экологические катаст

рофы, экономический кризис, социальная нищета миллионов людей, сползание к катаклизмам в системе отношений, например национальных, и пр.).

Способ и размер получения доли общественного богатства, когда доля делится не по труду, — существенный фактор, влияющий на разделение общества на классы.

При социализме, имея в виду идеальную модель его, труд по управлению — общественно необходимый, производительный. Он ориентирован на удовлетворение потребностей не избранных классов, а всех трудящихся, на развитие способностей каждого. В таком случае предполагается, что труд научно выверен, профессионален, оплачивается с учетом его конкретного результата.

Но на практике, однако, при неразвитости социализма, искажении его принципов труд по управлению производством и сферой услуг выступает в значительной мере не только мнимым, призрачным по производительности, но и разрушительным. Можно сказать, что «да», труд профессионалов-управленцев ориентирован на действительное и безотлагательное исполнение, но следует уточнить: каких дел? Как известно, критерием его оценки выступают не столько реальные дела, разрешение которых связано с развитием производства, сколько формальные игры в пересылку дел, исходящие от иерархических начальников. И, что существенно, такой труд оплачивается произвольно, в зависимости от воли руководителя, поскольку объективных, научных критериев просто не существует.

Есть ли возможность установить прямую зависимость положения, зарплаты лидеров, управленцев от конечных результатов их деятельности? Да, есть. Но она опосредована необходимостью слома административно-командной системы управления.

Вызывает крайнее возмущение *система привилегий*, которой помимо зарплаты пользуются лидеры и работники всех эшелонов власти (*четвертая проблема*). Привилегии — форма присвоения аппаратом (меньшинством) труда непосредственных производителей (большинства). Они вносят в общественные отношения противостояние, возвращают бюрократизм (имеются в виду льготы для аппарата, сложившиеся в годы культа личности Сталина; они менялись, су-

жались для низовых звеньев, но как система продолжают существовать).

Существует широкая система благ, которая не отражена в опубликованных законах, указах, постановлениях, ведомственных актах, но которой пользуются лидеры, ответственные работники центральных учреждений, ведомств, министерств, местных партийных комитетов, органов власти и управления. Некоторое представление о системе привилегий дают статьи В. Третьякова (Социальная справедливость и привилегии: как совмещаются эти понятия//Московские новости. 1988. 3 июля), П. Волина (Тайна, известная всем//Огонек. 1989. № 35), А. Нуйкина (Открытое письмо//Огонек. 1989. № 40).

Блага в иерархической пирамиде дифференцированы, они расширяются от основания к вершине, вводя лидеров и их домочадцев в царство «по потребностям», в коммунизм при кризисе страны, нищете миллионов.

В 1918 г., в кризисные для страны годы, ни лидеры, ни ответственные работники центрального аппарата, работая по 14 часов, имея плохое здоровье, не пользовались привилегиями. Вот типичный ответ на вопросы анкеты, данный тогда председателем ВСНХ А. И. Рыковым: «Работаю в будни с 10 часов утра до 12 ночи»; состояние здоровья — «Плохо»; в графе «Пользуетесь ли Вы в советских учреждениях обедами, пайками и т. п.» содержится запись: «Иногда обедаю в ВСНХ за особую плату». В то время заработная плата председателя ВСНХ составляла 900 руб., а рабочего и служащего (в среднем) — 480 и 530 руб. (уровни жизни руководителя и руководимого были близки). Представляется, что в 1918 г. сложилось социалистическое отношение к льготам — их просто не должно быть!

В тесной связи с разотчуждением общественной собственности, управления производством, оплаты труда и так далее перед революционными силами стоят проблемы возрождения органов власти — Советов, во-первых, как органов социалистического самоуправления народа и, во-вторых, как суверенных, властных — вывести их из-под «пяты» аппарата. Трудяникам города и деревни, рабочим, крестьянам, интеллигенции, партийным и беспартийным, людям всех возрастов, всех наций и народностей предстоит взять

на себя содержательные стороны управления, лишить слой профессионалов-управленцев относительной самостоятельности, самим определять структуру, численность кадров, периодически сменять их, сломать практику формирования функционерами представительного состава, нарушить порочную связь — сращивание «негодных вождей» и бюрократии.

Все более актуальными становятся вопросы тактики перестройки. Обновление происходит в остром противостоянии сторон. Революционное обновление тормозится бездарными руководителями, порожденными коррумпированной частью аппарата, кадровым составом, связанным жесткими узами групповщины. Они пытаются поставить себя вне контроля и даже вне критики.

Аппарат проявляет антагонизм по отношению к демократическим движениям, радикальным трудовым коллективам. Подчас без разбора всякое демократическое движение определяется как «выползшая на улицу накипь», к которой надо «последовательно и умело применять правовые акты»²⁹. Как свидетельствуют средства массовой информации, продолжается практика мускульного воздействия на людей, бичующих бюрократизм. Аппарат безнаказанно нарушает ст. 50 Конституции СССР, которая гарантирует гражданам свободы: «слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций».

В период первой сессии Верховного Совета СССР, по свидетельству газеты «Известия» (1989. 27 июля), руководители, аппарат центрального органа власти проявляли невнимание к депутатам. Многие дельные замечания и предложения членов Совета, вносимые на заседаниях, не голосовались, в информационном бюллетене сессии велико число искажений выступлений и др.

В повестке дня революционных сил — проблемы дебюрократизации партийной и общественной систем. Партийные комитеты практически теряют авторитет в глазах народа. На совещании в ЦК КПСС 18 июля 1989 г. было отмечено: «...в ряде республик начинают проявляться федеративные тенденции в построении и функционировании парторганизаций», несущие раскол системе, «идет девальвация авторитета кадров партии»³⁰. Лидеры и аппарат ЦК КПСС, ЦК компартий республик и других комитетов отстали от пе-

рестройки (нет союза с революционными силами), потеряли радикальную направленность. Как показали события в Донбассе, Кузбассе, Ленинграде и других регионах, конфронтация партийных организаций с демократическими движениями конструктивно разрешима при равном диалоге сторон, смене «негодных вождей», роспуске корпоративных аппаратов, введении в работу комитетов общественных начал, ликвидации привилегий для руководителей и управленцев за счет трудящихся масс.

Общество в силах сломать, разрушить корпоративную систему — производ «негодных вождей» и незуитствующих управленцев. Но разрушение ее возможно при определенных условиях. Идея слома должна овладеть большинством народа, его сознанием и действием. Но, чтобы бой выиграть, необходимо наличие научной программы борьбы с бюрократизмом и наличие революционных сил, подготовленных, политически зрелых, консолидированных.

Что же касается преодоления в целом вождизма, бюрократизма, ликвидации возможности их повторения в культовом и корпоративном обличье, то можно полагать, проблема связана с устранением отмеченных выше внешних и внутренних обстоятельств обюроккрачивания, постоянно воспроизводящих и питающих эти явления.

ПРОБЛЕМА НОВОГО МЫШЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Понятие «новое мышление» быстро вошло в научный, политический и публицистический лексикон, хотя его содержание и объем еще до конца не прояснены, а если иметь в виду строгое естественнонаучное и философское понимание мышления, то определение «новое» еще долго будет предметом различных и даже противоположных размышлений об уровнях и качестве нашего отношения к осмыслению мира, общества и человека.

Однако сам факт широкого использования термина заставляет считать, что понятие «новое мышление» имеет существенную содержательную нагрузку, равно отвечающую реальным процессам общественной жизни и разноаспектным способам ее осмысления.

Несомненно, широкому внедрению термина в практику теоретического осмысления и даже обыденного сознания способствовали существенные изменения, происшедшие в последние десятилетия как на мировой арене — во внешнеполитической, военно-стратегической, социально-экономической, культурной, экологической и других сферах, так и в жизни нашей страны, взявшей курс на перестройку. Таким образом, можно констатировать, что коренные позитивные изменения, наметившиеся в жизни с 1985 г., вполне корректно описываются понятием «новое», а для их осмысления недостаточно знаний, вмещающихся в стереотипы и догмы последних десятилетий. Очень важно, избегая крайностей в оценке прошлого и настоящего, надежно определить, каковы реально обозначившиеся тенденции развития общества, какие силы определяют это развитие. Только на этой основе можно уяснить и необходимость новых подходов к решению всех многосложных проблем, в том числе и проблем развития художественной культуры.

В. И. Ленин подчеркивал, что в период революций общественное развитие идет гигантскими шагами, «каждый месяц такой работы и такого опыта стоит десять, если не двадцать лет нашей истории»¹. Сейчас в нашей стране происходят именно такие революционные изменения, и это зафиксировано теоретической мыслью. Относительно сферы художественной культуры и нашей печати можно констатировать, что здесь в ходе перестройки произошли, пожалуй, наиболее разительные изменения. Принцип гласности открыл возможность обратиться к «белым пятнам» в истории и культуре нашей страны. Печать стала активно вторгаться в ранее закрытые зоны экономической, общественно-политической и духовной жизни, что само по себе является средством и индикатором роста активности общественного сознания. Без сомнения, мы стали глубже и реалистичнее представлять сегодняшний день и недавнее прошлое, что позволяет надеяться на достаточно обоснованные выводы и прогнозы о перспективах развития. Но об этом позже.

1. НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Благодатно для современников возвращение «выпавших» из истории культуры имен и произведений художников и мыслителей начала века, 20-х и 30-х годов. Наш читатель наконец смог познакомиться с «Котлованом» А. Платонова. Опубликованы произведения Е. Замятина (в том числе и роман «Мы»). Активная деятельность ведется по представлению современникам различных направлений авангарда первой трети нашего века, и это тоже способствует пополнению нашего знания о сложности художественной жизни того времени. Активизировались и современные творцы авангарда. Это искусство в различных видах и жанрах получило «вид на жительство», и теперь с ним может ознакомиться любая аудитория и по любым средствам массовой коммуникации. После длительного времени массовая культура, ютившаяся в подворотнях, также признана реальностью нашей культуры и широким потоком идет к потребителю.

Следует назвать еще три процесса, ставшие реальностью современной художественной жизни. *Первый* связан с возвращением в культуру нашего общества

тех духовных ценностей, которые были созданы русским зарубежьем. Исторически объяснимый разрыв национальной жизни существенно сказался и на развитии культуры, которая всегда выступала в качестве формы и способа существования национального самосознания. И здесь методологическое значение имеет положение, выдвинутое К. Марксом во введении «К критике гегелевской философии права»: «Трагической была история старого порядка, пока он был существующей испокон веку властью мира, свобода же, напротив, была идеей, осеивавшей отдельные лица, — другими словами, пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность. Покуда ancien régime (старый порядок. — *Ред.*), как существующий миропорядок, боролся с миром, еще только нарождающимся, на стороне этого ancien régime стояло не личное, а всемирно-историческое заблуждение. Поэтому его гибель и была трагической»². Представляется, что это положение многое может объяснить в той всемирно-исторической драме, которая характерна для XX в., позволяет осмыслить русскую зарубежную литературу и проблему включения ее в общее движение литературы нашего времени. В рамках этой всемирно-исторической драмы, вероятно, своей правдой или, по-другому, своим всемирно-историческим заблуждением обладали те 1,5—2 млн человек, которые оказались после гражданской войны за рубежом. Вот почему необходимо и возвращение, и всестороннее осмысление той художественной культуры, которая была создана русским зарубежьем после гражданской войны и которая представлена такими именами, как И. Бунин, Б. Зайцев, Г. Иванов, А. Ремизов, И. Шмелев, и другими.

Второй процесс определен формированием нового подхода к духовным ценностям, созданным в системе религиозного мирозерцания. Осмысление культуры прошлого, древнерусской средневековой культуры, а также более близких по времени художественных произведений позволит в дальнейшем подлинно научно понять культурное наследие и те нравственно-эстетические принципы, которые определили жизнь русского и других народов СССР. Потому и новые отношения с церковью важны не для одной стороны, но благотворны для всего общества, общественного сознания, художественной культуры.

Наконец, произошло (и это *третий* момент) заметное качественное изменение в культурных контактах с Западом. Наиболее ярко это проявилось в кино и на эстраде. Наш зритель мог познакомиться с фильмами — лауреатами различных кинофестивалей, его не удивит уже и эротическими сценами, фильмами ужасов, катастроф. К сказанному можно лишь добавить, что всего перечисленного у нас не просто прибавилось, оно приобрело такие масштабы, что приходит в голову мысль, что мы вполне освободились от груза и пут национальной культуры и лихорадочно спешим всесторонне освоить и заполнить пусто свято место культмассовой продукцией западного производства.

Все вышеперечисленное показывает, что гласность активно вошла в современную художественную культуру, существенно изменила ее облик и содержание. Во всяком случае новое мышление в художественной культуре хотя бы внешне выражается в снятии административных запретов и свободном функционировании тех продуктов художественного производства, которые еще несколько лет назад не вмещались в рамки дозволенного. Признание не должного, а лишь реально сущего, изготовленного любой фантазией, — вот характерная черта нового подхода к художественной культуре.

Однако существующие и узаконенные широта и разнообразие художественных процессов требуют осмысления качественного своеобразия той новизны, которая так активно вошла в духовную жизнь нашего общества. Если вышеперечисленные новые явления в определенном смысле какой-то частью входят в объем понятия «новое мышление в культуре», то далее речь должна идти об осмыслении содержания этого понятия. И прежде всего в аспекте вопроса, насколько все это многообразие новых явлений культуры может быть вписано в социалистическую культуру

2. НОВО ЛИ НОВОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ?

Слова о социалистической культуре в нынешнее переломное время могут показаться кое-кому из витий обновления ради обновления догматической претензией доктринера возвратиться к временам директив

ных указаний. Поэтому, чтобы не попасть в разряд реакционеров, напомним общеизвестное, то, из чего мы исходим. В. И. Ленин, выступая против ревнителей «незапятнанности» и «чистоты» пролетарской культуры (и как бы в назидание будущим страдателям за эту же чистоту), сказал: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции»³.

Надо особо подчеркнуть, что новая редакция Программы КПСС, принятая XXVII съездом, характеризуя культуру социалистического общества, использует такие ее качественные определенности, как партийность, народность, верность правде жизни, идеалам социализма и коммунизма, гуманизм, оптимизм, использование прогрессивных традиций отечественной и мировой культуры и т. д. Что же касается воздействия на человека, то «сфера культуры призвана удовлетворять возрастающие запросы различных категорий населения, обеспечивать необходимые возможности для самостоятельного художественного творчества народа, развивать способности, обогащать социалистический образ жизни, формировать здоровые потребности и высокие эстетические вкусы»⁴.

Как видим, теоретическая преемственность с ленинскими принципами социалистической культуры в программных требованиях сохраняется и развивается. Полагаем, что именно она позволяет лучше понять и теоретически осмыслить современное состояние художественной культуры.

В широкой печати, публицистике, критике и литературоведении явно наметился и настойчиво заявляет о себе процесс переоценки и переписывания как истории вообще, так и, в частности, истории социалистической культуры. Причем новооткрытые имена и произведения, по мнению некоторых авторов, только и есть подлинная культура, должнаая отменить многое из ранее известного. Так, например, «прозревший» в настоящее время А. Бочаров⁵ предлагает вывести за пределы истории советской литературы Д. Бедного, Ф. Гладкова, М. Исаковского, Д. Фурманова. В обновленческом экстазе он игнорирует и деревенскую прозу, и Ю. Бондарева, зато требует достойно отметить вклад в советскую литературу «исповедальной прозы» конца 50-х — начала 60-х годов, представленной именами В. Аксенова, А. Гладиллина, А. Кузнецова и др. И уж само собой разумеется, что над такими литераторами, как А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, должен возвыситься гений О. Маидельштама.

О претензиях А. Бочарова вряд ли стоило бы даже упоминать, если бы они не вливались в мощный и шумный поток подобного рода реставраций и проектов. Если бы отчетливо не наблюдалось стремление авангарда полностью вытеснить реализм, названный еще в 20-е годы Д. Штеренбергом искусством ихтиозавров. Если бы куштык Татлина «III Интернационал» не выдавался в очередной раз за нечто более значительное, чем «Рабочий и колхозница» В. Мухомой. Если бы не продолжался поход против реалистического театра под прикрытием восстановления «широты» театральной жизни первых трех десятилетий нашего века.

Эта специфическая интерпретация истории художественной культуры вполне естественно сопрягается с активным внедрением и пропагандой современного авангарда. Широковещательные кампании вокруг перестройки в кинематографе и театре породили надежды на действительное обновление этих двух видов искусства. Однако за прошедшие годы обновленческой деятельности кинематограф так и не преодолел уже порядком утомивший всех свой серо-средний уровень. Зато появились самодельные фильмы ужасов, и эротика к месту и не к месту включается в арсенал художественных изобразительно-выразительных средств. Вот, пожалуй, и все «достижения»

Да и театральная реформа пока что сказалась лишь в том, что потеснили классический репертуар, а зрителю дали возможность в полной мере освоить прелести театра абсурда — залежалого товара тридцати-сорокалетней давности.

Стоит посмотреть и сравнить все перечисленные новации с теми принципами, которые определяют суть социалистической культуры, как и подлинной гуманистической культуры вообще, чтобы непредвзято оценить меру их соответствия этим принципам, чтобы понять тенденцию развития культуры, навязываемую ревнителями новой культуры.

На наш взгляд, противоречивые, односторонние и амбициозные манифесты не следует обязательно рассматривать как сознательный умысел тех или иных групп. Революционное обновление — процесс оздоравливающий и болезненный одновременно, на гребне которого всегда поднимается пена, претендующая на единственное и неоспоримое знание и видение мира. Можно даже сказать, что именно эта пена убеждает, что революционное обновление не выдумка, а явь нашей жизни. Лишь бы только она не привела в пенообразное состояние всю художественную культуру. (Чтобы у читателя не создалось впечатления, что мы огульно отрицаем авангард, отказываем ему в праве на существование, запрещаем, «не пускаем» и т. д., поясним, что авторы не против авангарда как формы культуры. Они лишь против его необъективной, преувеличенной оценки, против его чрезмерного, интенсивного, напористого, а иногда и волевого распространения. На наш взгляд, авангард не является магистральной, сущностной формой развития искусства. Доказательство тому — сама уже довольно солидная история авангарда.)

Серьезные проблемы для духовной жизни народа представляет и массовая культура, также интенсивно заповнившая эстраду, прессу и другие средства массовой коммуникации. Активное внедрение ее во все мыслимые и немыслимые сферы человеческой жизнедеятельности небезвредно для состояния духовности сегодняшнего общества. Краткая характеристика этого состояния необходима для понимания противоречивости художественного процесса и выводов о содержании нового мышления в культуре

3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ПСЕВДОНОВАЦИИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

За предельно короткий исторический срок наша земледельческая нация превратилась в нацию промышленно-индустриальную, а к настоящему времени уже проблематичным становится и сам факт существования крестьянства в условиях нашей действительности, если прежние тенденции будут сохраняться. Это приходится констатировать с горечью, но это факт. И объясняется он не только механизацией, индустриализацией, автоматизацией крестьянского труда, т. е. объективными предпосылками сокращения доли крестьянства в населении страны, но и негативными экономическими, социально-бытовыми и тому подобными причинами, делающими отток крестьянства в город искусственным, неорганичным и болезненным для национально-государственной жизни. Этот процесс был особенно ускорен так называемым раскулачиванием деревни, когда миллионы крестьян были вынуждены покидать землю и пополнять армию людей, закладывающих фундамент индустриализации. Послевоенная деревня жила в таких условиях, что любая работа в городе была благом для недавнего крестьянина. Наконец, грандиозная акция по ликвидации «неперспективных» деревень 70—80-х годов привела к тому, что исчезли или обезлюдели сотни тысяч деревень и сел. И если это разорение пытались объяснять нуждами продолжающейся индустриализации и тягой к городскому комфорту, то следовало хотя бы задуматься, что покидалась родина предков, природа, обихоженная трудом многих поколений крестьян, земля-кормилица, которая без человеческой заботы возвращалась в дикое состояние.

Изменение характера крестьянского труда, уклада деревенской жизни и неорганичное переселение крестьян в города и поселки имело для нашей темы следствия исключительные. Народная культура переставала быть естественной составляющей жизни, воспроизводство ее в форме жизнедеятельности пресекалось, и она переходила в разряд фольклора, т. е. историко-художественного опыта, который интересен специалистам, но не является питательной средой для деятельной жизни современного труженика. Нисхождение народной культуры в фольклор обусловлено

было искусственно созданными обстоятельствами и объективным процессом изменения уклада сельской жизни. Наличие же искусственно созданных обстоятельств многое объясняет в нравственных, психологических, эстетических изломах, о которых так активно пишет современная художественная литература и публицистика. Катастрофически утрачивались традиции качественного труда, душевного общения. Этому способствовала и «энтузиастическая» психология экстенсивного покорения природы, этакое бездумное и пренебрежительное, губительное отношение к ней, которое, к несчастью, сохраняется и по сей день. Такое отношение формировало безответственность за последствия прежде всего перед будущими поколениями, своеобразный культ сильных и непогрешимых. Нагнетание, зачастую малооправданное, темпов индустриализации и вызванная этим интенсивная урбанизация без должного, в полном объеме развития социальной сферы приводили к тому, что вхождение, укоренение в новую жизнь (жизнь горожан) бывших крестьян и деревенских жителей происходило неорганично, ибо не являлось жизненной необходимостью. Миграция по стране и с производства на производство превратилась чуть ли не в норму жизни.

Представители разных наций, прежде всего русские, становятся постепенно кочевниками. Неважно, что для одних кочевьем стало пространство от Балтики до Курил, а для других кочевки происходят в пределах одного города — из района в район, из общежития в общежитие, из квартиры в квартиру. Важно, что кочевка стала привычным способом существования, хотя она противоестественна для народа, исторически развивавшегося как оседлый. Отсутствие кочевых навыков привело к тому, что в отличие от традиционных кочевников, всегда знавших, что они вернутся на старое место, и потому бережно относившихся к пастбищу, колодцам, местам стоянок, новые кочевники рассматривают новые пространства или новые производства только потребительски, извлекая сиюминутную выгоду. Экологические проблемы лишь отчасти являются следствием развития техники. Экологические бедствия, производимые техникой, в значительной степени связаны с потребительской психологией, равно чуждой и традиционным земледельцам, и кочевым пастушеским народам.

Конечно, процессы, происшедшие в стране в 30—60-е годы, имели определенное позитивное содержание: достигнут значительный уровень экономического и технического развития страны, повысилась механизация труда, возросло общее, и прежде всего материальное, благосостояние. Но все это достигнуто ценой больших потерь и издержек. И главная потеря (или приобретение со знаком «минус») — торжество психологии иждивенчества, потребительства, сиюминутной выгоды. Это привело к исчезновению, размыванию, ослаблению традиций, которые формировали национальный облик, национальные представления о нравственности и нормах поведения и общения, национальную культуру.

Все перечисленное в совокупности относится к тому значительному массиву населения, который и становится потребителем духовного экспериментаторства певцов современных скоростей, стрессов и страстей. Сразу же подчеркнем: фатальной связи между указанным социальным массивом и «новой духовностью» «стрессопозов» нет. Переведение народной культуры в разряд фольклора сделало еще более ответственным, определяюще важным значение народности искусства, и именно она, реализуясь в лучших произведениях социалистической культуры, продолжала духовное воспитание нации, сама становясь формой и способом существования национально-народного самосознания.

Русская советская литература в произведениях М. Шолохова, Л. Леонова, М. Булгакова, А. Платонова и других продолжала и развивала традиции классической культуры. Народные истоки творчества Р. Глиэра, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Г. Свиридова очевидны, как бесспорно продолжение ими гуманистической традиции в музыке. Да и оригинальность художественной манеры А. Рылова, П. Корина, К. Петрова-Водкина, В. Мухомовой только подтверждает их связь с реализмом как основополагающей системой изображения мира и выражения чаяний народной души.

4. НУЖЕН КРИТЕРИЙ

Как бы предвидя возможные сдвиги и замещения в культуре, В. И. Ленин еще в 1918 г. в работе «О характере наших газет» писал: «Поменьше политической

трескотни. Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса *на деле* строит нечто *новое* в своей будничной работе. Побольше *проверки* того, насколько *коммунистично* это *новое*»⁶.

«Насколько *коммунистично* это *новое*» — очень хорошо сказано. Эта ленинская принципиальность при определении значимости реальной деятельности людей, причем в соотношении с задачами коммунистического строительства, продолжает оставаться важной для нас и сейчас, в период перестройки.

Никакие декларации или умозрительные концепции не заменяют живого дела обновления. В сфере культуры живым делом является создание произведений, с большей или меньшей полнотой, но художественно достоверно воспроизводящих содержание и идеалы народной жизни. Действительное проявление демократии и гласности в области художественного творчества и заключается в том, чтобы искусство в полном объеме сказало о содержании народной жизни, о том, чем живет народ, что его волнует, к чему он стремится. В этом отношении такие произведения, как «Ошибись, милая» И. Акулова, «Печальный детектив» и «Светопреставление» В. Астафьева, «Мужики и бабы» Б. Можая, «Пожар» В. Распутина, и многие другие рассказали именно о фундаментальных проблемах жизни и нашего времени, и недавнего прошлого. И рассказали, заметим, с позиций той гражданской заинтересованности в решении этих проблем и той нравственной высоты, которые исключают поэтизацию духовной и социальной примитивности и уж конечно не сводятся к посыпанию солью ран, а призывают к лечению болезни.

Авангардистские претенциозные опусы, главным образом формотворческого плана, и масскультовский ширпотреб не выдерживают сопоставления с критерием коммунистичности и народности. Стремясь завоевать жизненное пространство, псевдокультура нередко маскируется под подлинную, народную культуру, соответственно и псевдоискусство.

Так, массовая культура настойчиво стремится показать, что именно она является настоящей наследницей культуры прошлого, втягивает в себя, препарирует и подгоняет под свой стандарт великие художественные ценности, называя это «современным

прочтением», «современной интерпретацией» классики и народного искусства. Здесь классика — всего лишь материал: все сосредоточено на «современности» и «интерпретации». Прodelывается все это, естественно, чтобы доказать свою органическую преемственность, но одновременно и равновеликость интерпретаторов с теми, кого они интерпретируют. В результате вместо приобщения к классике зритель и слушатель приобщаются к уровню постижения этой классики современными режиссерами-новаторами. У некоторых авторов и исполнителей как будто целью творчества стало искажение и специфическая «модернизация» содержания и эстетических принципов народной культуры. Кажется, что решается задача перевернуть смысл образов, смешать представления о добре и зле, уничтожить героическое начало сказки, былины, песни.

Особого внимания заслуживает эстрада. И не только потому, что снижение критериев творчества здесь прежде всего бросается в глаза, а примитив стал общим местом в определении этого жанра. Непропорционально раздутая индустрия развлечений теснит большое искусство, претендует на лидерство среди видов и жанров искусства, всегда бывшего в нашей стране учителем жизни, воспитателем гражданственности и высокой нравственности многих поколений людей.

Заключая, необходимо подчеркнуть следующее. Новое мышление в художественной сфере — это прежде всего новая идейно-эстетическая глубина, новые темы и проблемы, которые волнуют людей и решение которых поставлено в повестку дня временем. А таких проблем за годы застоя накопилось немало. Взять хотя бы проблемы социальной справедливости, защищенности, проблемы межнациональных отношений и самобытного национального развития, исторической памяти и народных традиций, новых отношений человека и природы, проблемы ответственности и ответственного существования и др.

Возрождение и обновление жизни страны и народа, начатое перестройкой, является благодатной почвой и достаточным условием для возрождения и создания высших духовных ценностей, в том числе и ценностей художественной культуры. Такие ценности могут быть созданы лишь на методологическом фун-

дамыте ленинских идей в области культуры и программных требований партии. Пока же приходится констатировать, что новое мышление в художественной культуре реализуется лишь во внешних условиях собственно художественной деятельности. При всей своей противоречивости сами эти условия создают благодатную основу для свободного творчества, являются его необходимой предпосылкой. Что касается качественной характеристики нового мышления в художественной культуре, то она-то и является сферой реально существующей борьбы мнений, идей и амбиций. Вопрос в сущности стоит так: или же эта качественная характеристика сведется к формотворчеству как способу реализации художественной индивидуальности автора, или же технический арсенал искусства будет использован для утверждения художником тех нравственных, эстетических ценностей, которые помогают утверждению в жизни национального и общественного идеала. Но в этом случае речь должна идти не о некоем абсолютно новом мышлении в культуре, а о развитии в новых условиях всего лучшего, что было создано в истории общечеловеческой, национальной и социалистической культуры.

Предугадывать однозначно перспективы и качественные особенности развития художественной культуры не приходится. Перестройка еще ждет своих подлинно художественных открытий, и она их даст. Хорошо скоро не бывает. Скоро можно создать легкие поделки. Полотна о нелегкой судьбе нашего народа ждут своего создателя.

ПРАВДА ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРА

Время гласности и перестройки в качестве первоочередного вопроса нашего общественного и литературного развития ставит проблему *правды* — как в жизни, так и в литературе. С особой силой устремленность к правде проявилась в отношении к истории, и особенно к истории создания социалистического общества, а следовательно, и к истории советской литературы, социалистической культуры в целом.

1. УСТРЕМЛЕННОСТЬ К ПРАВДЕ

Динамизм и противоречивость общественного развития в условиях перестройки, открытие шлюзов, принципиально новые возможности свободы самовыражения художников, отказ от догматических стереотипов требуют максимально точного самоопределения в исходных позициях устремления к правде.

Это самоопределение означает отказ от догматизма и стереотипов в отношении исторического прошлого, когда честный анализ подменялся подчас фигурой умолчания и приевшимися штампами. Революция, которая происходит сегодня в нашем обществе, дает принципиально новые возможности для постижения исторической правды, требует живого, острого, взыскующего взгляда и новых подходов (а также и сохранения принципа преемственности) к постижению буквально каждого из периодов истории советского общества и советской литературы.

Вместе с тем, преодолевая стереотипы, необходимо помнить конечную цель наших устремлений. Все наши споры и боления должны работать на перестройку, помогать укреплению социализма. А это значит — помогать формированию социально активной, убежденной, граждански цельной, идейной личности. Если

же все эти процессы будут дробить личность, убивать веру в нашу идею, перечеркивать социализм как общественный и нравственный социальный идеал, то в этом случае может случиться так, что, направляясь в одну комнату, мы придем в другую. В обществе растет неприятие наметившихся экстремистских тенденций как «левого», так и «правого» толка, которые при видимой полярности сходятся в одном — негативном отношении к завоеваниям социализма, пытаясь утвердить себя при этом в качестве чуть ли не единственных ревнителей перестройки. Эти новоявленные «неистовые ревнители» предлагают начать нам свою историю вновь чуть ли не с нуля, подвергая ostracism тех, кто не согласен с таким толкованием перестройки.

Преодолевая догматизм, очищаясь от зла и неправды, мы не имеем права игнорировать эту вполне реальную сегодня опасность — негативизм в отношении того, что совершено партией и народом за драматические и героические 70 лет.

При страшных жертвах и потерях, при колоссальных разрушениях в результате двух войн за кратчайший исторический срок мы проделали столь стремительный и мощный путь, что уже после страшной войны с фашизмом достигли паритета с самой могущественной страной капиталистического мира — Соединенными Штатами Америки!

Не имеем права не видеть и другую сторону: если бы не трагические потери на этом пути, связанные с культом личности Сталина, не анемия времени застоя, результаты были бы еще большими, а потери — меньшими.

Советская литература стремится исследовать путь народа-первопроходца в социализм в полном объеме итогов и противоречий, показывая, что страна наша воистину выстрадала социализм, выстрадала и его современную революционную перестройку. Принципиально новым качеством советской литературы является то, что она стремится сегодня как можно более полно осознать не только потери, но и драматические, подчас трагические ошибки на этом пути, понимая, что без глубинного их осмысления, без анализа их истоков и причин, без самых серьезных выводов, без полной правды о прошлом невозможно вырваться из тенет прошлого, из пут застоя и бюрократизма.

Литература, общественность сегодня, как никогда, устремлены внутренним взором в наше далекое и недавнее прошлое, что является принципиальной приметой времени, свидетельством подъема народного самосознания. Принципиальное значение для утверждения современного взгляда на историю имеют осознание приоритета в современном мире общечеловеческих начал, ценностный подход к жизни и литературе, поворот внимания общества к сфере духовной, нравственной, включая сферу вечных ценностей, все реальное богатство, многообразие и расцвет культуры обновляющегося социализма.

Литература, периодика отреагировали на новые возможности и новые потребности времени грежде всего публикаторским взрывом — открытием закров и сусеков, в которых скопились разного рода и качества литературные богатства сравнительно давних и недавних времен, не получавшие ранее доступа к читателю.

Немалую роль в этом процессе сыграл VIII съезд советских писателей, выступление на нем академика Д. С. Лихачева, призвавшего вернуть в лоно отечественной культуры целый пласт литературы минувших лет. Благотворность этого процесса свидетельствует о дальнейшей демократизации нашей литературной жизни, о расширении и углублении нашего знания о литературе, об обогащении тем духовным наследием, которое мы осознаем как народное достояние.

Этот процесс начался с XX съезда партии и взрывом продолжился в наши дни, после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда партии и XIX партконференции. К читателю вернулось немалое количество литературных имен, давних и недавних произведений советских писателей, которые долгие годы лежали под спудом. Публикаторский взрыв коснулся и русской эмиграции первой волны, того, что сохранило в ней эстетическую и гуманистическую ценность для читателя наших дней. Весь этот далеко не однородный в идейно-художественном отношении литературный массив, который обвалом, за год-полтора пришел к читателю, его свет и тени требуют изучения, истолкования и объяснения. Здесь немалая и ответственная роль принадлежит литературной мысли.

Ждут конкретно-исторического, социально-аналитического исследования произведений, которые выносят на общественное обсуждение сложнейший узел вопросов, связанных с ленинским планом кооперирования деревни и реальной практикой коллективизации, с ущербом строительству социализма, который был нанесен культом личности Сталина, с отступлениями от норм социализма во времена застоя, — словом, с противоречиями между идеалами социализма и реальной действительностью. Здесь пока много неизученного, непроященного светом общественной, исторической мысли. Но литература первой ставит перед обществом эти сложные, трудные вопросы. Может быть, самые сложные и самые трудные вопросы нашей послереволюционной истории. Это ее заслуга, ее право.

Современный литературный процесс буквально взывает к теоретической, исследовательской мысли — объективной, подлинно партийной, правдивой и честной, к широкой и гласной товарищеской дискуссии как литераторов, так и историков.

Драматичнейшее противоречие сегодняшней литературной жизни, порожденное все тем же временем застоя, состоит, к сожалению, в том, что имеет место резкий разрыв между насущной общественной потребностью в теоретической мысли применительно к литературе и ее реальным наличием и уровнем. История советской литературы, да и литературная критика как органическая часть науки о литературе пребывают в тяжелом положении и требуют незамедлительных мер для пробуждения и подъема.

Думается, что за этим стоит укоренившееся у нас в годы застоя пренебрежительное отношение к мысли, теоретической мысли вообще. Но это же типично технократический, прагматический подход, особенно опасный для наших дней! Ибо столь бурное плавание просто невозможно без руля и без ветрил. Время требует острой и сильной теоретической партийной мысли в литературе, адекватной тем сложнейшим задачам, которые ставит сегодня перед литературой жизнь.

Однако критика, призванная быть главным средством общественного воздействия на литературу, практически отказалась от этой своей задачи и по-прежнему слепо плетется вслед за литературным про-

цессом. Многое в нем радует. Но и многое тревожит.

Общая беда литературной периферии и литературной науки, сосуществующих пока что почти в полном отрыве друг от друга, состоит в том, что публикаторский взрыв осуществляется в журналах в основном на уровне эмоционального сознания, часто — без объективных, серьезных и точных комментариев, без объективного истолкования вновь открываемых литературных явлений в историческом контексте своего времени.

Внимание к культуре и содержанию публикаторской работы важно еще и потому, что этот процесс неотрывен от идеологии, от идеологической борьбы.

Приведу такой факт. В 1981 г. в Лондоне вышла книга «Статьи о литературе» эмигранта Бориса Филиппова, который писал: «И если мне возразят, что вот, мол, времена изменились и на нашей родине изданы за последние полтора десятилетия Клюев и Волошин, Ахматова и Мандельштам, Пастернак и Заболоцкий, я соглашусь — да, изданы. Но как изданы? Ахматова — без «Реквиема», Пастернак — без «Доктора Живаго», Клюев — без «Деревни» и «Погорельщины», Волошин — без «Святой Руси», «Стихов о терроре», Заболоцкий — с искаженными текстами его лучшей книги «Столбцы», да разве перечислишь все изъятия, все искажения и прочие ухищрения советской цензуры?»¹

На сегодня эти высказывания уже неистинны. «Реквием» А. Ахматовой, «Доктор Живаго» Пастернака, «Деревня» и «Погорельщина» Клюева опубликованы в журналах или вышли отдельными книгами. Что касается Заболоцкого, то были две авторские редакции «Столбцов», которые публиковались: поздняя — в основном тексте, ранняя — в комментариях. Вышла в «Молодой гвардии» книга «Вешних дней лаборатория», где ранняя редакция «Столбцов» вновь полностью опубликована. Как видите, возвращение наследия в его полном объеме полезно уже потому, что лишает наших противников всякого права на демагогию.

Радует и тот факт, что наша литература в итоге показывает все свое многообразие, всю свою художественную мощь. Но, приветствуя этот процесс в принципе, нельзя не сказать и о негативном опыте, связанном прежде всего с отходом от принципов конкрет-

ного историзма в отношении прошлого, с недостатком научной культуры и требовательности в деле публикаторства. Наметились тенденции свособразной лакировки, приукрашивания истории, когда, к примеру, поэты среднего литературного ряда, которым в пору «серебряного века» русской поэзии отводилось скромное место, сегодня выдаются чуть ли не за поэтических метров. Идет лакировка не только литературной, но и жизненной правды.

Скажем, некоторые публикации, посвященные Набокову, напоминают сусальные рождественские открытки, где знаменитый писатель выглядит таким херувимом с крылышками.

Хорошее, интересное дело затеял Е. Евтушенко — представить на страницах «Огонька» антологию русской поэзии, какой она видится поэту. Комментирование своей антологии он ведет не всегда точно: предлагает даже не считать Набокова эмигрантом, поскольку, дескать, тот был вывезен за границу в ранней юности. На самом деле — в двадцатилетнем возрасте. И потом: зачем же так обижать Набокова, приписывая совершенно не свойственную ему систему убеждений? Он был человеком куда более определенным, чем представляется Е. Евтушенко.

Рассказывая о случайной встрече в 1921 г. с А. Толстым и А. Белым, Набоков пишет: «Они были накануне возвращения в Россию, и («беляк»), какovým я в известном смысле остался до сих пор, не пожелал разговаривать с большевиками (попутчиками)»².

А вот его позиция, выраженная в конце жизни в автобиографии «Другие берега»: «17-й год является годом, которым, по-видимому, кончилась Россия, как в свое время Афины и Рим»³.

Приведу также его стихотворение военной поры:

Каким бы полотном батальным ни являлась
советская сусальнейшая Русь,
какой бы жалостью душа ни наполнялась,
не поклонюсь, не примирюсь
со всею мерзостью, жестокостью и скукой
немного рабства — нет, о нет,
еще я духом жив, еще не сыт разлукой,
увольте, я еще поэт.

Кембридж, Массачусетс, 1944

Таковы в реальных проявлениях политические позиции В. Набокова.

Так, может быть, правы те, кто возражает против публикации его произведений? Ни в коем случае. Наш читатель имеет право знать творчество этого талантливого русского писателя, тонкого, незаурядного стилиста, но знать всю правду о нем. Знать о его ностальгии, величайшей любви к русской природе, саднящей памяти о России, которую он хранил до конца своих дней, о его неприятии фашизма, чувстве одиночества в эмиграции, но также и о том, что литературный дар Набокова до конца дней его сопрягался с неприятием революции и тех социальных порядков, которые после 1917 г. установились в нашей стране.

Ведь тот факт, что, раскрывая всю сложность его мировоззрения и политических позиций, мы тем не менее Набокова печатаем и отдаем дань уважения его незаурядному таланту, свидетельствует о нашей силе, а не слабости.

И сила эта заключается в марковом, ленинском понимании, что есть литература, искусство. В достаточно ясном и полном понимании той истины, что литература и искусство, если они подлинны, будучи особой, специфической формой общественного сознания, несводимы к политике, к социологии, к политическим высказываниям или воззрениям автора. Художественный талант, если он истинный, как бы ни ограничивали его те или иные узкие политические воззрения, таит в себе свои особые возможности постижения жизненной правды, общечеловеческих, гуманистических ценностей.

2. ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛИЗМА

Расширение фундамента эстетического наследия в современных условиях свидетельствует о все более глубоком и полном выявлении гуманистического потенциала социализма, который выступает сегодня в роли «хранителя огня» человеческого гуманизма и культуры.

Одно из противоречий революционной эпохи заключалось в том, что революция воспринималась частью русской интеллигенции как разрыв с гуманистической традицией и предшествующей культурой. И надо сегодня честно сказать: ультрареволюционные, а на самом деле мелкобуржуазные силы, используя

драматические трудности времени и незрелость революционного сознания, немало поработали, чтобы утвердить в умах эту антиленинскую по сути своей, «махаевскую» точку зрения. Мы понесли из-за этого колоссальные культурные потери, которые ныне всем очевидны. Но нельзя не видеть и другое — противостояние этим псевдореволюционным «пролеткультовским», рапповским подходам иной, ленинской точки зрения в отношении наследия, которая в трудной, постоянной борьбе с историческим империализмом в конце концов одерживала верх.

Проиллюстрирую эту свою мысль словами известного русского философа-идеалиста Н. Бердяева. Он не принял революцию в первую очередь именно потому, что она, по его мнению, «враждебна духу». И каким же потрясением стало для него следующее открытие, сделанное им уже в послевоенные годы: «Наиболее меня поражало, когда мне говорили, что весь русский народ не только читает великую русскую литературу XIX века, но и имеет настоящий культ Пушкина и Л. Толстого»⁴.

Социализм требует, чтобы мы сегодня в полной мере пришли к осознанию значения общечеловеческих, гуманистических ценностей и научились по достоинству ценить культуру, редкий дар художественного таланта. И самой практикой, действительностью современной литературной жизни мы отвечаем и на горькие строки погибавшего на чужбине талантливой поэта-эмигранта Георгия Иванова: «Меня вы не спасли. По-своему вы правы! — Какой-то там поэт... ведь до поэзии, до вечной русской славы вам дела нет...»

Как видите, есть дело. И мы сегодня стремимся сохранить для будущих поколений каждую крупницу поэзии и «вечной русской славы», невзирая на весь драматизм взаимоотношений Г. Иванова, В. Ходасевича или В. Набокова с отчизной.

Но делать это надо, не уступая и крупницы исторической правды! Ибо уважение к поэзии, ее вечным ценностям не означает всепрощения по отношению к тем, кто разменял свой дар на злобу и ненависть, растратил его на политическую борьбу с родной страной. Пример тому — Зинаида Гиппиус и Мережковский, которые с самого начала и до конца, включая и годы войны, занимали самые непримиримые позиции в отношении Советской страны.

Не только отношение к революции, но и отношение к Великой Отечественной войне, к фашистскому нашествию — объективные критерии, которые нужно всегда помнить, когда мы рассматриваем новый для нас сегодня вопрос об эмигрантской литературе.

Сошлюсь еще раз на Бердяева: «Вторжение немцев в русскую землю потрясло глубины моего существа. Моя Россия подверглась опасности, она могла быть расчленена и порабощена. Немцы заняли Украину и дошли до Кавказа. Поведение их в оккупированных частях России было зверское, они обращались с русскими, как с низшей расой. Это слишком хорошо известно. Было время, когда можно было думать, что немцы победят. Я все время верил в непобедимость России. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной Армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками. В русской среде, в Париже, были элементы германофильские, которые ждали от Гитлера освобождения России от большевиков. Это вызывало во мне глубокое чувство отвращения»⁵.

И одними из первых, с кем порвал всякие отношения Бердяев и к кому он относился с глубоким отвращением, не скрывая этого, были Зинаида Гиппиус и Мережковский. Сам же Бердяев, несмотря на всю противоречивость своего отношения к нашей стране, обратился с просьбой о советском паспорте, но вскоре умер. Какие процессы вызвала Великая Отечественная война в недрах русской эмиграции! Так как же теперь, в упоении свободой, мы забываем об отношении к изменникам, которое в годы войны даже белую эмиграцию раскололо пополам?! Вот уж действительно: «единый поток» в полном смысле этого слова.

Замечу, что, клянясь исторической правдой, мы часто бываем при этом уклончивы в одних случаях и нетерпеливы, размахисты — в других. И тогда правда опять-таки оборачивается неправдой или полуправдой. Не так ли представлена в «Брестском мире» М. Шатрова фигура Горького? Разногласия Горького с Лениным в годы революции здесь механически вырваны из контекста развития взглядов писателя и представ-

лены чуть ли не исчерпывающей позицией Горького. В итоге упрощаются и Горький, и история.

Требование полной исторической правды должно быть обязательно для всех. И сочетаться с величайшей объективностью, ответственностью, взвешенностью суждений и историческим тактом.

Точность, объективность и полная правда в отношении литературных произведений и имен необходимы еще и потому, что в современных условиях они не остаются замкнутыми в башне из слоновой кости, но активнейшим образом входят в наше общественное сознание, занимают в нем свое место и получают свой, подчас достаточно мощный голос в общенародной дискуссии о нашем дальнейшем пути в будущее, в формировании того самосознания народа, которое с наибольшей точностью выразило историческую потребность обновления социализма.

В условиях гласности и демократии к читателю возвращаются и такие произведения, которые можно рассматривать как книги-предостережения, как сигналы тревоги и боли, а подчас и несогласия с теми или иными проявлениями конкретной практики строительства социализма. Книги, где во многом по-новому ставится для нас сегодня проблема революции и интеллигенции, революции и культуры, революции и духовных ценностей. Я имею в виду роман «Мы» Замiatина, направленный против примитивного, бездуховного, «казарменно» понимаемого социализма, «Доктор Живаго» Пастернака — о трагической судьбе тех слоев интеллигенции, которые не поняли и не приняли революцию, «Котлован» Платонова — о феномене отчуждения в условиях революции и социализма, многие произведения Булгакова и т. д. Эти произведения заслуживают особого разговора и ждут внимательного, пристального, а главное, объективного литературного и социального анализа.

Было бы неправильным к столь сложному социально-культурному феномену подходить упрощенно и одномерно, лишь поменяв черное на белое или даже на розовое, без конкретно-исторического анализа и социально-философского осмысления. При таком подходе и возможны конфузы, подобные тому, который случился в Таллинне, когда местная газета опубликовала письмо писателей и журналистов, выступивших против установления мемориальной доски Всеволоду

Вишневскому, поскольку он был будто бы «организатором травли Булгакова». Евгений Габрилович, Вячеслав Тихонов, эстонский ветеран Карл Ару справедливо писали на страницах «Советской культуры» по этому поводу: «Да, не принимал Всеволод Вишневский творчества М. А. Булгакова. Да и не мог, очевидно, принять. Это же естественно. Не мог участник Октябрьского вооруженного восстания, пулеметчик бронепоезда, боец Первой конной, просто объективно не мог он, пришедший в литературу двадцатилетним из окопов гражданской войны, в этих окопах твердо, навсегда определивший линию жизни, вот так, сразу понять искания, сомнения, смятенные колебания интеллигента. Обидно, жалко, но это так было. Потому что была революция. Потому что из столкновения двух миров рождалось новое общество, новый мир. И точно так же рождалась новая литература. С болью. Порой трагично. Но это ее и наше счастье, что в советской литературе рядом с именами Фурманова, Фадеева, Светлова стоят имена Ахматовой, Пастернака, Зощенко... И так же навечно стоять рядом в нашей литературе именам Булгакова и Вишневского — людям таким разным и таким схожим и по сле, мощи таланта, и по принципиальности взглядов»⁶.

Ситуация эта воспроизводит некоторые печальные приметы сегодняшнего литературного быта, установившиеся, увы, уже во время перестройки. Авторы письма в «Советскую культуру» характеризуют эти новейшие тенденции следующим образом: «...странные вещи происходят: смотришь, вроде бы ратуют люди за историческую правду, а приглядишься — фальшивку норовят подсунуть, вроде бы за свободу мнений выступают и тут же безжалостно подавляют любое несогласие с собственными взглядами, вроде бы одного защищают, а на деле другого травят. Вот, например, как-то незаметно и быстро группа литераторов, деятелей культуры (покойных и ныне здравствующих), по разным причинам не получивших до недавнего времени должного признания, уже возведена практически в ранг «неприкасаемых». И уже сегодня попытка высказаться об их деятельности не в превосходной степени чревата такими обвинениями, по сравнению с которыми выражение «организатор травли» выглядит едва ли не безобидной шуткой.

Когда, осудив при вселюдной поддержке бытовав-

шие порочные формы и методы разрешения творческих разногласий, укрепив тем самым свои позиции, осуждавшие берут на вооружение те же самые, ими же осужденные формы и методы. Изменились имена. А в остальном как все порой бывает до боли знакомо: вместо аргументированного разбора позиции оппонента — передергивание фактов, вместо уважительного, хотя бы терпимого отношения к чужому мнению — грубый окрик, вместо доказательной, глубокой, объективной критики — шельмование. (Не шарахаемся ли мы нередко из стороны в сторону? То долгие годы клеймим художника, то — почти тем же хором — безмерно превозносим его как раз потому, что долгие годы клеймили.)»⁷.

Возвращение в литературу отвергавшихся или недооценивавшихся ранее имен — процесс сложный, трудный и достаточно противоречивый, здесь должны быть проявлены такт, мудрость и величайшая деликатность по отношению как к ним самим, так и к историческому контексту советской литературы.

Возвращение произведений и имен расширяет наш взгляд на революцию, делает наше знание о ней более полным, всесторонним, объемным. Но при этом нельзя сводить историю советской литературы только к этим ее страницам, а уж тем более противопоставлять одно другому. Наиболее точным с методологической и мировоззренческой точек зрения нам видится иной подход. А именно: художественную правду о столь великом, воистину тектоническом времени человеческой истории, каким была Октябрьская социалистическая революция, добывала *вся* советская литература в наиболее талантливых своих проявлениях на всем пути ее сложного, противоречивого развития.

Различен угол зрения, различны подходы, глубина, степень сопутствия историческому процессу, однако именно революция, судьбы социализма были центром той вселенной, имя которой — советская литература.

3. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ИСТОРИЗМ

В современных условиях революционных перемен особенно важно чувство пути, чувство исторической диалектики и исторической преемственности как в жизни, так и в литературе, ибо без опоры на историче-

скую традицию при всей ее конфликтной противоречивости, без осознания реального, действительного значения революции для народа и литературы, без искренней идейной убежденности в ее ценностях перестройка не даст ожидаемых результатов.

Задача писателей, критиков, издателей состоит в том, чтобы включить в культуру народа всю палитру, все многообразные достижения крупнейших художников советского времени в реальной правде всех противоречий. В статье «Литературу питают корни» Евгений Винокуров в газете «Советская Россия» справедливо заметил: «Когда я говорю о необходимости возвращения к литературной жизни возможно полного творческого наследия Булгакова, Платонова, Пастернака и ряда других ныне часто повторяемых имен, я думаю еще и вот о чем: упоминая только эти имена, мы грешны против полиой правды историчн литературы. Настал час вспомнить, например, о тех поэтах, которые вроде бы и издавались, о которых вроде бы и говорили, но издавали и говорили как-то так, что затеняли их действительную огромную ценность. Среди предаваемых таким способом забвению поэтов я бы выделил имена Павла Васильева, Ярослава Смелякова, Александра Прокофьева, Леонида Мартынова»⁶.

Восстановление исторической правды применительно к литературному процессу — это еще и восстановление в правах истинных идейно-эстетических критериев, идейно-эстетической справедливости, художественной взыскательности

Главным же критерием художественности в отечественной литературе всегда считалась и считается правда. В этой связи категорически не могу принять той точки зрения, будто литературный процесс в советской литературе минувших десятилетий напоминал чуть ли не пустыню, будто истинные ценности русской литературы находились лишь в эмиграции да в записниках.

Мы знакомимся сегодня с литературой русского зарубежья лишь по ее вершинам. Но и эмигрантскую литературу надо изучать, постигать в полиом объеме. И тогда будет очевидным то, о чем с горечью говорили и сами эмигранты. Владислав Ходасевич, которого трудно заподозрить в симпатии к нам и антипатии к эмиграции, в статье «Литература в изгнании» писал:

«Не ища новизны, страшась сопряженного с нею теоретического труда и практического риска, боясь независимой критики и ненавидя ее, с годами она постепенно отвыкла даже работать, ибо писание даже хороших вещей по собственным трафаретам в сущности уже не есть настоящая работа. Лишь за весьма немногими исключениями, старшие наши писатели в годы эмиграции не сумели и как-то даже не пожелали усовершенствовать свои дарования... Гора книг, изданных за границей, не образует того единства, которое можно было бы назвать эмигрантской литературой. В этом смысле эмигрантская литература не существует вовсе»⁹. Все лучшее и живое сохранялось в эмигрантской литературе лишь в той степени, в какой она, хотя бы ностальгически, питалась соками родной земли и магнитно тянулась к отечественной литературе.

Советская литература особенно сегодня, когда мы восстанавливаем ее богатства в полном объеме, предстает миру как огромная, самобытная духовная сила, в своем коллективном опыте выразившая правду революции во всех непростых сторонах ее героического и часто трагического бытия. Ее путь был противоречивым, конфликтным, но в конечном счете единым. Ведь и Булгаков, и Платонов, и Пастернак, и Замятин при всех трудностях их личной судьбы находились не по ту, а по эту сторону баррикады, были писателями, убежденно советскими, они всем сердцем болели за судьбы родной страны. Драматические сложности их творческой судьбы были связаны не с тем, что эти писатели не принимали революцию и Советскую власть, но с неприятием ими тех или иных сторон этого пути, а подчас с осознанием назревавших опасностей отхода от принципов гуманизма и демократии, — тех опасностей, которые и сформировали со временем в нашем обществе антиленинскую, антидемократическую психологию и практику культа личности. Вспомним в этой связи драматическую судьбу Шолохова или Фадеева, всю степень конфликтности их жизненных судеб и одновременно — их веру в революцию и социализм.

С глубоким и искренним революционным энтузиазмом, революционной верой, несмотря на 1937 год, наш народ — и литература! — встретил Великую Отечественную войну, вызвавшую небывалый подъем самых

высоких патриотических чувств. О том, что значила она для народа и для литературы, сказано много убедительных и точных слов. Но приведу еще одно свидетельство, одно из самых глубоких и объективных. В воспоминаниях об Анне Ахматовой Маргарита Алигер приводит удивительный разговор с нею в ночной каюте волжского парохода летом 1941 г. на пути в эвакуацию, в Чистополь: «Такая война! И как она трезво и точно определяет, что к чему и кто есть кто... Нет-нет, поверьте мне, это самая великая война в истории человечества. И уверяю вас, никогда еще не было такой войны, в которой с первого выстрела был бы ясен ее смысл, ее единственно мыслимый исход. Единственно допустимый исход, чего бы нам ни стоило. Мы выиграем эту войну для того, чтобы люди жили в преображенном мире. Все страшное и гнусное в нем будет смыто кровью наших близких...»

Не это ли мироощущение питало нашу удивительную по духовной, нравственной чистоте военную прозу — «Звезду». Эм. Казакевича, «Последние залпы», «Батальоны просят огня», «Тишину» Ю. Бондарева, повести В. Быкова, «Пядь земли», «Июль сорок первого» Г. Бакланова, поэзию А. Твардовского, замечательной плеяды наших фронтовых поэтов?

1953—1956 годы были первым прорывом к этому «преображенному миру», — прорывом, который в силу своей непоследовательности был прерван раньше времени и, к сожалению, не дал ожидаемых результатов.

Однако неоспоримо: революция, Ленин, Великая Отечественная война и потом XX съезд партии были теми историческими импульсами, которые сообщали и нашей жизни, и литературе движение, воспринятое и продолженное временем перестройки и гласности.

Революционный, социалистический, патриотический заряд жизни был настолько велик, что, утверждая себя в литературе, он постоянно бросал вызов неправде, бесстрашно утверждал подлинно ленинские, подлинно революционные, подлинно социалистические начала в ней. Сегодня крайне важно и своевременно взглянуть на историю советской литературы еще и под этим углом зрения.

Нельзя принять нигилизма, с которым некоторые литераторы относятся ныне к самым святым страницам отечественной литературы, тем страницам, которыми мы можем и должны гордиться.

Следуя логике этих литераторов, мы должны были бы поставить под сомнение правдивость и таких характеров, как профессор Вихров у Леонова или Басов у Крымова, Венька Малышев у Нилина или Крылов у Гранина, Княжко у Бондарева или Едигей у Айтматова, тех характеров активного, деятельного добра, которыми всегда была сильна советская литература. Иронизируя над упрощенностью формулы «положительного героя», так легко поставить под сомнение жизнеспособность, правдивость подобных характеров. Но жизнь держалась именно на них. Принципиально честные характеры — люди чести и совести, деятельного добра — выражали правду нашей действительности, все эти годы и десятилетия развивавшейся в противостояниях подлинно социалистических, ленинских, революционных начал путам бюрократизма, застоя, бездушия и консерватизма.

Иначе — откуда бы возникла перестройка? Ведь она возникла не на пустом месте, но вызревала в жизни, готовилась и жизнью, и литературой. Сила и реальность ее революционных целей и задач в том и состоит, что она выражает объективную потребность времени и глубоко укоренена в нашу жизнь, революцию, историю, она растет из нашего великого ленинского наследия и опирается на лучшее в наших революционных традициях.

В новых условиях с новой силой зазвучали произведения, встречавшиеся в стыки в недавнем прошлом. Скажем, «Рычаги» и «Вологодская свадьба» А. Яшина или «Собственное мнение» Д. Гранина. При их появлении наше общество еще не было готово к такому уровню правды в исследовании глубинных корней причин наших трудностей, и прежде всего недостатка демократизма в нашей жизни, подмены инициативы и личностной ответственности работников слепой исполнительностью. Так же опережали свое время очерковая повесть Ф. Абрамова «Вокруг да около» или повесть «Живой» Б. Можаяева о тяжелой судьбе нашей деревни, о вопиющих нарушениях принципа экономической заинтересованности и, как следствие этого, об искажении, а подчас и полной утрате чувства хозяина земли в народе.

Как не хватает нам сегодня этих писателей неистового гражданского темперамента и неподкупной жизненной правды — Ф. Абрамова и А. Яшина,

Ю. Трифонова и В. Тендрякова, П. Ниллина и Ю. Германа; время, в которое мы вступили, воистину их время!

Трудовой была судьба романа «Не хлебом единым» В. Дудничева или статьи «Люди колхозной деревни» Ф. Абрамова, романа «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Ведь все эти произведения пришлись на время так называемой оттепели, на время XX съезда. Их судьба — свидетельство того, как трудно уступают дорогу старое мышление, старые формы, привычные стереотипы.

Не потому ли такой нелегкой была судьба всей нашей «деревенской прозы» в целом, связанной с именами Ф. Абрамова и В. Белова, В. Шукшина и В. Астафьева, В. Распутина и С. Залыгина, Б. Можая и Е. Носова, П. Проскурина и Г. Троепольского, — прозы, бесстрашно приковывавшей внимание общества к судьбам деревни? А разве легкой была судьба Ю. Трифонова или В. Тендрякова, А. Вампилова или В. Курочкина, Ю. Домбровского или Ю. Казакова? Они не блистали наградами, премиями, но делали свое большое, честное дело. Честная советская проза и подлинная поэзия в вершинных своих явлениях психологически готовили нынешнюю перестройку, последовательно формировали в душах человеческих ощущение необходимости революционных перемен. Процессы эти шли не гладко, а в глубочайших противоречиях и борьбе. Чем правдивее, чем художественнее было произведение, тем труднее, как правило, была его творческая судьба. Но свято место пусто не бывает, и создавшийся в результате административно-бюрократического нажима вакуум заполнялся дешескими или мещанскими поделками, «серой» литературой, проявлениями потребительской массовой культуры.

Но тем не менее потребности жизни неумолимо требовали полной правды о нашем развитии, о нашей истории, о дне вчерашнем и сегодняшнем. XXVII съезд КПСС и его решения для нашей жизни и литературы были органически и глубоко подготовлены всем предшествующим развитием жизни и конечно же литературы, которая, если она подлинная, всегда идет несколько вперед своего времени, взламывает лед, предчувствует завтрашний день.

Разве не удивительно, что время XXVII партийного съезда литература встретила такими произведения-

мн, как «Пожар» В. Распутна, «Плах» Ч. Айтматова, «Печальный детектив» В. Астафьева, «Игра» Ю. Бондарева, «Карьер» В. Быкова, «Все впереди» В. Белова, — произведениями острейшего социального нетерпения, которые будто колокол тревоги будили в обществе сознание необходимости безотлагательных перемен?! И разве не удивительно, что к этому времени уже были подготовлены и нетерпеливо ждали лишь публикации такие произведения, как «Белые одежды» В. Дудинцева, «Дети Арбата» А. Рыбакова, «Мужики и бабы» (кн. вторая) Б. Можяева, «Кануны» (кн. вторая) В. Белова, — произведения, продолжившие тему, на много лет раньше прозвучавшую в поэме А. Твардовского «По праву памяти» и в «Реквиеме» А. Ахматовой?

А на поверку ничего удивительного в этом нет. А есть неистребимый и неотменимый закон художественной правды в искусстве, неутолимая потребность подлинной литературы в устремленности к постижению правды в свете высшего общественного идеала.

Этот рвущийся напор произведений, бесстрашно исследующих противоречия между нашим общественным идеалом и реальной действительностью, выявляет объективную, мощную историческую потребность времени. Потребность до конца разобраться в движении истории Отечества, в нашем сложном, противоречивом и драматическом пути первопроходцев в будущее. Этот процесс начался на XX—XXII съездах нашей партии и был искусственно прерван, приостановлен. Но загнанный внутрь вопрос все равно остается вопросом.

Жизнь, время, общество требуют ответа на него. Видимо, в силу колоссальной, шекспировской по глубине и масштабам сложности этого вопроса ответ на него не может быть и не будет однозначным. Поиск этого ответа — в выявлении и столкновении различных, возможно полярных, точек зрения, в спорах и дискуссиях.

Литературный процесс сегодняшнего дня — убедительнейшее подтверждение того, что гласность и демократизация нашей духовной жизни для нас не фраза, но реальность. Этот факт показывает, что в нашей литературе нет зон, закрытых для критики и аналитического исследования, дискуссий и обсуждения. Важно только, чтобы ни одна сторона в этом споре

не претендовала раньше времени на монополию, на полную, окончательную истину. Чтобы ни одна, пусть и крайне важная тема также не стремилась занять исчерпывающее, монопольное положение в литературе, не превращалась в сенсацию, не становилась индульгенцией и оправданием малохудожественности, чтобы критика сохраняла одинаково трезвый взгляд и равно высокие критерии эстетической требовательности при оценке произведений любой тематики.

Важно также, чтобы литература в своем движении в будущее не оказалась прикованной только к прошлому, его драматизму и накалу страстей, чтобы, извлекая уроки из прошлого, она думала о будущем, о нашем революционном сегодняшнем и завтрашнем дне.

ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ МАТЕМАТИКИ КАК АСПЕКТ НОВОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

1. МАТЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ: ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?

В современной математической науке, а особенно в попытках ее философского осмысления происходят качественные изменения. Причем вызывается это не только и не столько созданием новых математических методов, все более широким проникновением в практику работы математиков-прикладников «идеологии», связанной с применением компьютеров. Речь в первую очередь о попытках увидеть в математике не просто мощный аппарат для разрешения пусть и весьма значимых, но все же прикладных (в смысле утилитарности) проблем, но и нечто большее, включенное, «вписанное» (причем самым естественным образом!) в культурный (точнее, общекультурный!) контекст человеческой деятельности.

Осуществляется решение этой задачи различными путями. Попытаюсь обозначить хотя бы некоторые из них.

Во-первых, это создание математических моделей для исследования самых различных ситуаций, в первую очередь попытки построения моделей эволюции биосферы. Академик Н. Н. Моисеев и его многочисленные ученики и последователи создали широко известные модели, описывающие последствия ядерного конфликта («сценарий» применения одного процента накопленного оружия массового уничтожения) и получившие название «ядерная зима». Или самые последние разработки в этой области: модель, характеризующая последствия для США конца 40-х — начала 50-х годов реализации их планов применения ядерного оружия против нашей страны, не имевшей

тогда адекватной возможности ответить на это нападение. Согласно этой модели, нападение на СССР привело бы к выпадению на американской территории осадков, сопоставимых по количеству с аварией 20—60 Чернобылей.

Во-вторых, поиск новых методов для анализа проблем гуманитарного знания. Так, в последнее время все более широкое распространение в политологических исследованиях получают логико-математические модели исследования различных ситуаций. Появились работы, посвященные теоретическому обоснованию исследования потенциала идей и методов (связанных с искусственным интеллектом) в изучении политического мышления. При этом, как подчеркивают П. Б. Паршин и В. М. Сергеев, различные подходы, предлагавшиеся в целях объективизации «интуитивной экспертизы» — неотделимого от личности эксперта метода изучения политического мышления, оказались ограниченными¹. То есть в этой сфере человеческий фактор, оказывается, трудноустраним.

В-третьих, широкое использование методов геометрии для методологических исследований в области теории живописи. Скажем, теория обратной перспективы, лежащая, согласно П. А. Флоренскому, в основе создания икон в православной церкви; исследования академика Б. В. Раушенбаха, посвященные изучению (с точки зрения геометрии!) живописи различных стран и народов.

В-четвертых, исследование аналогий между математическим и художественным творчеством. Существуют весьма глубокие и вполне обоснованные исследования творческих процессов, предпринятые как выдающимися учеными, так и великими мастерами слова (А. Пуанкаре и Ф. М. Достоевский). Процесс творческой работы (согласно А. Пуанкаре) включает интуицию. Он складывается из следующих этапов: «за первый присест не удастся сделать ничего путного»; затем наступает более или менее длительный перерыв, в течение которого совершается бессознательная работа; после этого наступает новый этап сознательной работы, который кажется также безрезультатным; но внезапно появляется решающая мысль; последний этап — обязательная проверка результата. Сознательная работа, согласно Пуанкаре, особенно необходима для обработки результатов вдохновения. Хотелось бы

обратить внимание на факты весьма близкого совпадения представлений о соотношении вдохновения и сознательной деятельности в другой сфере творчества — художественной, а именно во взглядах Ф. М. Достоевского. Сюда же можно отнести и использование разработанных в науке концепций, а иногда — просто ярких образов и аналогий для выявления сущности методологической установки автора того или иного художественного произведения. Так, Герман Гессе в романе «Игра в бисер», формулируя свое кредо, пытается объяснить якобы высокий творческий потенциал занятий гражданами Кастальской провинции — Игры стеклянных бус — аналогией с музыкой и математикой. Но фактически эта аналогия показывает творческую бесплодность Игры в бисер. Интересно, что аналогия между математикой и музыкой широко используется самими учеными-математиками. Это в первую очередь Пуанкаре, а также основоположник интуиционизма Л. Э. Я. Брауэр. Правда, у них эта аналогия (и вполне обоснованно) прямо противоположна той, которую проводит Гессе. И это неудивительно: ведь названные математики стремятся аналогией прояснить процессы математического творчества, а Гессе пытается охарактеризовать формальную игру символами (и в этом оказывается идейно близок с лидером формализма Д. Гильбертом — теоретическим противником интуиционистов).

В-пятых, ученые, которые внесли в развитие математической теории наиболее значительный вклад, никогда не были только специалистами узкого профиля. О Брауэре, о его увлечениях музыкой, литературой, историей культуры будет сказано ниже. Но стоит еще вспомнить выдающегося немецкого математика Ф. Хаусдорфа, который писал пьесы, шедшие на профессиональной сцене (псевдоним Поль Монтре); Н. Винера, автора не только двух автобиографических книг, но и романа «Искушитель»; нашего выдающегося соотечественника, создателя «воображаемой (неаристотелевой) логики» Н. А. Васильева, который был известным поэтом. А создатель конструктивного направления в советской математике А. А. Марков, который был еще и автором произведений, вполне достойных известного писателя! Или один из выдающихся мыслителей XX в. — П. А. Флоренский — математик, электротехник, специалист по истории

искусства, автор выдающихся трудов по методологии математики, религиозный философ. Академик Н. Н. Лузин, создатель дескриптивной теории множеств и одновременно человек с необычайно широким кругом как научных, так и философских и общекультурных интересов. Этот список можно было бы долго продолжать, но предположения о важности гуманитарной компоненты для развития математического знания кажутся достаточно очевидными. Напомню слова ученика Брауэра, известного голландского математика и логика А. Гейтинга: «Научная философия принадлежит к прикладной математике, но многие важные работы по философии не являются научными. Я не вкладываю в это уничижительный смысл. Многие философские книги являются произведениями искусства; они принадлежат в равной степени как литературе или поэзии, так и науке. Очень часто они поэтичны и относятся к лучшей литературе»².

Конечно, можно возразить, что все вышеизложенное лишь косвенно может характеризовать проблему гуманитаризации математики. Но есть аргументы, работающие на обоснование этой точки зрения непосредственно. Среди математиков-профессионалов и специалистов в области методологии математической науки сегодня все более усиливаются тенденции, которые можно охарактеризовать как крайнюю оппозицию принципам аксиоматического мышления (так сказать, краеугольного камня, лежавшего в основании мировоззрения многих математиков еще совсем недавно). Американский историк и методолог математики Дж. Фаинг характеризует ситуацию так: «Наше столетие зашло слишком далеко в разного рода «аксиоматических» разгулах, маннакальном упорстве, в самом суровом ригоризме. Это своего рода похмелье наступило после опьянения «аксиоматическим мышлением» на пороге столетия»³.

Тенденции такого рода существуют и среди советских математиков. Так, В. И. Ариольд в своей рецензии на принципиальную по значимости для обсуждаемого вопроса книгу И. Р. Шафаревича ввел термин «математика с человеческим лицом»⁴.

В настоящее время среди специалистов по философии математики выделяется целая группа ученых (среди них уже упоминавшийся профессор Фаинг, главный редактор международного журнала «Philosophia

Mathematica»), которые по своим воззрениям на методологию математической науки относятся к представителям так называемой американской нефундаменталистской философии математики. Работы такой нефундаменталистской ориентации «исследуют функционирование математики и претендуют на постановку и решение проблем определения тенденций развития математики, места математики в культуре, исторических закономерностей развития математики... а также на рассмотрение структуры математического сообщества, роли интуиции и мировоззренческих представлений в математическом творчестве, на исследование проблем математического образования»⁵.

Заместителем главного редактора журнала «Philosophia Mathematica» является профессор И. Анеллис, человек не только обаятельный в личном общении, интересующийся историей русской культуры, но и необычайно целеустремленный; он считает, что личные контакты между американскими и советскими специалистами в области философии математики реально могут способствовать улучшению отношений между нашими странами (это тот аспект мышления, когда оно имеет прямые выходы на новое политическое мышление), и многое делает для развития и укрепления таких связей. Во многом благодаря его стараниям три советских специалиста включены в состав редколлегии этого международного журнала.

Вопрос: «Что же такое математика сегодня: естественная, техническая или гуманитарная наука?» — бурно обсуждался в рамках межсекционного симпозиума, организованного Анеллисом на VIII Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Москва, август 1987 г.), а также на втором Всесоюзном симпозиуме «Закономерности и современные тенденции развития математики» (Обнинск, сентябрь 1987 г.), где вызвал необычайно бурные дебаты.

Так, выступивший на этих симпозиумах известный советский специалист по математической логике Н. Н. Непейвода считал, что традиционно европейская наука была анатомирующей, рассматривающей живое как мертвое, расчлененное, а теперь наука, во-первых, стала буквально убивающей, во-вторых, все более апологетической, направленной на обоснование уже принятых решений. Он высказал парадоксальную точ-

ку зрения на то, какими могут быть варианты эволюции ученого-математика, если он исходит из той или иной методологической позиции.

Первая методологическая позиция: математика есть естественная наука. Такой подход, по мнению Н. Н. Непейводы, опирается на платонизм. В этом случае эволюция представлений ученого такова: «естественная наука — спорт — квазирелигия». Это значит, что ученый-математик начал с представления о своей науке как о естественной (желание прислониться к чему-то прочному), далее она превращается в спорт, когда ценится решение поставленной кем-то задачи (математика превращается в нечто среднее между шахматами и альпинизмом). Финал этого пути: математик, исчерпав творческий потенциал, превращается в преподавателя, пишет книги, т. е. математика для него стала квазирелигией.

Если математика рассматривается как гуманитарная наука, то цепочка такова: «гуманитарная наука — техническая наука — гуманитарная наука». Путь восприятия математики как технической науки, по мнению Н. Н. Непейводы, ведет в тупик. Рассматривая еще один вариант, когда математика воспринимается как искусство, Н. Н. Непейвода утверждал, что в этом случае появляются неожиданные далекие аналогии, совершается популяризация идей математики в других сферах деятельности. Возможен еще один вариант, основанный на слепой вере в математику (разновидность религии); он или ведет ученого в ниравну, или превращает в плохого философа. Н. Н. Непейвода настаивал на том, что преподаватели должны ориентировать студентов на следующие пути: математика как естественная наука; математика как гуманитарная наука; математика как искусство. Причем особенно важны именно гуманитарные тенденции. Прогресс в науке возможен только по всему фронту, поэтому математику требуются не просто знания фундаментальных результатов, но общая культура. Это особенно важно сейчас, когда широко ведутся исследования в области искусственного интеллекта, а также предпринимаются попытки использовать компьютеры в математических доказательствах.

2. МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО: КАК ЗДЕСЬ МОЖЕТ ПРОЯВЛЯТЬСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР?

Наверное, не существует более убедительного аргумента у сторонников объективизирования, обезличенного представления о математической науке, чем ссылка на математическое доказательство. В самом деле, раз в математике все доказано (считают последователи подобной точки зрения), то не может быть и речи о влиянии на нее каких-либо субъективных установок ученого. А как выглядит ситуация на самом деле?

Вот взгляды философов и математиков на сущность доказательства. Как известно, эта проблема занимала в размышлениях позднего Людвиг Витгенштейна весьма существенное место. Более того, А. Ф. Грязнов считает, что центральной темой витгенштейновской философии математики является понимание специфики математического доказательства⁶. С лингвистической точки зрения доказательство для Витгенштейна есть последовательность предложений, с помощью которых мы получаем образ того или иного «математического эксперимента». Поэтому работающие математики могут использовать схемы и диаграммы. Из своих ранних занятий инженерным делом Витгенштейн вынес твердое убеждение в важности наглядности математических построений. Фигуры, которые иллюстрируют те или иные решения, как бы устраивают нашу слепоту. Убедительность доказательства — в его наглядности. Абстрактные доказательства в стиле математического платонизма, по мнению Витгенштейна, лишены такого свойства.

Для Витгенштейна осуществление математических доказательств и согласие с их результатами — некоторый обычай, или ритуал. Доказательство — творческий процесс по созданию новой парадигмы вычислений. Математик, считал Витгенштейн, как бы экспериментирует с различными «образами» вычислений, отдельные из которых становятся парадигматическими и (временно) приемлемыми в силу своей полезности.

Витгенштейн считал, что при споре о доказуемости или недоказуемости некоторых положений следует устанавливать, в какой математической системе это происходит. При этом речь должна идти о разграни-

чении математических систем как различных и не связанных существенным образом областей активности математиков. По его мнению, доказательство само показывает, что именно следует принимать в качестве критерия доказуемости, так как оно обязательно является частью определенной системы («игры»), в которой используются входящие в него предложения. Согласно Витгенштейну, главное заключается в том, как именно доказательство конструирует то или иное математическое положение. Оно заставляет одну структуру порождать другую, выявляет концептуальные отношения между ними. В силу этого доказательство выступает как инструмент языка. При этом требуется временный консенсус конкретного математического сообщества, т. е. взаимопонимание всех участвующих в языковой игре с теми или иными знаками⁷.

Конечно, могут возразить, что Витгенштейн — не профессиональный математик и мог не знать реальных механизмов математического творчества. Но вот точка зрения реально работающего американского математика (и методолога науки) Н. Гудмена. Он пишет (напоминая об Уотергейте): «Предположим, в политической дискуссии я заявляю: «Что особенного в Никсоне? Существует много других американских политических деятелей, которые грубо злоупотребили своей властью. Случалось, что их не могли поймать».

Вы спрашиваете в удивлении: «Кого Вы имеете в виду?»

Мой ответ: «Я не знаю, кто они. Я сказал, что они не пойманы, вероятно, такие люди были».

Мое первоначальное утверждение в этом воображаемом диалоге вводит всех в заблуждение. Оно, кстати, обещает позорное открытие и разоблачение. Однако, если мне бросят вызов, я не смогу его отстоять. Сейчас ваш гнев оправдан, в особенности если вы, скажем, предположили, что я узнал что-то, представляющее большой интерес, о Д. Картере. В этом смысле мое первоначальное заявление обманчиво.

Рассмотрим аналогичный случай в математике. Предположим, в дискуссии по теории чисел я говорю: «Пусть имеется число, которое простое, если предположение Ферма верно, если же предположение неверно, то число составное».

В удивлении вы спрашиваете, какое число я имею в виду.

Отвечаю: «Я не знаю его настоящего значения. Я говорю о числе x , таком, что $x=3$ в предположении, что утверждение Ферма верно, и $x=4$, если оно ложно. Очевидно, что мое заявление в этом примере так же обманчиво, как и в предыдущем»⁸.

Поэтому, считает Гудмен, требование абсолютной ясности тесно связано с конструктивистскими позициями обоснования математики. «Если я утверждаю, — пишет он, — что некое число существует, но не могу фактически получить его значение, то я не окончил решение задачи. Я еще не вижу явление ясно. Утверждение о существовании числа, значение которого я не могу вычислить, является предположением, выдвигающим вспомогательную задачу, которая до сих пор не решена. Это говорит о том, что нет глубоких теорем, а существуют только теоремы, которые мы не можем понять очень хорошо... Цель математического доказательства должна заключаться в том, чтобы сделать теоремы понятными так, чтоб явление стало полностью открытым и ничто в нем не спряталось. Такие доказательства, кажется, были бы конструктивными доказательствами»⁹.

О принципиальных расхождениях представлений математиков о сущности доказательства в условиях применения ЭВМ говорил в своем докладе на втором Всесоюзном симпозиуме «Закономерности и современные тенденции развития математики» (Обнинск, 1987 г.)

Н. М. Нагорный. Он подчеркнул, что математика — абстрактная наука, поскольку объекты ее реально не существуют в человеческом сознании, рассуждения о них ведутся по правилам логики. Поэтому эксперимент в математике доказательной силы не имеет. А каждый компьютер есть реально действующий прибор, вычисления на нем — это реально протекающий эксперимент и поэтому для математики не может иметь доказательной силы.

Далее Н. М. Нагорный остановился на анализе одной из наиболее известных попыток решения «задачи четырех красок». В 1976 г. Хакен и Аппель при помощи компьютера выделили порядка 1800 частных случаев и на этой основе объявили проблему решенной. Некоторые ученые высказывали сомнение в «домашинной» части доказательства. Н. М. Нагорный

сосредоточил критику именно на машинной части этого доказательства. Он считал, что даже если нет ошибки в математике, то все равно этот процесс не имеет отношения к собственно математическому доказательству. Ведь каждый из рассмотренных более чем 1800 случаев есть эксперимент с реальным физическим прибором. Представим даже, что программы составлены правильно, но это ничего не доказывает, так как возможен сбой на любой стадии, даже на последнем шаге. Самое главное — процесс вычислений протекает во времени и растворяется в природе, а ученому нужен текст доказательства. Его можно проверить, исправить и т. д. Математик, предъявляя текст математического доказательства, берет на себя ответственность. А тут ответственность как бы перекладывается на машину. Но может быть, можно получить текст (т. е. распечатку доказательства)? Нельзя. Наши органы чувств не в состоянии фиксировать этот процесс. Нужна другая ЭВМ, которая бы контролировала процесс распечатки «протокола» доказательства. Потом нужна третья ЭВМ для контроля за второй и т. д. — регресс в бесконечность. Поэтому, считает Н. М. Нагорный, если в математическом доказательстве используется результат вычисления на ЭВМ, то такое математическое доказательство некорректно.

Реальная проблема — все более возрастающая громоздкость доказательства. Академик В. М. Глушков приводил пример, когда доказательство одной только теоремы заняло 280 страниц! Вполне понятно, что эту работу немногие дочитали до конца, но и те, кто дочитал, не могли с уверенностью сказать, что там нет ошибок и что теорема действительно доказана. «Угроза, что не все, чем мы пользуемся при обосновании, скажем, теорем, доказано, является сегодня в математике вполне реальной. Можно хорошо ощущать математическую идею, ее можно понять, ею можно восхищаться, однако техника доказательства может подвести...»¹⁰

Итак, большинству специалистов становится ясно, что для математического доказательства все большее значение приобретают такие сугубо «человеческие» характеристики, как убедительность, понимание и т. д.

Весьма тонкие наблюдения в отношении взаимосвя-

зи доказательства с пониманием высказывает В. А. Успенский. Он отмечает, что доказательство, играя в математике центральную роль, само математике не принадлежит: «Оно принадлежит логике, лингвистике и больше всего — психологии».

Итак, термин «доказательство» — один из самых главных в математике — не имеет точного определения. А приблизительное его определение таково: доказательство — это убедительное рассуждение, убеждающее нас настолько, что с его помощью мы способны убеждать других.

Восприняв доказательство, мы делаемся в известной степени агрессивными, приобретая готовность убеждать других с помощью этого воспринятого нами рассуждения. Если же мы не приобретаем такой готовности, это значит, что мы еще не восприняли предъявленное нам рассуждение как доказательство и если даже признали его доказательством, то просто чтобы отмахнуться.

Заметим, что понятия, присутствующие в нашем определении доказательства, либо логико-лингвистические («рассуждение»), либо психологические («убеждающая сила», «готовность»). Это полностью отвечает сути дела: само представление о доказательстве неразрывно связано с языковыми средствами и с социальной психологией человеческого общества. И то, и другое изменяется с ходом истории. Меняется языковое оформление доказательства. Меняется и представление об убедительности»¹¹.

В. А. Успенский в результате тщательного анализа природы доказательства в современной математике приходит к выводу о возрастании (с усложнением доказательства) его субъективности. Он отмечает весьма существенный психологический феномен, суть которого сводится к следующему: «Создается впечатление, что с развитием математики (и появлением все более и более сложных и длинных доказательств) доказательства теряют свое главное свойство — свойство убедительности. Делается непонятным, что же тогда остается от доказательства: ведь убедительность как бы входит в их определение. Кроме того, с усложнением доказательства возрастает его элемент субъективности... Большие доказательства начинают жить по каким-то своим, макроскопическим законам. При чрезмерном возрастании объема до-

казательства расплывается само представление о доказательстве...

Получается, что, хотя все доказательства должны, по определению, быть убедительными, одни доказательства убедительнее других, т. е. как бы в большей степени являются доказательствами, чем другие. Возникает нечто вроде градации доказательств по степени доказательности — идея, которая, конечно, в корне противоречит первоначальным представлениям об одинаковой непреложности всех доказательств»¹².

Но субъективный элемент в понимании и восприятии математического доказательства значительно возрастет, как только во внимание реально будут приняты методологические установки ученых-математиков, имеющие принципиальную значимость для принятия или непринятия не только отдельных математических построений (результатов доказательства той или иной теоремы), но и целых математических направлений и дисциплин. Наиболее разительные примеры — это отвержение в принципе сторонниками интуиционизма (о нем — в следующем параграфе) многочисленных результатов традиционной теоретико-множественной математики (называемой иначе классической), так как они опираются на неконструктивное понимание математических объектов. Сторонники неконструктивного понимания объектов математики вольно или невольно оказываются на позициях платонизма: они предполагают, что математические объекты реально существуют в некоем мире идей, и дело математики лишь открывать их, подобно тому как Колумб обнаружил новый материк. «Математика, — писал Рассел, — так же описывает свои объекты, как зоология — животных»¹³.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНТУИЦИОНИЗМА — ОДИН ИЗ ПОВОРОТНЫХ ПУНКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Содержание одной из самых революционных по последствиям программ построения и развития математической науки навсегда связано с именем голландского ученого Лейтзена Эгбертуса Яна Брауэра (1881—1966). Брауэр — один из самых замечательных математиков и логиков XX столетия. Человек боль-

шой и разносторонней культуры, он долго колебался в выборе профессии — пианист или математик. И видимо, не случайно, согласно свидетельству голландского ученого Д. ван Далена, Брауэр (будучи учеником старших классов) высказывался о «возможности существования математики, более сходной по своей природе с музыкой или поэзией, чем с инструментом для инженеров и физиков»¹⁴.

Начиная с 1907 г. Брауэр разрабатывает оригинальную концепцию, получившую название «интуиционизм». Философские воззрения, лежащие в основании интуиционизма, по сути своей направлены против философии платонизма, сторонники которой предполагают, что логические и математические объекты реально существуют в некоем мире идей. Первоначально интуиционизм мыслился Брауэром как программа обоснования математики, которая позволила бы устранить парадоксы теории множеств — этой «язвы», разъедавшей фундамент строгой математической науки, и преодолеть ограниченность логицизма и формализма. Но революционное значение идей Брауэра для современной науки оказалось гораздо более значительным. Его концепция обосновывала множественность, плюрализм математических теорий, после Брауэра можно говорить о классической, традиционной (опирающейся на теорию множеств) математике, а также о математике интуиционистской, имеющей свои, качественно иные объекты, а также свою, принципиально иную логику. Таким образом, ученый фактически доказывал, что классическая математика не является единственно возможным и окончательным вариантом отражения реальной действительности, а есть лишь один из уровней, один из этапов в бесконечном процессе познания. Возможны не только классическая математика, но и математика интуиционистская как различные уровни познания реальной действительности и описания творческой деятельности ученого-математика.

Не менее революционны идеи Брауэра и в области логики. Он весьма тщательно проанализировал истоки возникновения классической логики: исследовал область применения закона исключенного третьего; построил специальную теорию, раскрывающую механизм действия этого закона, обосновал то положение, что конструктивные математические объекты

требуют особой логики, отличной от классической. При этом основоположник интуиционизма исходил из представления о роли логики в математическом познании, суть которого кратко можно выразить словами: «Математика не зависит от логики, логика зависит от математики»¹⁵.

Брауэровское учение о логике разрабатывалось одновременно с систематической критикой в адрес классической двузначной логики. Его идеи оказали существенное влияние на развитие логики XX столетия. При оценке роли и места в познании классической логики Брауэр исходил из следующего положения: законы этой логики выведены из исследования конечных множеств, и истинность этих законов постоянно подтверждалась практической деятельностью людей. Но в результате постоянного подтверждения на практике вера в универсальную законность принципов классической логики приобрела, утверждал он, прочность предрассудка, стала аксиомой, правда лишь в области операций над конечными множествами. Затем этой логике, как подчеркивал Брауэр, приписали независимое от математики априорное существование и «на основании этой мнимой априорности применили ее неправомерным образом к математике бесконечных множеств»¹⁶.

Итак, он пришел к выводу, что традиционная двузначная Аристотелева логика не является единственной, не требующей доказательства основой математического мышления человека. Фактически Брауэр был первым, кто осознал, что логические умозаключения зависят от того, к каким объектам они применяются; а распространение принципов классической логики на область бесконечного привело, по мнению Брауэра, к появлению парадоксов и трудностей в классической математике и логике. Для объяснения этих трудностей выдвигались самые разные причины, но никто не ставил под сомнение законность применения принципов классической логики. Этот факт, согласно Брауэру, — результат «тяжелого и глубоко укоренившегося заблуждения, а именно — легкомысленного доверия к классической логике»¹⁷.

Несмотря на все убедительные доводы голландского ученого, его аргументы не принимались очень многими логиками. Причем это было какое-то подспудное, почти неосмысленное сопротивление, цеп-

ляющееся, за отсутствием доказательств, за обыденный здравый смысл. Так, Давид Гильберт следующим образом оценивал результаты интуиционистской критики: «Доказательства существования, использующие закон исключенного третьего, имеют большей частью особую прелесть благодаря своей удивительной краткости и изяществу. Отнять у математиков закон исключенного третьего — это то же, что забрать у астронома телескоп или запретить боксерам пользоваться кулаками. Запрещение теорем существования и закона исключенного третьего равносильно полному отказу от математической науки. Действительно, какое значение имеют жалкие остатки, многочисленные, неполные, не связанные друг с другом единичные результаты, которые были выработаны... интуиционистами, по сравнению с могущественным размахом современной математики!»¹⁸

Брауэр весьма остроумно отзываясь о подобной позиции: «С интуиционистской точки зрения догма универсальной законности принципа исключенного третьего в математике может считаться явлением того же порядка в истории цивилизации, как и вера в рациональность π или во вращение небесного свода вокруг Земли»¹⁹. Брауэр проанализировал причины столь долгой живучести этой «догмы». По его мнению, эти причины таковы: «Во-первых, очевидная непротиворечивость принципа для произвольного единичного суждения; во-вторых, практическая законность всей классической логики для обширной группы простых каждодневных явлений. Последний факт, видимо, произвел столь сильное впечатление, что деятельность мышления, которой первоначально была классическая логика, стала глубоко укоренившейся привычкой мышления, которая рассматривалась не только как полезная, но даже как априористическая»²⁰.

Брауэру принадлежит концепция взаимоотношения мышления, языка и логики, суть которой он связывал со следующими стадиями формализации математики: 1) построение на интуитивном уровне системы математических объектов; 2) вербальное описание этой системы, т. е. словесная параллель математического мышления, или математический язык; 3) математический анализ этого языка, который приводит к обнаружению словесных конструкций, соответствую-

щих принципам классической логики; 4) ступень абстрагирования от содержательного значения элементов, образующих эти словесные конструкции; полученные таким образом абстрактные системы идентичны с формальными системами символической логики; 5) введение языка символической логики (работы Пеано и Рассела); 6) математический анализ языка логики (проведенный Гильбертом) и т. д. Для Брауэра (в соответствии с этими стадиями) интуитивная система математических объектов строится на первой стадии, а язык, при помощи которого эта система может быть описана, создается только на второй.

Полное отделение математических объектов от математического языка играет весьма существенную роль во взглядах основателя интуиционизма: он признает, что интуиционистская математика есть внутренняя безъязыковая деятельность мышления. Но если считать математику внутренней безъязыковой деятельностью мышления, полностью отделенной от языка, то математика не может являться в этом случае наукой. Она будет представлять собой некую субъективную деятельность индивида, причем такую деятельность, о которой никто никогда не сможет узнать. Поэтому-то Брауэр вынужден ввести на второй стадии формализации математики математический язык. Это необходимо и для фиксации полученных математических результатов, и для сравнения результатов, полученных различными математиками, и для сообщения имеющихся математических знаний другим людям, для обмена математической информацией, для обучения новых поколений. Но для голландского ученого язык не является достаточно надежным, гарантированным от искажения средством передачи человеческих мыслей; всегда существует опасность искажения или неверного истолкования этих мыслей; причем никакая формализация не может служить гарантией от искажения мыслей в силу изначальной неоднозначности человеческого языка; поэтому точность математического построения заключается в человеческой мысли. Согласно Брауэру, классическая логика является лишь механической имитацией математического языка и, следовательно, все недостатки языка автоматически распространяются и на логику.

Итак, логика, как и язык, возникает после математики, и поэтому математика не зависит от логики,

А это значит, что характер математических объектов будет определять собой допустимость тех или иных логических средств. Математический объект для Брауэра существует только тогда, когда указан способ его построения. Основной конструктивный объект интуиционистской математики не имеет аналогов в традиционной математической науке. Это — введенное Брауэром — *понятие свободно становящейся последовательности*. Такая последовательность — нечто становящееся, возникающее раз за разом, шаг за шагом как результат актов свободного выбора.

Исторически сложилось так, что введение этого понятия резко ухудшило отношение многих ученых к интуиционизму. До этого Брауэр был известен своей критикой теоретико-множественной математики и классической логики, причем его критические аргументы произвели впечатление в научном мире. На них вынуждены были реагировать даже самые последовательные сторонники канторовской математики. Реагировать совсем не означает принимать: реакция может быть и отрицательной. Но представители классической математики вынуждены были реагировать на брауэровскую критику хотя бы в плане поиска более строгого обоснования теоретико-множественной точки зрения. Подчеркну еще раз, что критические идеи Брауэра произвели глубокое впечатление на ученых и были восприняты не только математиками — представителями конструктивного направления (которые признавали это открыто), но и сторонниками классической математики, даже если последние не спешили прямо в этом признаваться. Но ситуация изменилась в корне, когда он и примкнувшие к нему немногочисленные еще в начале 20-х годов последователи перешли от критики к попыткам разработать математическую теорию на основе интуиционистских требований. Большинство математиков оценило этот шаг Брауэра негативно. Они не принимали понятия свободно становящейся последовательности, лежащего в основании интуиционистских попыток конструктивных построений. Случилось так, что отсутствие убедительной научной аргументации Брауэр «восполнил» рассуждениями об обосновании понятия свободно становящейся последовательности при помощи апелляции к интуитивной очевидности. На объективном содержании понятия свободно становящейся последователь-

ности это, конечно, сказать не могло, а вот на субъективном восприятии учеными этого понятия сказано, да еще как!

Вполне понятно раздражение сторонников классической математики после подобного «обоснования» фундаментального для интуитционистской доктрины понятия. Нет тех обвинений, которые не высказали бы в адрес Брауэра после появления его учения о свободно становящейся последовательности. Многие математики и философы заявляли, что Брауэр пожертвовал хорошо разработанными и весьма ценными разделами классической математики в угоду туманным философским установкам.

Попробую показать, что же на самом деле скрывается под «облачением» в философские одеяния математических результатов. Согласно философии интуитционистов, математику следует охарактеризовать как психическую деятельность, а не как набор теорем. Эта деятельность состоит в выведении одного за другим тех мыслительных построений (конструкций), которые индуктивны и эффективны в том же смысле, в котором индуктивна и эффективна интуитционистская конструкция (построение) натурального ряда. Голландский математик Эрнст Снаппер совершенно справедливо подчеркивает, что она индуктивна в том смысле, что если необходимо, скажем, построить число 3, то сначала нужно построить 1, потом 2 и только потом 3; нельзя просто взять конструкцию 3 с потолка. Процесс эффективен в том смысле, что когда число уже построено, то конструкция эта окончательна и полна. Будучи завершенным умственным построением, эта конструкция доступна исчерпывающему изучению. Фраза «Я закончил ментальную конструкцию числа 3» сродни словам каменщика «Я построил стену», которые тот может сказать, лишь положив каждый камень на свое место²¹. Вот так, до уныния просто истолковываются столь многократно подвергнутые резкой критике слова Брауэра о математике как деятельности, а не учении.

Повышенный интерес математиков к конструктивному характеру математических объектов (интерес, во многом навеянный интуитционистскими требованиями) вынуждает их заняться осмыслением природы конструктивных объектов. Так, американский методолог математики Стефан Баркер, говоря именно о

конструировании математических понятий в интуиционизме, подчеркивал: «Было бы крайностью представлять, что математик свободен от ограничений в своей деятельности. Он не может приравниваться к божественному творцу, для которого, как его описывают благочестивые богословы, нет никаких ограничений ни в чем...» Что бы ни говорилось о возможностях божества, математик в любом случае обязан следовать логичности и не может впадать во внутренние противоречия²². Знаменитый немецкий математик Герман Вейль писал по этому поводу так: «Построения математического ума являются одновременно и свободными, и необходимыми. Отдельный математик свободен определять свои понятия и устанавливать свои аксиомы, как ему угодно. Но вопрос: заинтересует ли он своих коллег-математиков продуктами своего воображения? Мы не можем не чувствовать, что некоторые математические структуры, развивающиеся благодаря совместным усилиям многих ученых, несут печать необходимости, которая не затрагивается случайностями их исторического появления»²³.

В связи с обсуждением вопроса о соотношении умственных построений и конструктивных объектов хочу напомнить положение Ф. Энгельса о «математике — абстрактной науке, занимающейся умственными построениями, хотя бы и являющимися отражениями реальности»²⁴. Методологическая значимость этого положения принципиально важна, потому что оно дает ключ к объективному анализу интуиционистского понимания конструктивности (еще раз напомним о том, что объективная логика развития математической науки отбрасывает идеалистические рассуждения интуиционистов о математике как о чем-то абсолютно не связанном с реальностью).

Концепция конструктивности позволяет высказать предположение о том, что голландский ученый является создателем философии математики, которую условно называют конструктивистской философией²⁵. И вот именно в этом, на мой взгляд, заключается одно из наиболее ярких проявлений взаимосвязи между математическим мышлением и философским (диалектическим по своей сути) методом познания. Напомню, сколь важна для современной математики идея конструктивности. Академик А. Н. Колмогоров писал, что во всем современном математическом

мышлении большое место занимает различение между «конструктивным» и «неконструктивным»²⁶. Основатель конструктивного направления в советской математике А. А. Марков в посмертно опубликованной рукописи подчеркивал: «...главное в математике: ее конструктивность, ее целенаправленность на создание средств и орудий, применяемых на практике и, в частности, в других науках, — таких средств и орудий, как цифры, формулы, уравнения, матрицы, программы для вычислительных машин, языки программирования и их грамматики и т. п., и т. п. Основная роль этих средств и орудий состоит в том, что они служат нам для хранения, передачи и переработки той или иной информации, что имеет огромное значение в жизни человеческого общества. Можно, конечно, начать спорить о том, исчерпывается ли цель математики этой ее конструктивной функцией. Мы полагаем, что да, в основном исчерпывается»²⁷. Можно было бы привести и другие сколь многочисленные, столь и существенные аргументы в пользу конструктивности.

Дискуссии, связанные с осмыслением нового статуса математики, отличаются и противоречивостью позиций, и попытками увидеть перспективы развития математических теорий в самых различных направлениях. Но об одном можно сказать твердо: в математике начинает все более значительную роль играть «человеческий» фактор; возрастают субъективные компоненты творчества; явственной становится гуманитарная компонента математического знания.

Все более осознаваемым как для самих математиков-профессионалов, так и для методологов и историков математики становится факт «вписанности», включенности математической науки в общекультурный контекст человеческой деятельности. Возрастает по разным причинам роль субъективного фактора в математическом познании. Еще недавно общим местом были рассуждения Ч. Сноу о двух культурах или мысли О. Хаксли о противопоставлении науки и искусства на том якобы основании, что наука имеет объективный характер, искусство же — субъективный.

Так, нередко научные открытия пытались противопоставить художественному творчеству на том основании, что первые имеют объективизированный, обезличенный характер. «Научные открытия, — писала, например, Н. В. Ветрова, — конечно, требуют оп-

ределенных задатков и способностей от ученого, но для результатов открытия его индивидуальные особенности видения мира, склада характера и т. д. играют незначительную роль. Научное открытие имеет ценность как приращение знания об объективных закономерностях природы и общества. То, как делалось открытие, как оно сформулировано, не имеет, за некоторыми исключениями, принципиального значения. Одно и то же открытие может быть сделано разными учеными независимо друг от друга. В искусстве дело обстоит иначе. Индивидуальные характеристики личности не просто накладывают отпечаток на идеальный результат отражения мира и его воспроизведение, но и делают его неповторимым в прямом смысле этого слова»²⁸.

Существует своего рода чудовищный предрассудок, согласно которому объективизированная интерпретация науки гарантирует, что любое открытие может быть как бы автоматически повторено, воспроизведено другим ученым. Увы, это совершенно неверно. Необычайная дифференциация современного научного знания делает просто невозможным проведение исследований во всех направлениях с одинаковой интенсивностью, а тем более с гарантированным расточительством — переоткрытием того, что было уже обнаружено другими учеными. Скажем, в математике многие теоремы, открытые кем-то в силу особенностей личного интереса, но не опубликованные, могут так и остаться неизвестными для человечества, не переоткрытыми заново. Рукописи не горят, но, к сожалению, стареют. Очень хорошо, конечно, что опубликованы многочисленные произведения М. А. Булгакова, ранее неизвестные читателю, но насколько богаче был бы литературный процесс, если бы эти романы, повести, пьесы увидели свет тогда, когда они были написаны.

То же самое и в науке: теория, созданная знаменитым французским математиком Э. Галуа в ночь накануне дуэли, вошла в математику намного позже благодаря К. Жордану. Непрерывные, нигде не дифференцируемые кривые были открыты в 1830 г. Б. Больцано, которому, как социалисту-утописту, было запрещено публиковать труды, поэтому рукопись с математическим открытием провалялась в архивах до 1930 г. А мир связывает создание подобного вида

функций с именем К. Вейерштрасса, которому удалось построить аналогичную функцию в 1875 г. Хотя их труды совпадают друг с другом не больше, чем, скажем, полотна живописцев классической школы и художников, работающих в манере импрессионизма!

Количество таких примеров можно было бы увеличить, но остается хотя бы утешение, что эти результаты не пропали для человечества безвозвратно. Но давайте задумаемся: насколько прогресс науки был бы более стремительным, если бы все открытия становились известны своевременно; а сколько таких открытий пропало безвозвратно? К сожалению, и в математике не опубликованные вовремя открытия оказываются (как и в искусстве!) исключенными из научного контекста своего времени, не «оплодотворяют» творческий процесс. Более того, из-за необычайного роста научного знания они могут быть и не воссозданы, не переоткрыты заново.

Поэтому нет и не может быть принципиальной грани, которая якобы отделяет объективизированные научные результаты от произведений искусства, которые, казалось бы, полностью определяются свойствами личности их творца. Видимо, совсем не случайно анализ научного творчества в современных исследованиях отходит от обесцвеченного, стерилизованного позитивистского идеала науки, которому иногда пытались следовать с таким усердием, что если не знать фамилии автора статьи, то по содержанию было бы невозможно угадать, кто он. В настоящее время все больший интерес исследователей, занимающихся проблемами науки вообще и научного творчества в частности, привлекают несущественные, казалось бы, свойства личности ученого, условия совершения того или иного открытия роль интуиции, вдохновения, чувства гармонии и красоты.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ — РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ

Альтернативные движения прочно вошли в современную жизнь ведущих государств Запада — это влиятельная сила как в сфере политики, так и в области борьбы за предотвращение ядерной войны и экологической катастрофы. Интерес советских исследователей в первую очередь привлекала роль альтернативных движений в современной политической деятельности: создание политических организаций (партии «зеленых»), экологически сбалансированное производство, образ жизни, альтернативный буржуазным стандартам¹.

Сегодня среди альтернативистов (по-русски этот термин режет слух, но он уже вошел в научный оборот) все более возрастает удельный вес ученых, обеспокоенных милитаризацией науки, опасностью использования в современном западном обществе результатов научных исследований против человечества и т. д. Эта особенность альтернативных движений, вполне естественная для эпохи научно-технической революции, придала новые организационные формы этому явлению.

Термин «альтернативный» не просто стал использоваться в нашем политическом лексиконе, он превратился в эпоху плюрализма в некое знамение времени. Речь все чаще идет о различных группах «зеленых», сторонниках альтернативных вариантов по отношению к службе в армии (требующих заменить воинскую повинность для тех, кто не приемлет ее по политическим или религиозным мотивам, работой в больницах для тяжелобольных и т. д.), защитниках культурного наследия. При этом многие предложения наших отечественных альтернативистов кажутся сегодня неприемлемыми. Но эти группы — реальность современной

жизни страны, «неформальные движения уже не остановить»². Весьма серьезные вопросы, связанные с альтернативными аспектами в развитии экономики.

Другими словами, альтернативные движения — это сегодняшние реалии как в странах Запада, так и у нас, и эти процессы требуют исследования и осмысления.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Возникает вполне естественный вопрос: имеются ли у альтернативных движений какие-либо теоретико-методологические основания? И могут ли в принципе быть такие основания у столь разнородных по своему социальному, политическому, национальному, возрастному, образовательному уровню объединений? В случае положительного ответа появляются перспективы для определения путей развития этих движений, возможность не просто следить за их эволюцией, констатируя появление тенденций, шокирующих современное общество (пропаганда сексуальной революции, молодежные коммуны и т. д.), но и прогнозировать перспективы их дальнейшего становления и влияния на политическую, интеллектуальную и экономическую жизнь. На мой взгляд, возможно предложить несколько компонентов методологического «фундамента» альтернативных движений³.

Во-первых, представление о роли науки в свободном обществе, развиваемое Полом Фейерабендом в 80-е годы. Разработанная Фейерабендом в книге «Наука в свободном обществе» аргументация в отношении статуса научных исследований и их взаимоотношений со свободными ассоциациями граждан и является той теорией, на основании которой можно прогнозировать реальное развитие этих движений.

Во-вторых, экономические модели альтернативного развития (развитие на уровне общины, города, региона, роль этих моделей в борьбе против транснациональных корпораций). Хорошо известны тенденции в странах Запада к мелкому предпринимательству, созданию семейных и других предприятий. Вот эту реально существующую практику следует сопоставить с теоретическими построениями футурологов, которые фактически являются обоснованием альтер-

нативных движений на концептуальном уровне: например, с воззрениями Олвина Тоффлера о создании цивилизации «третьей волны» как о переходе от индустриального общества к информационному.

В-третьих, модели организации альтернативных движений. В этой связи значительный интерес представляют исследования японских ученых. Так, профессор Ш. Шибата пытается предложить некую общую теорию, которая может (по его мнению) адекватно описать различные потоки, течения, группы в массовом движении альтернативной направленности, определить механизмы их становления в современных условиях и перспективы развития в будущем. Он обосновывает свою точку зрения следующим образом: «На первом месте эта теория должна рассматривать развитие процесса массовых групп. Обобщая, этот процесс состоит из трех стадий: (а) спонтанно неорганизованная или внутренне ориентирующая себя группа, или группа в себе, используя терминологию Гегеля, (в) организованная или ориентируемая извне группа для себя... и (с) хорошо организованная, самоориентирующаяся группа в себе и для себя... Большинство массовых групп, формирующих социальное движение для демократических целей, развиваются сами по себе. Начиная со стадии (а), через стадию (в) к стадии (с). Ведущая группа, уже находящаяся на стадии (с), организует и руководит группой (а) через стадию (в); и с помощью группы на стадии (в) ищет возможности для организации последней в стадию (с). Делая это, ведущая группа всегда несет ответственность за образование и уровень групп с низших стадий к высшим. Ведущая группа может сохранить свое социальное движение только саморазмножающимся образом. Любое социальное движение может развиваться, если оно организовано и имеет руководство, которое пытается, используя опять терминологию Гегеля, возвысить себя»⁴.

В-четвертых, социальная составляющая теоретических оснований альтернативных движений — это различные варианты немарксистского социализма. В каких же конкретно социалистических учениях представители альтернативных движений видят свое теоретическое «знамя»? Или каковы теоретические предпосылки этих движений в социальной сфере независимо от того, осознают (и признают!) или нет сами

участники альтернативных движений свое генетическое родство с ними? Некоторые из этих аспектов анализирует В. Джогхиген, преподаватель политологии Королевского университета в Белфасте. Он, в частности, считает, что методология современных альтернативных движений на Западе своими истоками восходит к концепциям социалистов-утопистов⁵. Рассмотрим это подробнее.

2. НЕМАРКСИСТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Проблема нового «прочтения» концепций, созданных предшественниками научного социализма, сегодня особенно актуальна при анализе методологических установок представителей альтернативных движений. В самом деле, почему они вновь и вновь обращаются к трудам Сен-Симона, Фурье, Оуэна? Ведь это теории, которые, по практически всеобщему признанию, носили утопический характер. Может быть, безусловно верные слова Ф. Энгельса о незрелых теориях, соответствующих неразвитым производственным отношениям, не исчерпывают всего многообразия воззрений социалистов-утопистов? Ясно одно: предстоит тщательная, кропотливая работа по анализу трудов утопистов через «призму» реально существующей практики альтернативных движений. Необходимо посмотреть на идеи Фурье о фаланстерах (о реальной организации их деятельности, смене занятий, а особенно о финансовых средствах для создания!) и сопоставить их с экологическими коммунами и всем тем, что ассоциируется с практическими делами сторонников альтернативного образа жизни и организации труда. Любопытно, пишет Джогхиген, что К. Маркс и его жена Жени несколько недель 1843 г. прожили в Париже в небольшом фаланстере в стиле квази-Фурье, который организовал Арнольд Руге⁶.

Тщательного теоретического анализа требует в этом контексте практическая деятельность американских коммун как в XIX в. (религиозных, утопических и т. д.), так и начиная с конца 60-х годов нашего столетия. Ведь эти последние (нередко регистрировавшиеся как бесприбыльные предприятия) ставили своей задачей ведение экологически чистых форм сельского хозяйства и производства в целом.

Джогхенген считает, что К. Каутский в некоторых вопросах был значительно дальновиднее К. Маркса и его идеи представляют интерес для взаимоотношений социал-демократов и сторонников альтернативных движений⁷. По мнению белфастского политолога, интерпретация идей К. Маркса и Ф. Энгельса велась тремя различными ветвями рабочего движения: «ортодоксальными марксистами — Каутским и Плехановым, ревизионистами — Бериштейном и Кусковой, радикалами — Люксембург и Лениным»⁸. Как известно, по мнению Каутского, «конечная цель социал-демократии заключается в социальных реформах, приводящих к окончанию классовой борьбы»⁹. Может возникнуть вопрос: зачем повторять общезвестные вещи о реформистских взглядах Каутского? Дело в том, что Джогхенгеи, говоря об «эре Каутского в марксизме», о его взглядах как о «мутации марксизма, недооцененной Лениным»¹⁰, одновременно пытается показать то значительное влияние, которое идеи утопического социализма оказали на формирование воззрений Каутского. Причем речь идет о самом первом этапе утопизма — этапе Томаса Мора. Каутский неоднократно подчеркивал, что «именно Мор определил перспективу генерального подхода в вопросах социальной политики»¹¹. Об этом свидетельствуют такие широко известные работы Каутского, как «Томас Мор и его «Утопия»» и «Социальная революция». Обращать на это внимание приходится (напомню еще раз) потому, что взгляды Каутского представляют интерес для выяснения взаимоотношений представителей альтернативных движений с социал-демократами.

Наконец, воззрения одного из признанных идеологов альтернативных движений на Западе, в течение нескольких лет являвшегося теоретиком Партии «зеленых» в ФРГ, Рудольфа Баро (родился в 1935 г., после чехословацких событий эмигрировал из ГДР в ФРГ). Инновацией Баро был его тезис об «экологическом аспекте социализма». Баро считает, что построение подлинно коммунистической ассоциации возможно через «упрощение производственных отношений, как это имеет место в наиболее сбалансированных экологических моделях»¹².

В 1980 г. на учредительном конгрессе Партии «зеленых» (ФРГ) Баро выдвинул программу «новой

альтернативы». В теоретическом плане эта программа сводилась к критике идей К. Маркса. Как бы обращаясь лично к К. Марксу, Баро патетически восклицал: «Ваше видение коммунизма не порывает фундаментально со старым, репрессивным опытом. Коммунизм, как Вы его понимаете, — это бесполезное индустриальное общество, направленное на производство бесполезных продуктов для ненужных потребностей. Мое видение будущего подчеркивает простоту, маломасштабность, неиндустриальный характер...»¹³

Баро вышел из Партии «зеленых» в 1985 г. со следующим отдающим горечью заявлением: «Зеленые идентифицировали себя (пусть критически) с индустриальной системой и ее политической администрацией. Нигде нет выхода. Вместо того чтобы распространять знание, они затемняют проблемы по всем направлениям. Они помогают замазывать трещины в общем консенсусе»¹⁴. Несмотря на свой разрыв с «зелеными», Баро, безусловно, остается одним из известных идеологов альтернативных движений. В общих чертах его концепцию можно охарактеризовать следующим образом.

Баро считает, что экологические проблемы должны находиться в центре деятельности как альтернативных движений, так и социал-демократических партий. Классовая борьба, отмирая, вытесняется фронтом прогрессивных объединений на демократической основе. Индустриальному производству противостоят предприятия «третьей воли». Приоритет приобретают гуманистические ценности и экологические модели неомарксизма, или революционной экологии¹⁵. По мнению Г. Маркузе, эти идеи Баро представляют «наиболее важный вклад в марксистскую теорию и практику за последние десятилетия»¹⁶. Кроме того, Баро (согласно Джогхиену) является признанным авторитетом в Западной Европе по созданию альтернативных коммун. Соединив идеи альтернативных ассоциаций с религиозными общинами, он выдвинул идею создания коммун по принципу «нового ордена бенедиктинцев»¹⁷.

3. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ АССОЦИАЦИИ И ЭКОЛОГИЯ

Итак, социальная «составляющая» теоретического фундамента альтернативных движений требует не

только самого пристального внимания к идеям социалистов-утопистов (причем внимания, носящего конструктивно-благожелательный характер, нацеленного на поиск положений, представляющих ценность и для современности!), но и обращения к различным вариантам немарксистского социализма. Среди них — учение народников о роли общины, анархический социализм П. А. Кропоткина. Ведь еще и сегодня, к сожалению, пишут о том, что П. А. Кропоткин исходил «из ошибочного представления о прогрессивности децентрализации производства»¹⁸, хотя реальные тенденции наиболее наукоемкого производства на Западе во многом связаны именно с его децентрализацией. (И может быть, идею Тоффлера о характере труда в информационном обществе воспринимались бы нашими читателями несколько иначе, если бы все они были детально знакомы с фундаментальной работой Кропоткина «Поля, фабрики и мастерские», в которой он тщательно разрабатывал идею децентрализации производства.)

Не случайно сегодня к идеям Кропоткина обращаются и Фейерабенд, и представители некоторых западноевропейских компартий, и конечно же сторонники альтернативных движений. Многие воззрения представителя анархического социализма звучат так, будто они написаны не сто лет назад, а в конце XX в., с «учетом» реальной практики свободных ассоциаций (о которых говорят и Фейерабенд, и Тоффлер).

П. А. Кропоткин писал о том, что зарождается новая форма общества — общества равных между собой, члены которого могут быть охарактеризованы так: «Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наибольшей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, — из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем, касающимся, с одной сторо-

ны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой — снабжения продуктами питания, одеждой и т. п.»¹⁹.

П. А. Кропоткин понимал, что создание такого рода обществ и объединений потребовало бы определенных (достаточно сложных) организационных форм. Но, осознавая это обстоятельство, он старался найти средство, служащее противоядием против опасности бюрократизации и окостенения. Он писал: «Возникнут также федерации общин между собою и потребительных общин с производительными союзами. И, наконец, возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только страной. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою. Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального железнодорожного или почтового департамента, хотя первые руководятся исключительно эгоистическими целями, а вторые принадлежат различным и часто враждебным государствам. Так же действуют метеорологические учреждения, горные клубы, английские спасательные станции, кружки велосипедистов, преподавателей, литераторов и так далее, соединяющиеся для всякого рода общей работы, а то и попросту для удовольствия. Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, непрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм»²⁰.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект теоретического наследия выдающегося представителя анархического социализма. П. А. Кропоткин на основе опыта своих путешествий по Сибири, Забайкалью, Амуру и Маньчжурии приходит к выводу, что для народа невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. Он на множестве примеров убедился в разнице начальнического

и общественного отношения к делу: «Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах, и понял значение этой постройной работы в росте общества. Я видел, например, как духоводы переселялись на Амур; видел, сколько выгод давала им их полуккоммунистическая жизнь и как удивительно устроились они там, где другие переселенцы терпели неудачу; и это научило меня многому, чему бы я не мог научиться из книг. Я жил также среди бродячих инородцев и видел, какой сложный общественный строй выработали они, помимо всякого влияния цивилизации»²¹.

Эти мысли П. А. Кропоткина оказываются необычайно созвучными точке зрения современного американского философа Хенрика Сколимовски, который высказывается весьма определенно: «Философы, футурологи и все те, кто заинтересован в будущем техники, а тем самым и в будущем нашей культуры, должны быть посланы в индейские резервации, где придерживаются еще альтернативных мировоззрений, культивируют их и внедряют в альтернативные стили жизни; они должны быть посланы в общества и культуры Востока, где альтернативные способы постижения мира жизнеспособны еще и служат основой как знания, так и жизненного стиля»²².

Вполне понятно, что подобные взгляды на перспективы развития человечества, экономики и роли техники разделяются далеко не всеми. Вот характерный пример. Американский экономист, сенатор Филипп Грэм выступал с лекцией «Капитализм и индивидуальная свобода» в рамках советско-американской встречи на тему «Понимание ценностей западной цивилизации» (Москва, 18—23 июня 1989 г.). В ходе дискуссии, состоявшейся после лекции, на вопрос о возможностях альтернативных движений в решении проблем современной экономики Грэм ответил весьма жестко: «Реальный опыт опроверг «игру», согласно которой каждая сторона должна использовать свою традиционную культуру; единственный реальный путь развития экономики — это мгновенно поглощать новую технологию».

Могут ли сторонники альтернативных движений что-либо возразить против подобного рода аргументов? Вот несколько примеров. В США насчитывается 3—5 тыс. коммун, объединяющих около 250 тыс. чело-

век. Считается, что это уже четвертый всплеск коммунарного движения в Соединенных Штатах²³. Иногда для США приводятся другие данные: более 5 тыс. альтернативных организаций с числом участников около 4 млн человек. Альтернативный сектор экономики Франции включает около 1 млн человек; в Австралии примерно 100 тыс. человек входит в состав более чем 500 альтернативных коммун. И наконец, ФРГ (страна, наиболее часто упоминаемая в прессе, когда речь идет об альтернативных движениях): почти 80 тыс. человек участвует в реализации 11,5 тыс. альтернативных проектов, в экономике Федеративной республики функционирует 4 тыс. альтернативных предприятий²⁴.

Весьма значительного успеха добились «зеленые» на выборах в Европарламент в июне 1989 г. Так, в Великобритании Партия «зеленых» вышла на третье место, получив «невиданную ранее поддержку избирателей». Во Франции «зеленые» (о кризисе которых немало говорилось и писалось в последнее время) на этих выборах набрали 11% голосов, заняв четвертое место среди французских политических партий, и при этом намного обошли коммунистов²⁵. Ныне представители различных экологических партий образовали в Европарламенте совместную фракцию (своим символом «зеленые» избрали подсолнух)²⁶.

А какова ситуация с деятельностью альтернативных движений в нашей стране?

4. ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДВИЖЕНИЯХ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Представители «зеленых» в СССР сегодня все более энергично начинают противостоять ведомственному диктату, будить и будоражить общественное сознание, мобилизовывать его на борьбу против бездумного растранижирования природных и культурных богатств нашей страны. Журнал Советского комитета защиты мира «Век XX и мир» поместил на третьей странице обложки мартовского номера за 1989 г. плакат-листовку массового экологического движения московского микрорайона Братеево. На нем изображена шествующая женщина с ребенком (сюжет «материн с младенцем») — оба в противогазах. Общий фон картины: нагромождение заводов, труб, линий

электропередачи, полное отсутствие растительности и мальчик, размышляющий над умершей птицей.

Кто же они, сторонники альтернативных движений в СССР? В социологическом исследовании, проведенном в ноябре — декабре 1988 г. в Москве Научно-исследовательским центром Советской социологической ассоциации АН СССР, «зеленые» оценивались как тип политического сознания, для которого характерны: защита природы от разрушительных последствий человеческой деятельности, достижение всеобщего мира и разоружения. Сторонников «зеленых» в этом исследовании отличает весьма высокий процент лиц с высшим образованием — 73²⁷. Сопоставляя точку зрения «зеленых» с воззрениями представителей «обновления» (т. е. сторонников «обновления идеалов справедливости») в нашей стране, Л. Бызов и Н. Львов подчеркивают: «Носителями интегральных глобальных тенденций являются так называемые «зеленые», быстро набирающая силу идеология. Именно с ними (а не с «обновленцами») мы связываем подлинно социалистические тенденции в современном мире (достаточно указать, например, на то, что идеология «обновленцев» базируется на докапиталистической форме собственности, а «зеленых» — на посткапиталистической)»²⁸.

Об альтернативных движениях в нашей стране приходится говорить и в связи с возникновением в различных регионах народных фронтов, ставящих своей целью поддержку перестройки. Среди них — Народный фронт Белоруссии, Народный фронт Грузии, Народный фронт Латвии, Народный фронт Эстонии и т. д. В контексте данной работы не будет идти речь об оценке этих движений (хотя многое в их деятельности, например призыв думы Народного фронта Латвии обсудить вопрос о суверенитете республики вне государственности СССР²⁹, вызывает резко отрицательную реакцию), а только об определении их статуса через «призму» соотнесения с альтернативными движениями. И вот что характерно: выступая на конгрессе Народного фронта Эстонии (октябрь 1988 г.), член его правления Эдгар Сависаар подчеркивал: «Народный фронт — не партия, а движение, и таковым он останется... Партийная система — однопартийная или многопартийная — и на Западе стала объектом острой критики. Видно, как наряду с пар-

тиями возникают более современные и гибкие политические объединения. Ярким примером этого в Европе является движение «зеленых»³⁰.

Интересна и политическая ориентация членов Народного фронта Эстонии. Э. Сависаар характеризует ее следующим образом: «Как показал проведенный среди членов Народного фронта масштабный опрос, 28% наших уполномоченных — члены КПСС, 19% состоят в Обществе охраны памятников старины, 10% связаны с движением «зеленых», 2% — с религиозными объединениями и 0,2% — с партиями национальной независимости...»³¹

А теперь возвращаясь к аргументам сенатора Грэма. Сам по себе факт существования массовых движений еще не служит основанием для опровержения его слов. В самом деле, ведь те или иные организации могут быть лишь некой экзотикой по отношению к традиционному образу жизни, чем-то, находящимся на обочине магистрального пути человечества к прогрессу, в том числе и научно-техническому. Другими словами, удовлетворяют ли альтернативные движения «критерию сенатора Грэма», т. е. способны ли они впитать новую технологию?

5. ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЯ: РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ СТОРОННИКОВ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Сегодня приходится говорить о появлении все большего количества концепций, творцы которых пытаются предложить человечеству новый, альтернативный ныне существующему способу производства механизм развития производительных сил общества. Наиболее известной среди них является позиция Тоффлера, получившая название «третья волна». Тоффлер искренне считает, что нынешний характер производства (или машинная цивилизация — цивилизация «второй волны») может поставить человечество на грань большой «экономической катастрофы»³², так как сориентирован на максимальное вычерпывание из недр земных невозполнимых ресурсов (недаром столь активно обсуждается вопрос: «Хватит ли человечеству запасов сырья?»³³), которые потом расходуются на массовое производство автомобилей и других товаров, навязываемых потребителю.

Но в наше быстро меняющееся время принципиально важно, отмечает Тоффлер (в преодолении опасности этой катастрофы), исходить из качественно нового взаимоотношения науки и технологии в процессе организации производства. Основой производства должно стать в первую очередь широкое использование достижений информатики. Следующим моментом, определяющим собой производство на альтернативной основе, является творческий характер труда. Тоффлер подчеркивает: «В отраслях третьей волны речь идет по преимуществу об участии рабочих в принятии решений; ...о подвижном во времени отношении графике работы вместо жесткого; о таких сопутствующих преимуществах, когда рабочему дают возможность выбора, а не ставят его перед свершившимся фактом; о том, как поощрять творчество, а не требовать слепого послушания»³⁴.

Стоит сопоставить эту точку зрения с позицией Исикавы Каору, создателя в Японии эффективнейшей системы тотального контроля за качеством продукции, который подчеркивает, что сегодня радость рабочего только от удовлетворения потребности в деньгах уже мало что дает: «Альтернативным условием является удовлетворение, получаемое от хорошо выполненной работы. Это — радость свершения, достижения цели, радость покорения вершины — радость преодоления... Радость самосовершенствования создает чувство удовлетворения от возможности в полной мере проявить свои способности, расти как личность. Для человека необходимы чувство уверенности в себе, самостоятельная творческая деятельность на добровольных началах и вклад в развитие общества»³⁵.

По Тоффлеру, еще один важный элемент альтернативной организации производства составляет высокое качество наукоемкого труда индивидуально хорошо подготовленного рабочего: «Рабочий третьей волны более независим, более изобретателен и не является больше придатком машины. Типичным является рабочий, обладающий специальностью или профессиональным знанием. Подобно ремесленнику доиндустриальной эпохи, обладавшему набором ручных инструментов, новые интеллектуальные рабочие (если хотите, то именно так будем их называть) обладают мастерством и информацией, которые и составляют их набор духовных инструментов.

Новые рабочие значительно более похожи на независимых ремесленников, чем на взаимозаменяемых рабочих конвейера. Они моложе, лучше образованы. Они ненавидят рутину. Они предпочитают работать бесконтрольно для того, чтобы выполнять свою работу так, как они это считают нужным. Они хотят иметь право слова. Они привыкли к... гибкой организации. Они представляют собой новую силу, и их число растет»³⁶. Итак, «новые интеллектуальные рабочие» — это основа подлинно наукоемкого производства, и этот новый тип рабочих также имеет принципиальную значимость и для понимания деятельности предприятий, организованных на принципах альтернативной экономики.

У Тоффлера имеется еще одно положение, имеющее принципиальное значение для альтернативных концепций. Речь идет о различиях между работой по найму, основывающейся на обмене, и работой, которая на обмене не основывается и не оплачивается. Тоффлер разъясняет характер этого безобменного производства (не приносящего прибыли) следующими примерами: «...это то, что женщины или мужчины делают, когда растят детей... Это то, что женщины или мужчины делают, когда они строят пристройку к дому... Это то, что люди делают, когда они выращивают свои собственные овощи, шьют себе одежду или по своей инициативе работают в больнице. Они производят блага и услуги. Они работают. Но не за плату»³⁷. И поэтому не случайно, что для членов американских кооперативных коммун характерной чертой является стремление отыскать новые пути реализации себя как личности, найти взаимоотношения между людьми, отличающиеся от обезличенных структур современного индустриального общества. Можно сказать, что коммуны в США на собственном примере демонстрируют возможности организации жизни на альтернативных принципах³⁸.

Еще одна принципиально важная черта производства, построенного на альтернативных принципах, — это его мелкосерийность, «штучность», ориентированность на конкретные потребности небольших групп людей (а отсюда — колоссальная экономия ресурсов, так как производится только то, что действительно необходимо), или, как говорит Тоффлер, демассифицированное производство: «Нынешняя система, по-преж-

нему базирующаяся на потребностях массового производства второй волны, опирается на небольшое число ресурсов, используемых в больших количествах. По мере того как будут распространяться демассифицированные методы третьей волны, а само производство децентрализуется, мы будем использовать различные, более разнообразные ресурсы, вероятно, в меньших количествах»³⁹.

Таким образом, можно видеть, что организация предприятий в рамках экологически сбалансированной экономики — это отнюдь не утопия сторонников альтернативных движений, требующих (как это иногда пытаются представить) чуть ли не полного разрушения современной промышленности и возвращения в некое неоруссоистское первобытное состояние. Стоит подчеркнуть, что альтернативисты в области экономики предлагают вполне реально осуществимое: переход к децентрализованным предприятиям, гибко перестраивающимся на основе достижений новейшей электронной технологии; собственность — кооперативная; развитие экологически чистого производства, основой которого являются региональные ресурсы. В этой связи стоит напомнить, что в США «зеленые» на конференции, объединившей около 200 представителей различных организаций в защиту окружающей среды (июнь 1989 г.), решили не создавать своей партии на национальном уровне, так как наиболее целесообразна экологическая деятельность на местном уровне, в пределах того или иного штата⁴⁰.

Вот об этом-то предельно «заземленном» характере большинства проектов сторонников альтернативных движений стоит постоянно помнить. В нашей стране их точка зрения противостоит технократическо-сциентистским проектам (огромные ГЭС), а особенно многомиллиардным, оставшимся от экстенсивно-застойного (или даже более раннего — времен первых пятилеток) мышления гигантским «стройка века».

Итак, многие требования альтернативистов к целям, характеру и организации производства являются не просто реальными: их выполнение — жизненная необходимость для человечества, желающего выжить. Не случайно поэтому осознание подобного рода тенденций становится все более характерным в отношении развития техники и новых технологий в целом⁴¹. Так, на I Съезде народных депутатов СССР была

поддержана позиция народного депутата, члена-корреспондента АН СССР А. В. Яблокова, считающего, что всем нам необходимо «позеленеть» (т. е. перейти на точку зрения «зеленых» или хотя бы осознать ее!).

Основу глобальной взаимосвязи экологии и экономики (к сожалению, в отрицательном плане!) наглядно показывает профессор Джон Ричардсон (США): Индия экспортирует лягушачьи лапки, для чего ежегодно нстреляется 100 млн лягушек, каждая из которых ежегодно могла бы уничтожать вредных насекомых в количестве, равном ее весу. В результате завод по производству карбидов в печально известном Бхопале выпускал по 2,5 тыс. т веществ против вредителей зерновых культур⁴². Совсем как в нашей стране, когда министерства-монополисты продают нефть для закупки зерна, а потом ежегодно во время уборки из-за нехватки горючего стоит техника и теряется урожай!

Требования альтернативистов о праве на существование экологически чистой экономики качественно меняют принципиальные установки в отношении образования и культуры. Не случайно Тоффлер, беседуя с одним из советских журналистов, подчеркивал: «Надо разнообразить, децентрализовать, индивидуализировать образование. Меньше местных школ. Больше образования дома. Больше вовлечения родителей. Больше творчества. Меньше зубрежки...» По его мнению, чем больше приближаемся к экономике «третьей волны», тем большее значение приобретает культура. Отсюда следует, что ни одна расовая или этническая культура, ни одна религия, ни одна национальность не имеют монополии на лучшие способности, которых требует экономика «третьей волны»⁴³. Это своего рода ответ на аргументацию сенатора Грэма, отвергавшего важность культурологических факторов для перспектив развития экономики.

6. АЛЬТЕРНАТИВИСТЫ И ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ О ЯДЕРНОЙ ВОЙНЕ И АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ

Академик Н. Н. Моисеев говорит об «экологическом императиве», который он определяет как «совокупность условий таких — уже недопустимых —

нарушений равновесия природы, которые могут повлечь за собой дальнейшее неконтролируемое изменение характеристик биосферы, сделать существование на Земле человека невозможным»⁴⁴. Причем первой составляющей «экологического императива» Н. Н. Моисеев считает запрет войны. Широко известны результаты математического моделирования климатических последствий ядерной войны — глобальная «ядерная зима»⁴⁵.

Известный японский общественный деятель, долгое время бывший руководителем буддийского общества, Дайсаку Икэда подчеркивает, что ядерное оружие — это «абсолютное зло», «порождение сатаны»⁴⁶. Не случайно многие исследователи подчеркивают то обстоятельство, что альтернативисты, и в первую очередь «зеленые», начинают смещать остроту своих устремлений от собственно экологической проблематики к требованиям обеспечения эффективной политики мира. Западногерманский исследователь Г.-Г. Рот в статье, названной весьма симптоматично — «Конец партии окружающей среды: генеалогия «зеленых» — от экологии к миру», отмечает, что «зеленые», возникшие как движение в защиту окружающей среды, превратились в партию, требующую изменения системы⁴⁷. Конечно, эту точку зрения не стоит преувеличивать: проблемы экологии остаются для «зеленых» одними из приоритетных. Однако представители этого движения все более осознают неразрывность решения экологических проблем и вопросов, связанных с ростом угрозы ядерной войны. Ведь недаром такой весьма остросоциально настроенный писатель, как Генрих Бёлль, в своем «политическом завещании» подчеркивал, что он считал бы катастрофой, если бы «зеленые» не вошли в состав бундестага. Хотя они и натворили (согласно Бёллю) немало нелепостей и наболтали немало глупостей, но именно «зеленые» являются выразителями стремления к переменам и протеста, цель которого — перемены⁴⁸.

Иногда говорят, что атомная энергетика — это изначально один из «драконов», которых стремились повергнуть сторонники альтернативных движений. И суровая действительность наших дней такова, что многочисленные аргументы альтернативистов против создания и функционирования АЭС стали реально существующим элементом сознания очень многих

граждан. В самом деле, вот уже ставшая обыденной информация: за июнь 1989 г. в СССР на 44 эксплуатируемых энергоблоках АЭС прошло 19 внеплановых остановок (11, включая локальное радиоактивное заражение на площадке Курской АЭС, — по вине персонала; 5 — из-за отказов в системах управления; 2 — из-за отказов электрооборудования; 1 — из-за отказа топливно-механического оборудования)⁴⁹.

Поэтому совершенно не случайно, что такие художественные произведения, как «Мария с полынью в конце столетия» Владимира Яворивского, «Чернобыль» Григория Медведева, «Авария» Кристи Вольф, «Саркофаг» Владимира Губарева, а также публицистика Бориса Олейника, Юрия Щербака, Алеся Адамовича, воспринимаются как своего рода литературные «манифесты» альтернативных движений.

В этом контексте будет любопытно отметить те оценки, которые даются сторонниками движения «зеленых» в нашей стране различным деятелям культуры в зависимости от их отношения к проблемам экологии и личного вклада в их решение. Согласно социологическому исследованию, проведенному с целью анализа особенностей политического сознания в условиях перестройки, представители «зеленых» наиболее высоко оценивают (по пятибалльной шкале) позиции следующих писателей⁵⁰: Сергей Залыгин (5,0 балла), Чингиз Айтматов (4,9 балла), Валентин Распутин (4,8 балла). Нет нужды напоминать о реальном вкладе С. Залыгина в предотвращение чудовищного проекта «поворота рек»; Чингиза Айтматова, создателя Иссык-Кульского форума, — в консолидацию деятелей мировой культуры для решения глобальных проблем; В. Распутина — в спасение Байкала, а ныне — Катуня.

Итак, альтернативные движения — это реальность конца XX в., не принимать которую во внимание сегодня уже просто невозможно. Но и ограничиваться только констатацией факта их существования вряд ли целесообразно. Необходимо тщательное, всестороннее и непредвзятое осмысление этого противоречивого феномена современной политической, научной, культурной жизни. Такое изучение позволит выявить в альтернативных движениях те составляющие, которые объединят широкие народные массы на основе идей социализма (при этом, конечно, следует иметь в ви-

ду, что понимание социализма у последователей альтернативных движений не ограничивается только научным, марксистским социализмом). Но альтернативные движения — это естественный союзник всех (или многих) прогрессивных и демократических движений. И сегодня, когда честно и прямо сказано о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми, главное внимание следует сосредоточить на поисках того, что в первую очередь их объединяет, а не разъединяет.

НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР

Происходящий в стране процесс перестройки, решительного обновления всех сторон общественной жизни, естественно, не мог обойти и столь важную сферу деятельности КПСС и Советского государства, как внешняя политика. Тем более что и здесь накопилось немало проблем. Отсутствие должного конституционного механизма формирования и осуществления внешнеполитического курса, командно-административные методы, закрытость и секретность принятия решений нередко вели к разного рода деформациям и перегибам, вызывали неадекватную реакцию на события международной жизни и политике других государств, а порой приводили и к прямо ошибочным решениям, влекущим за собой тяжелые последствия. Основное внимание в противоборстве на мировой арене концентрировалось на военно-силовом в ущерб политическому аспекту защиты государственных интересов, как он понимался высшим эшелонном руководства. Такой подход требовал огромных усилий и средств. В результате Советский Союз оказался втянутым в бесплодную и разорительную гонку вооружений, что не могло не сказаться и на социально-политическом положении страны, и на ее международных позициях.

Сложившаяся к середине 80-х годов ситуация властно требовала радикальных перемен, коренного обновления как философско-теоретических основ, так и практического содержания советской внешней политики. И такой поворот происходит в настоящее время. В концептуальном отношении он связан с апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, XXVII съездом партии, XIX Всесоюзной конференцией КПСС. Именно на этих партийных форумах и были заложены фундаментальные основы тех новых подходов, кото-

рые и составили сущность нового политического мышления как общетеоретического, можно даже сказать философского, обоснования международной деятельности КПСС и Советского государства в условиях перестройки.

Новое политическое мышление — это четкое осознание той непреложной истины, что нынешний пусть и противоречивый, но взаимосвязанный и единый мир стал слишком маленьким и хрупким для войн и силовой политики. Взаимозависимость и необходимость взаимодействия государств в современном мире перед лицом ядерной угрозы справедливо, на наш взгляд, уподобляют связке альпинистов в горах, когда они могут либо совместно взбираться дальше, к вершине, либо все вместе сорваться в пропасть. Поэтому, чтобы не случилось непоправимое, каждому государству, подобно альпинисту в связке, надо уметь подняться над своими узкими интересами, уважать взгляды и позиции других, проявлять терпимость и готовность воспринимать иное не обязательно как заведомо плохое или изначально враждебное, преодолевать неприязнь и отчуждение — словом, учиться жить в мире как добрые соседи, несмотря на все имеющиеся различия.

1. ПЕРЕСТРОЙКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ ПРИОРИТЕТА ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Признание в новом политическом мышлении взаимозависимости, внутреннего единства мира при всем его многообразии и противоречивости по-новому ставит вопрос о диалектике общечеловеческих и классовых начал в современную эпоху. В марксистско-ленинской теории этот вопрос в принципе решался однозначно. Однако на практике уже с 20-х годов марксистско-ленинская постановка вопроса подверглась сталинистским деформациям. В этой диалектической взаимосвязи произошло явное смещение центра тяжести в сторону примитивизированного «классового подхода», а идея общечеловеческого стала рассматриваться как категория сугубо буржуазная или религиозная. Постепенно такой подход утвердился повсеместно, в том числе и в сфере международных отношений и внешней политики.

Как справедливо отмечается в советской литературе¹, утверждение в теории и практике внешнеполитической деятельности взгляда на межгосударственные отношения как на отношения классовой борьбы связано главным образом с двумя моментами.

Один из них: всепроникающее господство догматизма и иачетничества в общественных науках вообще и в науках о международных отношениях в частности. Вследствие этого классовый подход, который у основоположников марксистско-ленинской теории был средством подлинно научного анализа интересов различных классов и социальных групп в самых различных сферах общественной жизни, включая область международных отношений и внешней политики, превратился в своего рода универсальную отмычку, социологическую догму, годную чуть ли не всегда и везде, на все случаи жизни.

Другой момент связан с механическим, некритическим переенесением на межгосударственные отношения марксистской формулы о том, что всякая политическая борьба есть борьба классовая. А поскольку отношения между государствами — это сфера политической борьбы, отсюда делался вывод: межгосударственные отношения — это и область борьбы классовой.

Но во-первых, основоположники марксизма под политической борьбой имели в виду исключительно борьбу внутриполитическую в классово-разделенном обществе, так как именно она есть более или менее ясное выражение борьбы общественных классов за завоевание или удержание политической власти. Во-вторых, нельзя упускать из виду и то решающее обстоятельство, что в межгосударственных отношениях действуют не классы, а государства. К тому же классовая природа государства — это лишь одна сторона его характеристики как социального института, касающаяся лишь его внутренней сущности. В силу этого подход к межгосударственным отношениям как к отношениям классовой борьбы означает по сути дела абсолютизацию, фетишизацию этой грани государства, отождествление межгосударственных отношений с отношениями внутриобщественными. А этого делать нельзя. Нельзя хотя бы потому, что законы межгосударственных отношений и законы классовой борьбы внутри того или иного государства — понятия разного

порядка. Межгосударственные отношения регулируются своими, присущими им законами, а отнюдь не законами классовой борьбы.

Диалектика подхода к этому вопросу в новом политическом мышлении заключается в том, что отказ рассматривать межгосударственные отношения как сферу классовой борьбы в то же время не означает отрицания в них классовых интересов и ценностей вообще. Ведь между государствами действительно существуют определенные различия в социально-классовой природе, что, естественно, обуславливает наличие у них и своих особых, специфических классовых интересов.

Конечно, роль и место таких интересов в каждом государстве зависят от конкретно-исторических условий, и уже в силу этого нельзя отдавать приоритет именно этой группе интересов в отношениях государства на международной арене. Хотя несомненно, что на определенных этапах исторического развития из всей совокупности внешнеполитических интересов на первый план действительно могут выходить именно интересы классовые, накладывая свой отпечаток на все остальные интересы, особенно у государств молодых, рожденных социальной революцией (как это было, в частности, с нашим государством, оказавшимся единственной социалистической страной в капиталистическом окружении). Но это, повторяем, вовсе не значит, что во всех случаях именно классовым интересам следует отдавать приоритет. Тем более что независимо от всяких субъективных факторов общечеловеческое, хотя и отодвинутое на второй план, не исчезает, оно продолжает существовать.

И если прежде отношение к этому общечеловеческому как к чему-то весьма далекому, расплывчатому связывалось главным образом с представлением о том, что общечеловеческое будет выступать в первую очередь как конечный результат борьбы рабочего класса, который, освобождая в социальной революции себя, освобождает и все человечество, то в настоящее время ситуация в корне меняется. «...Теперь, с появлением оружия массового — всеобщего! — истребления, появился объективный предел для классовой конфронтации на международной арене: это угроза всеуничтожения. Впервые возник реальный, а не умозрительный, сегодняшний, а не отдаленный, общечело-

веческий интерес — отвести от цивилизации катастрофу»². Приоритет именно общечеловеческих интересов и ценностей над классовыми, национальными, групповыми и всякими иными составляет самую сердцевину нового политического мышления. И этот приоритет становится доминантой всей практической политики в международных отношениях.

2. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Из признания целостности и взаимозависимости мира, приоритета общечеловеческих интересов и ценностей вытекает необходимость формирования возможно более широкого общественного согласия хотя бы по ключевым проблемам мирового развития, объективно порождающего общность интересов различных государств и народов. Конечно, пока в мире сохраняются взаимная предубежденность, недоверие и страх, инерция старого политического мышления, сохраняется и стремление действовать с позиции силы в подходе к решению существующих международных проблем. Однако возникающая общность интересов создает новые возможности для сотрудничества государств в различных сферах. Не отставание любым путем своих узких, корыстных устремлений, а баланс интересов различных государств, поиск разумных компромиссов — вот та реальная база, на которой сегодня может и должно строиться международное общение.

Понятно, что общечеловеческие интересы и ценности, чтобы быть защищенными и реализованными, прежде всего должны быть четко осознанными самыми широкими народными массами независимо от разделяющих их классовых, национальных, идеологических и иных перегородок. Процесс этот не может быть легким и гладким, особенно если учесть всю разноплановость социальных сил, все более активно включающихся в мировую политику. Но он, этот процесс, уже идет, тенденция к консолидации потенциала мира, разума и доброй воли заметна и ощутима в современных международных отношениях. Только на основе их дальнейшей демократизации и становится возможным общечеловеческое сораствление

и сотворчество в наведении мостов через пропасти, разделяющие государства, становится возможной общечеловеческая солидарность в совместных усилиях по обеспечению мирного будущего³.

Осознание общечеловеческих интересов и ценностей в современном мире связывается в новом политическом мышлении прежде всего с деидеологизацией межгосударственных отношений⁴, с необходимостью преодоления глубокой идеологической конфронтации, лежащей в основе нынешнего раскола мира на две общественные системы — социалистическую и капиталистическую. В ракетно-ядерный век жизненно важно привести в соответствие с объективными реалиями времени существующие взгляды на взаимоотношения государств двух систем. Потому что именно от того, как будет решаться проблема их взаимоотношений, в первую очередь зависит жизнь человечества.

Концепция идеологической конфронтации двух систем, согласно которой противоречие между ними долгое время считалось главным, основным в мировом общественном развитии, опять-таки восходит к сталинистским извращениям марксистско-ленинской теории⁵. Концепция эта строится на той предпосылке, что наше время — это время революционного перехода от капитализма к социализму и что переход этот будет совершаться в ожесточенной схватке мирового пролетариата с мировой буржуазией. Послеоктябрьское развитие мировой истории представало в этой концепции уже как схватка революционной России с контрреволюционными империалистическими державами, как борьба не на жизнь, а на смерть государственно организованного пролетариата с государственно организованной буржуазией. Таким образом, конфликту, который в марксистско-ленинской теории первоначально мыслился как столкновение классов, был придан характер столкновения межгосударственного. При этом ключевой идеей в сталинской интерпретации международных отношений стала всеохватывающая конфронтация. И все, что не укладывалось в эту жесткую схему, объявлялось историческим зигзагом.

Со времен сталинщины вплоть до недавнего времени противоречие между социализмом и капитализмом как общественными системами понималось как всепро-

никающая конфронтация СССР, а затем и всех существующих социалистических государств с государствами капиталистического мира. Подобная подмена сути понятий, сути самого исторического процесса, которая еще могла в известной степени иметь право на существование на первом, послереволюционном этапе развития Советского государства, в дальнейшем вообще перестала соответствовать реалиям мирового развития, а в теоретическом отношении заводи́ла международные отношения в тупик, не оставляя нного выбора, кроме постоянной конфронтации. Этой концепции, привлекающей своей кажущейся простотой, продолжали держаться и наша наука, и практическая политика. Подобно тому как внутри страны усматривались только два борющихся класса — пролетариат и буржуазия, на международной арене в поле зрения оставались лишь две противоположные системы. И конечно, все, что касалось функционирования одной системы, объявлялось социалистическим, относящееся к другой — буржуазным. Соответственно умоизрядительный раскол на социалистическую и буржуазную системы коснулся практически любой сферы человеческой деятельности, будь то наука, техника, культура, молодежные танцы или фасоны одежды. Все становилось сферой идеологической борьбы.

Отождествлять отношения между государствами или группами государств с отношениями между системами в корне неверно. Почему? Хотя бы потому, что отношения между государствами — это отношения, так сказать, «овеществленные» — государства могут вести между собой переговоры, вступать в те или иные договоры и соглашения. Понятие же «система» не только представляет собой высокую степень абстракции, но и целиком и полностью относится к сфере идеологии, и какие бы то ни было «овеществленные», материализованные отношения между системами практически невозможны.

Кроме того, роль идеологического фактора в межгосударственных отношениях сугубо специфична. Он действительно может играть большую роль во внешней политике государства, но в основном внешняя политика в значительной степени определяется интересами государства, которые реализуются в определенной внешней среде, т. е. в среде межгосударствен-

ных отношений. И если эти отношения постоянно меняются под воздействием различных процессов, происходящих в мире, то идеология как определенное мировоззрение гораздо более консервативна в своем развитии, обладает большей инерцией. Вследствие этого внешнеполитические интересы государства нередко вступают в противоречие с интересами идеологическими, особенно при высокой степени «идеологизации» внешнеполитического курса, когда идеологические интересы преобладают над государственными, превращаясь в своего рода самоцель. Понятно, что такая «идеологизация» внешней политики нередко служит препятствием для развития нормальных, основанных в первую очередь на балансе реальных интересов отношений между государствами. Это порождает недоверие, подозрительность и вражду между ними, способствуя возникновению прочих стереотипов «внешнего врага» и тем самым препятствуя взаимопониманию и сближению народов.

Новое политическое мышление кладет конец подобному диалектически и перманентно-конфронтационному подходу. Не преувеличивая противоположность двух общественных систем, одна из которых к тому же зародилась в недрах другой и по существу является продуктом ее эволюции, оно рассматривает межсистемное противоречие диалектически, как одно из ряда противоречий, стимулирующих мировое общественное развитие. Ратуя за деидеологизацию межгосударственных отношений, новое политическое мышление категорически не приемлет подмену подлинно исторического анализа тенденций развития современного мира процедурой механистического наложения умозрительных догматических, одномерных схем, идеологических стереотипов и клише на сложную и противоречивую реальность.

Речь при этом идет не о ликвидации идеологических различий, связанных с условиями существования, интересами и позициями основных классов и социальных групп современного общества. Да и вряд ли можно вообще «отменить» извечный спор различных идеологий. Идеологический, как и политический, экономический и иной спор, соперничество государств двух систем будут, очевидно, неизбежны и впредь. Но такой спор, такое соперничество в соответствии с новым политическим мышлением должны вестись в

определенных рамках, тем более что никто не может претендовать на обладание абсолютной истиной, и судить о достоинствах той или иной идеологии в конечном счете будет только история.

В международном общении нужно уметь проводить грань между политической позицией и идеологией, тем более идеологической нетерпимостью, неизбежно порождающей «образ врага» как антипода собственным, громко и безапелляционно декларируемым идеалам и ценностям⁶. Недопустимо идеологические разногласия переносить на сферу межгосударственных отношений, ибо идеологические выражения интересов того или иного класса могут быть полярными, а интересы выживания цивилизации, интересы снижения уровня международной напряженности и предотвращения угрозы ядерной войны, чреватой всеобщим уничтожением, являются высшими, общечеловеческими.

Признание приоритета общечеловеческих интересов и ценностей ставит и проблему гуманизации международных отношений, выведения на новый, гораздо более высокий, чем прежде, уровень именно человеческого измерения мировой политики. А это в свою очередь предполагает ликвидацию существующего разрыва между политической практикой и коренными интересами людей, ликвидацию разрыва между политикой и общечеловеческими правовыми и морально-этическими нормами, которые на протяжении столетий вырабатывались народами и обобщались, отчеканивались самыми великими умами человечества. Ведь гуманизм и нравственность — это центральная, стержневая часть самого понятия общечеловеческого⁷. Потому и требует новое политическое мышление господства в реальной политике общепризнанных норм права и морали, так как только на этом пути и можно добиться не декларируемой, а подлинной гуманизации международных отношений, их соответствия высшим запросам и чаяниям людей.

3. МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И СВОБОДА ВЫБОРА

Новое политическое мышление знаменует собой и качественно иной подход к принципиальным основам практических взаимоотношений государств двух си-

стем. Эти взаимоотношения, как известно, строятся на принципе мирного сосуществования, представляющего собой сложную политико-правовую структуру, составляющими элементами которой является ряд общедемократических норм взаимоотношений государств, таких, например, как неприменение силы, невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости их границ, равноправное и взаимовыгодное сотрудничество и др.

Новым мышлением, однако, и здесь вносятся определенные коррективы.

Долгое время, например, мирное сосуществование государств с различным общественным строем рассматривалось в теории международных отношений как некая «специфическая», или «особая», форма классовой борьбы — борьбы государственно организованных классов пролетариата и буржуазии на мировой арене. В основе такой трактовки мирного сосуществования лежал вульгаризированный «классовый подход» к событиям и явлениям международной жизни, согласно которому, как уже отмечалось, международные, в том числе и межгосударственные, отношения являются отношениями классовой борьбы, а потому — антагонистическими.

Рождения в свое время в полемике с маонистами, утверждавшими, будто мирное сосуществование равносильно предательству классовых интересов пролетариата, эта формула, двусмысленная сама по себе, в настоящее время вряд ли способна адекватно отразить реалии современного мира. Поэтому в духе нового мышления из новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, эта формула была исключена.

Сделано это было, очевидно, по следующим соображениям.

Первое. Долгое время было принято считать, будто источник мировых войн кроется в фатально антагонистических противоречиях между двумя системами. Подобное утверждение, однако, не выдерживает прямого сопоставления с фактами. До 1917 г. в мире, как известно, была одна система — капиталистическая. Тем не менее между государствами этой единой системы разразилась первая мировая война. Были и другие войны. И наоборот, во второй мировой войне

в рамках антифашистской коалиции объединились государства, принадлежавшие к разным социальным системам. Их сплотили общие интересы, и эти интересы оказались сильнее социально-политических различий между ними. Сегодня же, перед лицом еще более страшной опасности, нависшей над всем человечеством, — опасности всеуничтожающей ядерной войны, государства, принадлежащие к разным системам, могут и должны сплотиться и сотрудничать между собой во имя мира, во имя решения общечеловеческих задач.

И второе. Необходимо четко и ясно сознавать, что вопреки ранее существовавшим взглядам мирное сосуществование государств с различным социальным строем и классовая борьба как таковая относятся к разным сферам общественной жизни: мирное сосуществование — к сфере межгосударственных отношений, классовая борьба — к отношениям классов внутри капиталистического или переходного общества. И возможную взаимосвязь между этими разноплановыми понятиями не следует подменять их тождеством, хотя на этот счет продолжают пока существовать разные точки зрения⁸.

Не менее остро в новом политическом мышлении ставится и важный вопрос о применимости принципа мирного сосуществования к отношениям между государствами социализма. Длительное время считалось, что отношения между социалистическими государствами строятся на основе принципа социалистического интернационализма, что между ними, учитывая природу этих государств, вообще не может быть вооруженных конфликтов, а потому их сосуществование только и может быть мирным само по себе.

Жизнь, однако, опровергла подобные теоретические построения (события конца 60-х годов на острове Дамаиский, китайско-вьетнамский конфликт в середине 70-х годов). Современное понимание основ взаимоотношений между социалистическими странами, накопленный опыт позволяют строить взаимоотношения между ними, по мнению советского руководства, на принципиально иных основах, соответствующих нынешнему этапу их общественного развития⁹.

Иными словами, мирное сосуществование как бы включается в систему социалистических международ-

ных отношений. Вызвано это следующими основными факторами.

Во-первых, мирное сосуществование включает ряд таких общедемократических норм взаимоотношений между государствами, которые получили самое широкое международно-правовое признание и которые, естественно, не могут игнорироваться странами социализма.

Во-вторых, развитие социалистической системы международных отношений неизбежно сталкивается с двумя противоположными по характеру тенденциями: с одной стороны, к сближению, к интеграции, а с другой — к расхождению на определенных этапах развития их национальных интересов и соответственно к возникновению известных трудностей, разногласий и противоречий. Своего рода балансиrom этих тенденций и выступают такие общедемократические нормы, которые и составляют содержание принципа мирного сосуществования.

В-третьих, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что социалистические международные отношения создаются не на пустом месте. Им предшествовали достаточно протяженные во времени вражда, национальный гнет, рознь и недоверие друг к другу. Время от времени это наследие прошлого может проявиться в сегодняшней жизни, усугубляясь различиями в социально-экономическом и политическом развитии, разного рода субъективистскими ошибками. В таких ситуациях еще больше возрастает значение общедемократических норм, составляющих сущность мирного сосуществования и позволяющих странам социализма находить наименее болезненные пути и способы разрешения возникающих разногласий¹⁰.

Таким образом, концепция мирного сосуществования претерпевает в новом политическом мышлении довольно заметную корректировку. Мирное сосуществование начинает выступать не только как условие выживания всего человечества, но и как универсальный принцип современных международных отношений, активно способствующий тому, чтобы они были направлены исключительно в русло мирного соревнования и взаимовыгодного сотрудничества в самых различных областях общественной жизни.

Наряду с концепцией мирного сосуществования ключевое место в новом мышлении, как подчеркива-

лось на XIX Всесоюзной конференции КПСС, занимает концепция свободы выбора социально-экономического и политического развития каждым народом, каждым государством¹¹. Эта концепция кладет конец имперским взглядам на внешнюю политику. Ныне миллиарды людей, веками остававшиеся на обочине социального прогресса, выходят на сцену самостоятельного исторического творчества. И они вправе рассчитывать на то, что им не будут навязываться извне ни социальный строй, ни образ жизни, ни политический курс. Новое политическое мышление открывает перед ними соответствующую перспективу, предлагая им концепцию свободы выбора, которая рано или поздно должна стать, как и мирное сосуществование, универсальной нормой международных отношений.

4. НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Новое политическое мышление призвано способствовать созданию такой системы международных отношений, в которой при всех различиях и столкновениях интересов тех или иных государств было бы уже невозможно жить по тысячелетним законам и традициям «кулачного права». В современных условиях безопасность не может больше строиться на страхе перед возмездием, т. е. на доктрине «ядерного сдерживания», или «ядерного устрашения». Она должна возводиться на прочном фундаменте баланса интересов всех стран и народов. Тем более что ныне безопасность одного государства становится неразрывно связанной с безопасностью других. Она может быть только взаимной и равной, и в этом смысле она неделима. К тому же обеспечение безопасности перестает быть только военно-технической проблемой и все более становится проблемой политической, решение которой возможно только политическими средствами, т. е. путем переговоров, поиска разумных компромиссов.

Подлинная, реальная безопасность в наше время гарантируется снижением уровня стратегического равновесия, из которого необходимо полностью исключить ядерное и другие виды оружия массового уничтожения. Причем решение проблемы в конечном счете возможно лишь на путях создания всеобъем-

лющей системы международной безопасности, основы которой в военной, политической, экономической и гуманитарной областях были, как известно, сформулированы на XXVII съезде КПСС, на путях построения безъядерного и ненасильственного мира¹². Новое политическое мышление определяет и иной, чем прежде, характер военных доктрин СССР и Организации Варшавского Договора в целом, которые приобретают все более четко выраженную оборонительную направленность¹³, и качественно новые подходы как в области оборонного строительства (например, концепция «разумной оборонной достаточности»), так и в сфере ограничения гонки вооружений и разоружения¹⁴.

Концепция нового мышления положена в основу обновленного внешнеполитического курса КПСС и Советского государства на нынешнем этапе их развития. Решениями первого Съезда народных депутатов СССР она трансформирована в ряд основополагающих принципов, которыми отныне наша страна будет руководствоваться в международных делах. Эти принципы, как они сформулированы и в решениях Съезда, и в его Послании народам мира, сводятся к следующему:

- безопасность нашей страны необходимо обеспечивать прежде всего политическими средствами как составную часть всеобщей и равной безопасности в процессе демилитаризации, демократизации и гуманизации международных отношений с опорой на авторитет и возможности ООН;

- ядерное оружие должно быть ликвидировано в результате переговоров, ориентированных на разоружение и сокращение оборонного потенциала государства до пределов разумной достаточности;

- недопустимы применение силы и угроза силой в целях достижения каких-либо политических, экономических или иных целей; в отношениях с другими странами непреложно уважение суверенитета, независимости, территориальной целостности;

- не конфронтация, а диалог и переговоры с установкой на баланс интересов должны стать единственным способом решения международных проблем, урегулирования конфликтов;

- советская экономика должна органично включаться в мировое хозяйство на взаимовыгодных и равноправных основах, активно участвовать в форми-

ровании и соблюдении правил современного международного разделения труда, научного и технического обмена, торговли¹⁵.

Сформулированные Съездом принципы постепенно начинают реализовываться во внешнеполитической практике. Удалось, в частности, добиться заметного ослабления международной напряженности. Отодвинута прямая угроза ядерной войны. Началось сокращение ядерных арсеналов. К снижению военного противостояния приступили европейцы. СССР вывел свои войска из Афганистана, начал выводить их из союзных стран. Сняты многие ограничения и предрассудки, мешавшие действительному участию нашей страны в международном разделении труда, в научном и культурном обмене, в решении глобальных проблем. Событием поистине всемирного значения стала нормализация отношений между СССР и КНР. После известных событий 1989—1990 гг. в восточно-европейских странах ведется широкий поиск новых путей строительства взаимоотношений с ними. Постепенно реализуется идея строительства «общеевропейского дома», осуществляется активное взаимодействие с США, развиваются связи со странами Азии, Африки и Латинской Америки, укрепляются отношения добрососедства со всеми сопредельными государствами.

Новое политическое мышление активно содействует происходящим в стране перестроенным процессам, способствует упрочению международных позиций страны. Конечно, предстоит еще немало сделать для того, чтобы окончательно была побеждена инерция прошлого, чтобы наметившиеся в международных отношениях позитивные процессы стали необратимыми. И здесь многое будет зависеть от того, насколько плодотворной будет дальнейшая разработка идей нового политического мышления научными силами страны, насколько успешно эти идеи и разработки будут внедряться в политическую практику.

ВОПРОСЫ, ТЕМЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

К ГЛАВЕ I

1. Новое мышление как принципиально новое явление в жизни страны и мира конца XX столетия.
2. Новое мышление как качественно новый этап развития марксизма-ленинизма.
3. Исторические предпосылки и теоретические источники нового мышления.
4. Диалектическая сущность нового мышления.
5. Диалектика общечеловеческого, национального и классового в современном мире.
6. Новое мышление и социалистический плюрализм.
7. Социалистический плюрализм и философский монизм.
8. Социалистический плюрализм и марксистско-ленинский принцип партийности.
9. Причины и формы вульгарно-социологизаторских и метафизических искажений принципа партийности.
10. Социально-классовый, мировоззренческо-теоретический и нравственно-эстетический аспекты принципа партийности.

К ГЛАВЕ II

1. Сущность диалектической логики как логики целостного подхода.
2. Основное содержание современной эпохи как главный объект мышления человечества.
3. Глобальные проблемы современности и новое мышление.
4. Понятие перехода и современное мышление.
5. Диалектическая логика и идеология.

К ГЛАВЕ III

1. Традиционное и новое понимание противоречия. Что можно использовать в практике из теории противоречия?
2. С какими видами противоречий вы сталкивались в повседневной жизни? Приходилось ли вам их разрешать и каким способом?
3. Является ли новое мышление исключительной принадлежностью высшего руководства, или оно должно стать нормой мышления всего народа?
4. Если новое мышление — принадлежность всего народа, то какое участие вы принимаете в разрешении глобальных противоречий?
5. Что движет миром — борьба, содействие или что-то другое?

К ГЛАВЕ IV

1. Новое мышление и проблема противоречий социальной действительности.
2. Анализ в документах партии послеапрельского (1985 г.) периода противоречий социалистического общества.
3. Противоречия между экономическим базисом и политической надстройкой и их разрешение — важнейшая сторона диалектики развития социалистического общества.
4. Переломные годы в истории советского общества: прошлое и настоящее, преемственность и творчество.
5. Закономерности и основные черты развития современной революционной перестройки общественной жизни в нашей стране.
6. Революционный и эволюционный способы разрешения противоречий социалистического общества.

К ГЛАВЕ V

1. Как соотносятся труд и мышление? Какая между ними связь?
2. Какая главная причина механического, инерционного, нетворческого мышления периода застоя?
3. Можно ли провозгласить новое мышление или ввести его каким-либо волевым решением?
4. В чем, на ваш взгляд, главные особенности нового мышления?
5. Каковы пути формирования (становления) нового мышления?
6. Назовите реальные примеры становления нового мышления, укажите его роль в конкретных жизненных процессах.
7. Как вы относитесь к тому, что наши дети практически не участвуют в общественно полезном производительном труде по достижении зрелого возраста (совершеннолетия)? Как это сказывается на их развитии?
8. Количественный и качественный аспекты критерия того, что новое мышление стало (станет) реальностью.

К ГЛАВЕ VI

1. Современное прочтение концепции К. Маркса и Ф. Энгельса о предпосылках «всякого человеческого существования», предпосылках «всякой человеческой истории», изложенной ими в работе «Немецкая идеология».
2. Роль социальной сферы жизни общества в свете материалистического понимания истории.
3. Диалектика взаимосвязи экономических, социальных и политических отношений.
4. Преломление интересов общества и личности в социальной сфере.
5. Социальные отношения и проблемы всестороннего развития личности.
6. Подготовка новых поколений к роли субъекта и объекта общественных отношений.

К ГЛАВЕ VII

1. Бюрократизм в капиталистическом обществе: предпосылки, факторы развития, особенности.

2. Бюрократизм в социалистическом обществе: предпосылки, факторы развития, особенности.

3. Взаимосвязь явлений культа личности вождя и бюрократии при социализме. Программа КПСС о перестройке политической жизни в стране и в партии.

4. Возможности преодоления бюрократизма в СССР.

5. Научная программа борьбы с бюрократизмом и революционные силы перестройки в советском обществе.

К ГЛАВЕ VIII

1. В каком смысле можно говорить о перестройке и необходимости нового мышления применительно к сфере художественной культуры, искусства?

2. Что нового появилось в социалистической художественной культуре в связи с развитием процессов демократизации и гласности? Как вы оцениваете эти явления?

3. Плюрализм — это многообразие единого или конгломерат всякости?

4. Назовите тенденции (и подкрепите их примерами), свидетельствующие о проникновении нового мышления в сферу художественной культуры.

5. Каковы пути и средства борьбы с псевдоискусством и нужна ли вообще эта борьба?

К ГЛАВЕ IX

1. Новый взгляд на историю страны и современное понимание истории советской литературы.

2. Ваше отношение к новым именам и произведениям, которые пришли к читателю в годы перестройки.

3. Переосмысление творчества Горького и Маяковского, Есенина и Шолохова, Фадеева и Твардовского в условиях перестройки, гласности и демократии.

4. Как относиться к творчеству писателей эмиграции?

5. Ваш взгляд на современные литературные споры и дискуссии.

К ГЛАВЕ X

1. Почему тенденции к гуманитаризации математики возникли именно в конце XX столетия?

2. В чем наиболее наглядно проявляется гуманитаризация математики сегодня?

3. Чем отличается гуманитаризация математики от сходных процессов в физике и биологии?

4. Каковы особенности проявления интуиции в математике?

5. Влияют ли занятия математикой на художественные произведения, созданные известными представителями математической науки?

6. Можно ли предсказать новые направления или тенденции гуманитаризации математики?

7. Попробуйте раскрыть механизмы математического творчества, личностные характеристики в деятельности ученого (на примере лично известных математиков либо на основании анализа архивных материалов).

8. Возможен ли «перенос» механизмов действия интуиции, выявленных в сфере математического творчества, на другие области научного знания?

9. Можно ли считать резко возросшую политическую активность ученых-математиков проявлением тенденций к гуманитаризации математики?

К ГЛАВЕ XI

1. Чем вызвано появление альтернативных движений?

2. Нужны ли альтернативные пути в научном исследовании?

3. Каково место альтернативных движений в жизни нашего общества?

4. Всякое ли движение за экологию можно относить к альтернативному?

5. Чем вызван интерес многих сторонников альтернативных движений к идеям утопического и немарксистского социализма?

6. Какими могут быть альтернативные формы развития культуры?

К ГЛАВЕ XII

1. Новое политическое мышление как методология ведения международных дел.

2. Диалектика классового и общечеловеческого в новом политическом мышлении.

3. Новое политическое мышление и дендеологизация межгосударственных отношений.

4. Эволюция ленинской концепции мирного сосуществования в новом политическом мышлении.

5. Новое мышление и советская внешняя политика.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

К ПРЕДИСЛОВИЮ

¹ См., напр.: Дialeктика нового мышления//Коммунист. 1987. № 18; Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988; Новиков А. И. Классовый подход и новое мышление. Л., 1988; Араб-Оглы Э. Реальности нового мышления: От конфронтации к сотрудничеству//Коммунист. 1988. № 2; Бовин А. Новое мышление — новая политика//Коммунист. 1988. № 9; Формировать новое мышление//Политическое образование. 1988. № 1; Тадевосян Э. О новом политическом мышлении в национальном вопросе//Политическое образование. 1988. № 13; Тофтун М. Г. Новое мышление — предпосылка и результат перестройки//Коммунист Украины. 1988. № 6; Любомирова Н. В., Межуев В. М., Михайлов Ф. Т., Толстых В. И. Перестройка сознания или сознательная перестройка//Вопросы философии. 1989. № 4. В последней работе термин «новое мышление» не употребляется, но фактически дается глубокий анализ механизма его формирования.

К ГЛАВЕ I

¹ См.: Горбачев М. С. Революционной перестройке — идеологию обновления: Речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февр. 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 41.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 6.

³ Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М., 1987. С. 11.

⁴ Если остановимся, нас понесет назад. Беседа с Фазилом Искандером//Московские новости. 1989. 12 марта. С. 16.

⁵ См.: Володин К. Почему растет «незавершенка»//Сов. культура. 1989. 14 янв. С. 2.

⁶ См.: Горбачев М. С. Заключительное слово на первом Съезде народных депутатов СССР//Правда. 1989. 10 июня; Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР. Постановление Съезда народных депутатов СССР//Там же. 1989. 25 июня; Горбачев М. С. Перестройка работы партии — важнейшая ключевая задача дня//Там же. 1989. 19 июля; По-новому осмыслить функции и роль партии в обществе//Там же. 1989. 21 июля; Десярев А., Пискунов Д. Раскрыть интеллектуальный потенциал партии//Там же. 1989. 29 июня; Оников Л. Почему отстает авангард?//Там же. 1989. 10 июля.

⁷ Андреев С. Структура власти и задачи общества//Нева. 1989. № 1. С. 172.

⁸ Моисеев Н. Н. Система «ГЕЯ» и проблема запретной черты: Природа и будущее цивилизации//Наука и жизнь. 1986. № 2. С. 69.

⁹ См.: Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987. С. 59; Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. С. 169—189.

¹⁰ См.: Прохоров А. В., Разлогов К. Э., Рузин В. Д. Культура грядущего тысячелетия//Вопросы философии. 1989. № 6.

¹¹ Красин Ю. Марксизм и новое политическое мышление//Политическое образование. 1988. № 8. С. 7. См. также: Гелбрейт Дж. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М., 1988. С. 59—151; Капитализм между прошлым и будущим//Московские новости. 1989. 14 мая. С. 6.

¹² См.: Митрохин Л. Н. Новое мышление и социальный прогресс. Обзор выступлений на конференции «Новое мышление и теория классовой борьбы»//Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1.

¹³ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988. С. 41.

¹⁴ Богомолов О. Меняющийся облик социализма//Коммунист. 1989. № 11. С. 37.

¹⁵ См. там же.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

¹⁷ См.: Бандура Ю. Заблуждение было бы опасно. Первая реакция Запада на новый этап перестройки//Московские новости. 1988. 7 авг. С. 5.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 303.

¹⁹ См. там же. Т. 20. С. 14, 370.

²⁰ Там же. Т. 3. С. 4.

²¹ См.: Гулыга А. В. Об одной неточности в переводе К. Маркса на русский язык//Вопросы философии. 1967. № 12. С. 171—172.

²² Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. С. 145—146.

²³ См. там же. С. 255.

²⁴ См.: Мочалов И., Подберезкин А. В. И. Вернадский и антимилитаризм XX века//Политическое образование. 1988. № 6. С. 96.

²⁵ Афинасьев Ю. Перестройка и историческое знание//Наука и жизнь. 1988. № 9. С. 46.

²⁶ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 84.

²⁷ Кордонский С. Министерство правды//Век XX и мир. 1989. № 2. С. 31.

²⁸ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 264.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.

³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 472—478.

³¹ Там же. С. 396.

³² Вернадский В. И. Очерки и речи. Вып. 1. Пг., 1922. С. 36—37.

³³ Марков М. А. Научились ли мы мыслить по-новому? (К двадцатилетию Пагуошского движения)//Вопросы философии. 1977. № 8. С. 30.

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 11.

³⁵ Там же. Т. 2. С. 516.

³⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 4. С. 220.

³⁷ См.: Красин Ю. Марксизм и новое политическое мышление//Политическое образование. 1988. № 18; Новые реальности — новое мышление. Встреча в редакции//Политическое образование. 1988. № 16; Бугева Л. Утверждая гуманистическую сущность социализма//Политическое образование. 1989. № 4.

³⁸ Новые реальности — новое мышление//Политическое образование. 1988. № 16. С. 101.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Крasiun Ю. Марксизм и новое политическое мышление//Политическое образование. 1988. № 18. С. 11.

⁴¹ См.: Ковальченко И. Исследование истины само должно быть истинно//Коммунист. 1989. № 2. С. 95.

⁴² См.: Филатов В. П. Новое мышление и общественный динамизм//Вопросы философии. 1988. № 2. С. 25.

⁴³ См.: Гулыга А. В. Что такое постсовременность?//Вопросы философии. 1988. № 12. С. 156.

⁴⁴ Ковальченко И. Исследование истины само должно быть истинно//Коммунист. 1989. № 2. С. 95.

⁴⁵ Ахундов М. Д., Баженов Л. Б. У истоков идеологизированной науки//Природа. 1989. № 2. С. 99.

⁴⁶ Куняев Ст. Борьба мировоззрений//Кубань. 1989. № 7. С. 5.

⁴⁷ См.: Золотусский И., Ланщиков А. О критике и о себе//Лит. газ. 1989. 1 февр.; Архипов Ю., Затонский Д. Испытание свободой//Там же. 1989. 13 сент.; Подшивалов И. Все — авангардисты?//Московский комсомолец. 1988. 19 окт.

⁴⁸ Новиков Вл. Дефицит дерзости: Литературная перестройка и эстетический застой//Октябрь. 1989. № 3. С. 188.

⁴⁹ См.: Смирнов Г. Л. Партийность//Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 480; Щербина В. Р. Ленин и вопросы литературы. М., 1985. С. 146, 151—161.

⁵⁰ См.: Социальные и методологические проблемы современной науки. М., 1987. С. 132—136.

⁵¹ См.: Бугва Л. Утверждая гуманистическую сущность социализма//Политическое образование. 1989. № 4. С. 11—13.

⁵² См.: Куняев Ст. Все начиналось с ярлыков//Наш современник. 1989. № 9.

⁵³ Дегтярев А., Пискунов Д. Раскрыть интеллектуальный потенциал партии//Правда. 1989. 29 июня. См. также: Жуков Ю. Свобода слова или вседозволенность?//Там же. 1986. 26 авг.

⁵⁴ См.: Боске Ален. Обращение к тем, кто не утратил душу. Письмо человека с Запада советским друзьям//Московские новости. 1988. 18 сент.

⁵⁵ См.: Гулыга А. В. Что такое постсовременность?//Вопросы философии. 1988. № 12. С. 156.

⁵⁶ См.: Водолазов Г. Ленин и Сталин. Философско-социологический комментарий к повести В. Гроссмана «Все течет»//Октябрь. 1989. № 6. С. 6.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Правда. 1989. 7 июня. С. 5.

⁵⁹ Васильева Л. Открой чело века!//Лит. газ. 1988. 27 июля. С. 12.

⁶⁰ См.: Водолазов Г. Ленин и Сталин//Октябрь. 1989. № 6. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 5.

⁶² Там же. С. 29.

⁶³ См.: Казинцев А. История — объединяющая или разобщающая//Наш современник. 1988. № 11.

⁶⁴ См.: Антонов М. Ф., Клыков В. М., Шафаревич И. Р. Письмо в секретариат правления Союза писателей РСФСР//Литера-

турная Россия. 1989. 4 авг. С. 4; Бочаров А., Лобанов М. Самокритика или самооплевывание?//Лит. газ. 1989. 6 сент.

⁶⁵ См.: Бочаров М., Гранин Д. Авторитет истины//Лит. газ. 1989. 30 авг.; Ананьев А. Критика или обвинение//Литературная Россия. 1989. 1 сент. С. 14; Там же. 13 сент. С. 7; Виноградов И. Особый путь?//Московские новости. 1989. 17 сент. С. 16; Из почты «Октября»//Октябрь. 1989. № 9. С. 204—206.

⁶⁶ См.: Виноградов И. Особый путь?//Московские новости. 1989. 17 сент. С. 16.

⁶⁷ Гроссман В. Все течет//Октябрь. 1989. № 6. С. 97.

⁶⁸ См. там же. С. 97—99.

⁶⁹ См.: Бочаров А., Лобанов М. Самокритика или самооплевывание?//Лит. газ. 1989. 6 сент.

⁷⁰ См.: Черненко А., Широков В. «16-я республика»//Правда. 1989. 8 июля; Заявление ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики//Там же. 1989. 27 авг.; Подозреваются... все русские//Советская Россия. 1989. 5 и 20 авг.; Эстония: взгляд с Запада. Недоумение и тревога//Там же. 15 авг.; Просим Родину защитить нас//Там же. 30 авг.

⁷¹ См.: Правда. 1989. 21 сент.

⁷² Олейник Б. Национальное достоинство и достоиние//Наш современник. 1989. № 9. С. 73.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 137.

⁷⁴ Володин Э. Ф. Судьба России в руках ее народов//Литературная Россия. 1989. 25 авг. С. 3.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 115.

⁷⁶ См. там же. Т. 26. С. 107.

⁷⁷ Солоухин В. Продолжение времени. М., 1984. С. 91.

⁷⁸ Личутин В. Цепь незримая... Размышления о русском: утраченном, позабытом и меркнушем//Дружба народов. 1989. № 8. С. 237.

⁷⁹ Архипов Ю., Затонский Д. Испытание свободой//Лит. газ. 1989. 13 сент. С. 5.

⁸⁰ Там же.

К ГЛАВЕ II

¹ Scantlin J. P. Marxism in the USSR: A Critical Survey of Current Soviet Thought. Итаса; London, 1985. P. 172.

² Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 20.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 160.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ См. там же. Т. 4. С. 220.

⁶ См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 44—45.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 425.

⁸ Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка. М., 1989. С. 16.

⁹ Шахназаров Г. Восток — Запад//Коммунист. 1989. № 3. С. 76.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271—272.

¹¹ Там же. Т. 36. С. 295.

¹² Там же. Т. 29. С. 128.

¹³ Иоффе А. Развитие атомистических воззрений//Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 64.

- ¹⁴ Башляр Гастон. Новый рационализм. М., 1987. С. 42.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 88.
- ¹⁶ См.: Оруджев З. Диалектика как система. М., 1973; Кумф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика: Основные принципы и проблемы. М., 1979.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 92.
- ¹⁸ Там же. С. 162.
- ¹⁹ Красин Ю. О революционных преобразованиях переходного типа//Вопросы философии, 1981. № 4. С. 109.
- ²⁰ См.: Сяопин Дэн. Основные вопросы современного Китая. М., 1988.
- ²¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 31.
- ²² Там же. С. 35.
- ²³ Тоффлер О. Будущее труда//Новая технологическая воля на Западе. М., 1987. С. 252.
- ²⁴ Там же. С. 267.
- ²⁵ Америка. 1989. Март. № 338. С. 31.
- ²⁶ Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. М., 1988. С. 238.
- ²⁷ См.: Аверьянов А. Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 158—167.
- ²⁸ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 41.
- ²⁹ Scanlan J. P. Marxism in the USSR. P. 164—165.
- ³⁰ Ibid. P. 172.
- ³¹ Ibid. P. 173.
- ³² Копкин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С. 142.

К ГЛАВЕ III

- ¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. Т. I. М., 1956. С. 660.
- ² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 г. М., 1989. С. 36, 37.
- ³ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. I. М., 1975. С. 66.
- ⁴ См., напр.: Спиркин А. Г. Основы философии. М., 1988. С. 244.
- ⁵ См.: Аристотель, Соч. Т. I. С. 260.
- ⁶ См.: Богдинов А. Всеобщая организационная наука. Ч. I. Т. I. Л.; М., 1925. С. 90.
- ⁷ Гегель. Соч. Т. II. М., 1934. С. 326.
- ⁸ О конкретных причинах противоречий в обществе см., напр.: Смирнов Г. Л. Революционная суть перестройки. М., 1987. С. 42—54.
- ⁹ Горбачев М. А. На переломном этапе перестройки//Правда. 1989. 31 марта. С. 2.
- ¹⁰ См.: Кумф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. М., 1979; Кайдалов В. А. Самодвижение материи. М., 1979.
- ¹¹ См.: Класс управления, использующий принцип противоречия, его проявления в живых системах и возможности применения в технике. Иркутск, 1984. С. 7—10; Гомеостаты и гомеостатные сети управления, их приложение в биологических, природных и технических системах. Иркутск, 1987.

¹ См.: Материалистическая диалектика: В 5 т./Под ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М., 1981—1985 (в том числе: Т. 4. Диалектика общественного развития. М., 1984); Марксистско-ленинская диалектика: В 8 т./Под ред. М. Б. Митина. М., 1983—1988; Материалистическая диалектика как общая теория развития/Под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1982—1988 (в том числе: Кн. 4. Диалектика общественного развития. М., 1987).

² См.: Диалектика современного общественного развития: Материалы совещания по современным проблемам материалистической диалектики, 7—9 апр. 1965 г. М., 1966.

³ См., напр.: Бутенко А. П. Противоречия социализма как общественного строя//Вопросы философии. 1982. № 10; Он же. Еще раз о противоречиях социализма//Вопросы философии. 1984. № 2; Семенов В. С. Проблема противоречий в условиях социализма//Вопросы философии. 1982. № 7, 9; Он же. К теоретическому углублению и конкретизации анализа проблемы противоречий в условиях социализма//Вопросы философии. 1984. № 2.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 3. С. 60—61.

⁵ Там же. С. 463.

⁶ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 12.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 30.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 11. С. 118.

¹⁰ См.: Алтухов В. Л. Октябрь и современные проблемы диалектики общественного развития//Вопросы философии. 1987. № 11.

¹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 63, 65.

¹² См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 93.

¹³ Там же. С. 139.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 276.

¹⁵ См.: Яковлев А. Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки//Коммунист. 1987. № 8.

¹⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 53. С. 206.

¹⁷ См.: Малинин В. А. Исторический материализм и социологические концепции начала XX века. М., 1986. С. 25.

¹⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 191—192.

¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 47.

²⁰ См.: Бордюгов Г., Козлов В. Время трудных вопросов: История 20—30-х годов и современная общественная мысль//Урок дает история. М., 1989. С. 265.

²¹ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 218—219.

²² См. там же. Т. 11. С. 134.

²³ См. там же. Т. 45. С. 282.

²⁴ См. там же.

²⁵ См. там же. Т. 43. С. 385.

²⁶ Там же. Т. 42. С. 206.

²⁷ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 324.

²⁸ См.: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 4. Кн. 1. С. 85.

²⁹ См.: Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 18.

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 10.

³¹ Там же. С. 16.

³² См.: История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т. Т. 4. Кн. 2. С. 35.

³³ См.: Коржухина Т. П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 141.

³⁴ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 37.

³⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25—26 июня 1987 г. С. 12.

³⁶ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. С. 31.

³⁷ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 44. С. 221—223.

³⁸ См.: Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1960—1970. Т. 4. С. 503.

³⁹ См.: Алтухов В. Л. Октябрь и современные проблемы диалектики общественного развития//Вопросы философии. 1987. № 11. С. 16.

⁴⁰ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 26. С. 221.

⁴¹ Там же. Т. 44. С. 223.

К ГЛАВЕ V

¹ Коммунист. 1986. № 13. С. 63.

² См.: Правда. 1988. 7 сент.

³ См.: Комсомольская правда. 1988. 6 сент.

⁴ См.: Учительская газета. 1987. 23 июля.

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 янв. 1987 г. М., 1987. С. 17.

⁶ Правда. 1988. 23 июня.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 486.

⁸ Там же. Т. 18. С. 551—552.

⁹ См. там же. Т. 3. С. 68—70.

¹⁰ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 янв. 1987 г. С. 16.

¹¹ Платонов А. Котлован. Ювенильное море. Повести. М., 1987. С. 153.

¹² Роман-газета. 1986. № 23. С. 55.

¹³ Правда. 1988. 14 окт. С. 2.

¹⁴ См.: Правда. 1988. 13 янв. С. 2.

¹⁵ Правда. 1988. 18 июля. С. 2.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 495.

¹⁷ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 112—113.

¹⁸ Сухомлинский В. А. Мудрая власть коллектива. М., 1975. С. 109.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 110.

²⁰ Там же. Т. 19. С. 31.

²¹ Там же. Т. 16. С. 197

²² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 2. С. 485.

²³ Там же. Т. 41. С. 317.

²⁴ Макаренко А. С. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М., 1957. С. 179.

²⁵ См.: Учительская газета. 1988. 23, 25 авг., 20—27 дек.

К ГЛАВЕ VI

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 44.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 491.

³ Там же. Т. 23. С. 182.

⁴ Там же. Т. 3. С. 36.

⁵ Там же. С. 36—37.

⁶ Там же. С. 38.

К ГЛАВЕ VII

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 янв. 1987 г. М., 1987. С. 41.

³ См.: Танрыкулов П. Кто в аппарате//Правда. 1988. 30 мая.

⁴ См.: Плутник А. Урок военного дела//Известия. 1989. 20 марта.

⁵ Пастернак В. С. «За» и «против»//Известия. 1989. 6 апр.

⁶ Власть, народ, Советы//Лит. газ. 1988. 22 июня.

⁷ См.: Вношу предложение//Правда. 1988. 26 окт.

⁸ См., напр.: Сахнин А. Упоение властью//Правда. 1987. 13 сент.; Феофанов Ю. Честь мундира//Известия. 1989. 20, 21 февр., 24 апр.; Вохмянин Г. Честь мундира//Правда. 1989. 22 марта.

⁹ См., напр.: Каплун И. Упорство Мазанова//Лит. газ. 1987. 7 окт.; Новиков А. Открывая закрытые темы//Комс. правда. 1988. 16 июля.

¹⁰ См., напр.: Барочов Л. Схватка с беззаконием//Правда. 1988. 7 дек.; Сичка Н. Без свидетелей...//Комс. правда. 1988. 5 янв.; Капелюшин Л. Бесчестье//Известия. 1989. 18 марта; Черных Е. Реабилитация//Комс. правда. 1989. 19 марта.

¹¹ Соколов В. Бандократия//Лит. газ. 1988. 17 авг.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387, 360.

¹³ См. там же. С. 396, 351, 405.

¹⁴ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 17; Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. С. 76, 77.

¹⁵ Двенадцатый съезд РКП(б), 17—25 апр. 1923 г. Стеногр. отчет. М., 1968. С. 60.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 208, 239.

¹⁷ См.: Двенадцатый съезд РКП(б). С. 56, 60.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 281.

¹⁹ Подсчитано по: Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. М., 1924. С. 12, 37; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 году. Вып. 1. М., 1927. С. 8, 87.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 47.

²¹ Подсчитано по: Ларин Ю. Социальная структура СССР и судьба аграрного перенаселения. М.; Л., 1928. С. 45; Большаков А. М. Современная деревня в цифрах. Л., 1925. С. 70.

²² Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 298.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 399.

²⁴ См.: КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 93.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 194.

²⁶ Самолис Т. Очищение//Правда. 1986. 13 февр.

²⁷ Выступление т. Калашникова В. И./Правда. 1989. 27 апр.

²⁸ См.: Нуйкин А. Идеал или интересы?//Новый мир. 1988. № 1. С. 198; Андреев С. Причины и следствия//Урал. 1988. № 1. С. 134—137; Он же. Структура власти и задачи общества//Нева. 1989. № 1. С. 151, 152, 156; Сахаров А. Д. Мир через полвека//Вопросы философии. 1989. № 1. С. 28.

²⁹ Выступление т. Месяца В. К./Правда. 1989. 27 апр.

³⁰ Правда. 1989. 21 июля.

К ГЛАВЕ VIII

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 499.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 418.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304—305.

⁴ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 169.

⁵ См.: Бочаров А. Покушение на миражи//Вопросы литературы. 1988. № 1.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 91.

К ГЛАВЕ IX

¹ Филиппов Б. Статьи о литературе. Лондон, 1981. С. 238.

² The Contemporary Writer/Ed. by D. S. Dombo. N.Y., 1972. P. 55.

³ Набоков В. Другие берега. Издательство Ардис. США, 1965. С. 165.

⁴ Бердяев Н. Собр. соч. Т. 1. Париж, 1972. С. 387.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Советская культура. 1987. 26 сент.

⁷ Там же.

⁸ См.: Советская Россия. 1987. 15 сент.

⁹ Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С. 264.

К ГЛАВЕ X

¹ См.: Паршин П. Б., Сергеев В. М. Иден и методы искусственного интеллекта в изучении политического мышления//Политические науки и НТР. М., 1987. С. 210.

² Heyting A. Intuitionistic Views of the Nature of Mathematics//Synthese. Dordrecht, 1974. Vol. 27. P. 91.

³ Fang J. Between Philosophy and Mathematics: The Parallel on a «Parallax». Norfolk, 1988. P. 19.

⁴ См.: Шафаревич И. Р. Основные понятия алгебры. М., 1986; Арнольд В. И. Математика с человеческим лицом//Природа. М., 1988. № 3.

⁵ Барабашев А. Г. Философия математики в США: современное состояние//Закономерности развития современной математики: Методологические аспекты. М., 1987. С. 297.

⁶ См.: Грязнов А. Ф. Философия математики Л. Витгенштейна//Методологический анализ оснований математики. М., 1988. С. 88.

⁷ См. там же. С. 88—89.

⁸ Goodman N. D. Reflections on Bishop's Philosophy of Mathe-

matics//The Mathematical Intelligencer. N. Y.; Berlin; Heidelberg; Tokyo, 1983. Vol. 5. N 3. P. 61—62.

⁹ Ibid. P. 62—63.

¹⁰ Глушков В. М. Кибернетика. Вопросы теории и практики. М., 1986. С. 452.

¹¹ Успенский В. А. Семь размышлений на темы философии математики//Закономерности развития современной математики. С. 139—140.

¹² Там же. С. 150—151.

¹³ Цит. по: Целищев В. В., Карпович В. Н., Поляков И. В. Логика и язык научной теории. Новосибирск, 1982. С. 69.

¹⁴ Dalen D. van, Brouwer: The Genesis of his Intuitionism//Dialectica. Lousanna, 1978. Vol. 32. N 3—4. P. 293.

¹⁵ Brouwer L. E. J. Over de Grondslagen der Wiskunde. Amsterdam; Leipzig, 1907. Blz. 127.

¹⁶ Brouwer L. E. J. Intuitionistische Mengenlehre//Jahresberichte der Deutschen Mathematikern Vereinigung. 1919. Bd 28. S. 240.

¹⁷ Brouwer L. E. J. Mathematik, Wissenschaft und Sprache//Monatshefte für die Mathematik und Physik. 1929. Bd 36. S. 158.

¹⁸ Гильберт Д. Основания геометрии. М.; Л., 1948. С. 383.

¹⁹ Brouwer L. E. J. Historical Background, Principles and Methods of Intuitionism//South African Journal of Science. 1952. Vol. 49. N 3—4. P. 141—142.

²⁰ Brouwer L. E. J. Points and Spaces//Canadian Journal of Mathematics. 1954. Vol. VI. N 1. P. 5.

²¹ Snapper E. The Three Crisis in Mathematics: Logicism, Intuitionism and Formalism//Mathematics: People, Problems, Results. Belmont (Calif.), 1984. Vol. 2. P. 187.

²² Barker S. F. Philosophy of Mathematics. New Jersey, 1964. P. 72.

²³ Вейль Г. Полвека математики. М., 1969. С. 26.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 529.

²⁵ Подробнее см.: Панов М. И. Можно ли считать Л. Э. Я. Брауэра основателем конструктивистской философии математики?//Методологический анализ математических теорий. М., 1987.

²⁶ См.: Колмогоров А. Н. Предисловие редактора перевода//Петер Р. Рекурсивные функции. М., 1954.

²⁷ Марков А. А. Что такое конструктивная математика? Введение (Публикация и предисловие Н. М. Нагорного)//Закономерности развития современной математики. С. 211—212.

²⁸ Ветрова Н. В. У истоков культуры: миф и искусство//Культура как эстетическая проблема. М., 1985. С. 68.

К ГЛАВЕ XI

¹ См.: Худавердян В. Ц. Современные альтернативные движения: Молодежь Запада и «новый» рационализм. М., 1986; Современный мир глазами «зеленых». М., 1987; Вдовиченко Л. Н. Альтернативное движение в поисках альтернатив. М., 1988.

² Астафьев В. Не знает сердце середины//Правда, 1989. 30 июня.

³ Подробнее см.: Панкова Л. Н. Альтернативные движения в поисках теоретических оснований//Диалектика фундаментального и прикладного. М., 1989.

⁴ *Shibata Sh.* Sociological Implications of Hiroshima and Anti-nuclear Movement//XI World Congress of Sociology. August 1986, New Delhi (Preprint of Hiroshima University, Japan). P. 10—11.

⁵ *Geoghegan V.* Utopianism and Marxism. L.; N. Y., 1987. P. 24.

⁶ Ibid. P. 25.

⁷ Ibid. P. 38.

⁸ Ibid. P. 36.

⁹ Ibid. P. 43.

¹⁰ Ibid. P. 39—40.

¹¹ Ibid. P. 37.

¹² Ibid. P. 118.

¹³ Ibid. P. 121.

¹⁴ *Bahro R.* Building the Green Movement. L., 1986. P. 210.

¹⁵ *Geoghegan V.* Op. cit. P. 122—123.

¹⁶ Ibid. P. 115.

¹⁷ Ibid. P. 122.

¹⁸ *Твардовская В. А.* Петр Кропоткин — мечтатель и реалист//Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 389.

²⁰ Там же. С. 389—390.

²¹ Там же. С. 217.

²² *Сколимовски Х.* Философия техники как философия человека//Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 245.

²³ См.: *Гладков П.* Коммуны вчера и сегодня//Правда. 1989. 2 июля.

²⁴ *Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik: Ansätze zur Kultivierung von Ökon.* Fr. a/M, 1986. S. 251.

²⁵ См.: *Большаков В., Григорьев Е., Колесниченко Т.* Избран Европейский парламент//Правда. 1989. 20 июня.

²⁶ См.: *Большаков В.* После выборов в Европарламент//Правда. 1989. 23 июня.

²⁷ См.: *Бызов Л., Львов Н.* Перестройка: политическое сознание и социальные отношения//Век XX и мир. 1989. № 3. С. 12.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ *Мешков О.* Куда поворот?//Правда. 1989. 26 июня.

³⁰ Народный конгресс: Сборник материалов конгресса Народного фронта 1—2 ноября 1988 г. Таллинн, 1989. С. 25.

³¹ Там же. С. 23.

³² См.: *Тоффлер О.* Будущее труда//Новая технократическая волна на Западе. С. 251.

³³ См.: *Скиннер Б.* Хватит ли человечеству земных ресурсов? М., 1989.

³⁴ *Тоффлер О.* Будущее труда//Новая технократическая волна на Западе. С. 253—254.

³⁵ *Каору И.* Японские методы управления качеством. М., 1988. с. 49.

³⁶ *Тоффлер О.* Будущее труда//Новая технократическая волна на Западе. С. 255.

³⁷ Там же. С. 251.

³⁸ См.: *Гладков П.* Указ. соч.

³⁹ *Тоффлер О.* Раса, власть, культура//Новая технократическая волна на Западе. С. 280.

⁴⁰ См.: Американские «зеленые» решили не создавать партию//Правда. 1989. 27 июня.

⁴¹ Подробнее см.: *Олейников Ю. В.* Экологические альтернативы НТР. М., 1987; *Беллер Г. А.* Экзамен разума. М., 1988; *Мамедов Н. М.* Экология и техника: Проблема оптимальной ориентации развития техники. М., 1988.

⁴² См.: *Ричардсон Дж.* Модели глобальных систем//Прорыв: Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн. М., 1988. С. 146—147.

⁴³ См.: *Бурлацкий Ф. М.* Новое мышление: Диалоги и суждения о технологической революции и наших реформах. М., 1989. С. 22.

⁴⁴ *Моисеев Н. Н.* Экология, нравственность и политика//Вопросы философии. 1989. № 5. С. 8.

⁴⁵ См.: *Моисеев Н. Н.* Экология человечества глазами математики. М., 1988. С. 73.

⁴⁶ См.: *Икзда Д., Логунов А.* Третий радужный мост: Поиск человека и мира. М., 1988. С. 176.

⁴⁷ *Roth H.-G.* Das Ende der Umweltpartei: Von Öko zu Pax — die Genealogie der Grünen//Criticon. München, 1986. N 93. S. 14.

⁴⁸ См.: *Бёль Г.* Каждый день умирает частица свободы: Художественная публицистика. М., 1989. С. 348.

⁴⁹ См.: АЭС: происшествия в июне//Известия, Московский вечерний выпуск. 1989. 10 июля. См. также: *Асинкритов Г.* Перегрев: Калининская АЭС превысила пределы теплового воздействия на окружающую среду//Советская Россия. 1989. 14 июля.

⁵⁰ См.: *Бызов Л., Львов Н.* Указ. соч. С. 16.

К ГЛАВЕ XII

¹ См.: *Поздняков Э.* Национальные, государственные и классовые интересы в международных отношениях//Мировая экономика и международные отношения (далее — МЭМО). 1988. № 5. С. 12—13. См. также: *Усачев И.* Общечеловеческое и классовое в мировой политике//Коммунист. 1988. № 11.

² *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. С. 150.

³ См.: *Козырев А.* Восток и Запад: От конфронтации к сотворчеству и соразвитию//Международная жизнь. 1989. № 9.

⁴ См.: *Горбачев М. С.* Выступление в Организации Объединенных Наций, 7 дек. 1988 г. М., 1988. С. 11.

⁵ См.: *Шахназаров Г.* Восток — Запад: К вопросу о дендеологизации межгосударственных отношений//Коммунист. 1989. № 3.

⁶ См.: *Мельвил А. Ю.* «Образ врага» и новое политическое мышление//США: экономика, политика, идеология. 1988. № 1. С. 29—30.

⁷ См.: *Карлов Ю.* Нравственность в мировой политике//Международная жизнь. 1988. № 4. С. 3—12.

⁸ См., напр.: *Дилигенский Г.* О пользе ясности//МЭМО. 1988. № 6; *Корьев А. Б.* Мирное сосуществование: Общесоциальный подход//США: экономика, политика, идеология. 1988. № 11; Новые реальности — новое мышление//Политическое образование. 1988. № 16; *Бовин А., Лукин В.* Перестройка международных отношений — пути и подходы//МЭМО. 1989. № 1; *Примаков Е., Мартынов В., Дилигенский Г.* Некоторые проблемы нового мышления//МЭМО. 1989. № 6.

⁹ *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 5. М., 1988. С. 433.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Бовин А.* Мирное сосуществование и мировая система социализма//МЭиМО. 1988. № 7.

¹¹ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 31.

¹² См.: За новое политическое мышление в международных отношениях: Внешнеполитические аспекты перестройки. Документы и материалы. М., 1987. С. 27—31, 40—42, 220—233, 426—429, 481—483.

¹³ См. там же. С. 30—31, 562—566.

¹⁴ См.: К новой модели безопасности. Беседа кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР генерала армии Д. Т. Язова с корреспондентом ТАСС//Правда. 1989. 20 июня.

¹⁵ См.: Правда. 1989. 10 и 25 июня.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Новое мышление — мышление диалектическое	7
1. Постановка вопроса о новом мышлении	
2. Исторические предпосылки нового мышления и некоторые проблемы теории материалистической диалектики	16
3. Новое мышление, социалистический плюрализм и принцип партийности	27
Глава II. Новое мышление и диалектическая логика	42
1. Мышление по логике целостности и понятие перехода	44
2. Новое мышление — высшая степень мышления XX в.	51
3. Новое мышление, логика и идеология	55
Глава III. Категория «противоречие» в системе нового мышления	61
1. Структура противоречия	—
2. Виды противоречий	68
3. Причины и движущие силы противоречия	73
4. Разрешение противоречий	80
Глава IV. Глубокое проникновение в сущность противоречий между базисом и надстройкой как элемент нового мышления	87
1. Пробный камень революционной перестройки сознания	—
2. Своеобразие и формы выражения противоречий между базисом и надстройкой	91
3. Причины отставания и забегания надстройки вперед относительно уровня развития своего базиса	94
4. Ситуация революционного сдвига	97
5. Ситуация качественного сдвига в истории советского общества (20-е годы)	100
6. Современная ситуация революционного сдвига	106
7. Два основных способа разрешения противоречий	110
Глава V. Труд как фактор и условие формирования нового мышления	115
1. Единство труда и мышления	—
2. Становление нового качества труда в ходе перестройки	118
3. Новый труд и новое качество мышления	123

Глава VI. Новый взгляд на социальную сферу и социальные отношения	131
1. Постановка темы	—
2. Определение понятия «социальное»	133
3. Историческая роль социальной сферы	137
4. Субъекты или объекты социальной сферы?	144
5. Развитие социальных отношений — путь создания активно действующей социальной сферы	158
Глава VII. Борьба с бюрократизмом — глобальная проблема перестройки	164
1. Классический бюрократизм	166
2. Корпоративный бюрократизм	169
3. Определяющий фактор корпоративизма	182
4. Возможности преодоления бюрократизма	193
Глава VIII. Проблема нового мышления в художественной культуре	212
1. Новые реальности в современной художественной культуре	213
2. Ново ли новое в художественной культуре?	215
3. Социальные причины псевдоноваций в сфере культуры	219
4. Нужен критерий	221
Глава IX. Правда истории и литература	225
1. Устремленность к правде	—
2. Гуманистический потенциал социализма	231
3. Последовательный историзм	236
Глава X. Гуманитаризация математики как аспект нового математического мышления	244
1. Математика в контексте культуры: возможно ли это?	—
2. Математическое доказательство: как здесь может проявляться человеческий фактор?	250
3. Возникновение интуиционизма — один из поворотных пунктов в формировании нового математического мышления	255
Глава XI. Альтернативные движения — реальность социальной жизни конца XX столетия	266
1. Методологический фундамент альтернативных движений	267
2. Немарксистский социализм и альтернативные движения	269
3. Альтернативные ассоциации и экология	271
4. Об альтернативных движениях в нашей стране	275
5. Экономика и экология: разные подходы сторонников альтернативных движений	277
6. Альтернативисты и деятели культуры о ядерной войне и атомной энергетике	281

Глава XII. Новое политическое мышление и внешняя политика СССР	285
1. Перестройка внешней политики на основе приоритета общечеловеческих ценностей	286
2. Демократизация, деидеологизация и гуманизация межгосударственных отношений	289
3. Мирное сосуществование и свобода выбора	293
4. Новая концепция безопасности	297
Вопросы, темы для дискуссий	300
Цитируемая литература	304

Диалектическая сущность нового мышления:
Д44 Пособие для методол. семинаров/Отв. ред.
Е. Ф. Солопов. — М.: Мысль, 1990. — 318, [1] с.
ISBN 5-244-00462-X

В книге анализируются содержание, пути формирования и предпосылки возникновения нового мышления, его связь с диалектической логикой, раскрывается его значение для перестройки советского общества, исследуется его роль во внешнеполитических и международных отношениях.

Д 0301040100-055
004(01)-90 КБ-9-14-1989

ББК 15.5

Учебное пособие

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Редактор Е. С. Дых
Оформление художника П. П. Рогачева
Художественный редактор Г. М. Чеховский
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор О. П. Кулькова

ИБ № 4040

Сдано в набор 23.01.90. Подписано в печать 20.04.90. Формат 84×108¹/₂.
Бумага книжно-журнальная. Печать высокая. Литературная гарнитура.
Усл. печатных листов 16,8. Усл. кр.-отт 16,8. Учетно-издательских листов
17,32. Тираж 25 000 экз. Заказ № 52 Цена 90 к.

Издательство «Мысль», 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Государственного комитета СССР по печати.
113105, Москва, Нагатинская ул., д. 1.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СУЩЕНОСТЬ ИМЕНИ ИЛИ ИЛИ